

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHK 121 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

П. С. РЕЙФМАН

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
„СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО“

ТАРТУ 1962

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. A. VIHK

121

ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

П С. РЕЙФМАН

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
„СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО“

ТАРТУ 1962

Редакционная коллегия:

В. Адамс, Б. Егоров, Ю. Лотман (ответственный редактор), А. Правдин.

История русской журналистики 1860-х годов привлекала к себе многократно внимание литературоведов и историков. Особенно большое число работ было посвящено изданиям периода нарастания революционной ситуации, подъема общественного движения в России. Детально исследована журнальная деятельность Чернышевского, Добролюбова, основные издания революционно-демократического лагеря («Современник», «Русское слово», «Искра»).

Однако, изучение журналистики 1860-х годов ни в коем случае нельзя признать исчерпанным. Более того, можно утверждать, что в какой-то степени она до сих пор изучалась, главным образом, по отдельным, вершинным явлениям. Такой подход, в известной степени, закономерен, так как акцентирует внимание изучающего на наиболее значительных вехах. Но он имеет и свои недостатки, не давая полного представления о всей сложности и многообразии журнально-литературного процесса. Поэтому возникает вопрос о целесообразности и необходимости не выборочного, а систематического обследования всей суммы журнальных фактов. Такое обследование не только представит журнальный процесс во всем его единстве, сложности, противоречивости, даст реальную картину его, но и поможет часто по-новому осветить ряд отдельных явлений, понять более глубоко то или иное журнальное выступление, ту или иную позицию писателя (напр., изображение народа у Салтыкова-Щедрина, Слепцова, полемику вокруг романа Тургенева «Отцы и дети» и др.).

Русская журналистика 1860-х годов, периода наступления реакции (начиная с 1862 г.), изучена сравнительно мало. Этим объясняется и тот факт, что интересная и прогрессивная газета «Современное слово», принадлежащая несомненно к демократическому лагерю, не привлекла до сих пор к себе внимания исследователей. Кроме кратких упоминаний о ней в общих обзорах и словарях, ей не посвящено ни одной работы. Направление её нередко характеризуется как либеральное.

А между тем, все содержание «Современного слова» за время его недолгого существования (июнь 1862 — июнь 1863 гг.) приводит к выводу о демократическом характере издания. Правительственное запрещение газеты, издававшейся Н. Г. Писарев-

ским (1821—1895), впоследствии крупным русским ученым, одним из основоположников электротехники и телеграфного дела в России, было далеко не случайным. Оно определялось не только отдельным фактом нарушения цензурных постановлений, но и всей суммой материалов, помещаемых в газете.

Все это делает целесообразным исследование о «Современном слове», попытку осветить его позицию по важнейшим вопросам идейной борьбы, которая велась в журналистике в 1862—1863 годах, своеобразии газеты Писаревского по сравнению с другими изданиями, близость её к журналам демократического лагеря¹

¹ Некоторые факты, свидетельствующие о демократическом характере «Современного слова», приведены мною в статье «Обсуждение новых постановлений о печати в русской журналистике 1862 года и газета «Современное слово», Уч. зап. ТГУ, Тарту, 1961, вып. 104.

Глава I.

БОРЬБА ГАЗЕТЫ «СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО» С ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ РЕАКЦИЕЙ ПОСЛЕРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА.

22 апреля 1863 г. председатель петербургского цензурного комитета Цеэ сообщил министру внутренних дел, что в прибавлении к 66 № «Современного слова» (от 18 апреля) он заметил отрывки, которые не должна была пропустить цензура: в одном из них осуждался монархический принцип, в другом — высказывалась мысль, что наивно надеяться на «законные» средства борьбы с несправедливостью, и одобрялось сопротивление, которое оказали полиции жители Праги. При сверке с корректурными листами оказалось, что цензор вычеркнул один из этих отрывков, а другой изменил, однако оба отрывка попали в газету. Ставя в известность о происшедшем министра, Цеэ просил его приказать «поступить с виновными по всей строгости законов».² Началось следствие, которое раскрыло немало деталей, подтверждающих «крамольное» направление «Современного слова». Но именно подтверждающих, так как представление о «крамольности» газеты Писаревского возникло в правительственных кругах задолго до инцидента с прибавлением к 66 № и начала следствия. Нужно отметить, что и само обвинение в умышленном опубликовании редакцией текста, запрещенного цензором, (а это обвинение послужило поводом к следствию), доказать не удалось: издатель «Современного слова» резонно заявил, что корректуры от цензора поступают прямо в типографию, что по закону она должна отвечать за то, что напечатала вычеркнутый текст, что никаких указаний восстановить зачеркнутое редакция не давала и не имела права давать. Трудно сказать, была ли редакция и на самом деле виновна в том, что два запрещенных отрывка оказались напечатаны. Но она была «виновна» в другом: в общем направлении газеты. Не случайно Писаревский в своей оправдательной записке обходил вопрос о направлении «Современного слова», как «имеющий весьма относительное значение»: ³ одним, дескать, кажется вредным, другим — полезным.

2-го июня 1863 г. вышел последний номер газеты. По высочайшему повелению она была запрещена. В архивах хранится большое количество дел, проясняющих отношение властей к «Современному слову», к Писаревскому: видно, что с первых дней существования газеты, и даже до ее возникновения, правящие круги с раздражением следили за ней. Само появление «Современного слова» связано с неблагосклонным вниманием

² ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, 1862, № 65, л. 5 об.

³ ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, 1863, № 151, л. 33 об.

властей. Дело в том, что Писаревский заключил в 1861 г. контракт на издание до 1868 г. газеты военного министерства «Русский инвалид». Но вскоре министерство предложило расторгнуть контракт, так как стало ясно, что неофициальная часть газеты приобретает характер, за который министерство не может отвечать. Об этом сообщил 4 апреля 1862 г. военный министр министру народного просвещения. Он настаивал, чтобы неофициальную часть сразу же отделили, издавали до конца 1862 г. в виде особой газеты «Современное слово», а с 1863 г. эту газету передали в собственность Писаревского, чтобы возместить убытки, понесенные им от расторжения контракта.⁴ Действительно, «Русский инвалид», издаваемый Писаревским, мог доставлять министерству много хлопот. Так, например, цензура обратила внимание на статью, опубликованную в 86—87 №№ за 1862 г. «Тенденции «Русского вестника» по делу народного образования», которая была направлена против реакционной журналистики и представляла «теократический элемент в таком свете, который несовместен с достоинством и естественными правами религии, оскорбителен для служащего ей сословия и не согласуется с духом нашего законодательства».⁵

Можно отметить и статью «Нечто вроде комментариев к сказаниям г. Аскоченского о Т. Г. Шевченке», напечатанную в 268 № за 1861 г. и, как доказывается в подготовленной нами к печати публикации, написанную, по всей вероятности, Н. С. Лесковым. Автор ее дает отпор попыткам реакционной журналистики оклеветать память великого украинского поэта-демократа. Статья с полным основанием может быть отнесена к числу наиболее значительных и прогрессивных высказываний о Шевченко в русской периодике того времени.

Итак, само возникновение «Современного слова» связано с недовольством властей его издателем. Об этом писал 2 июля 1862 г., вскоре после начала издания газеты, и министр внутренних дел Валуев, советуя министру просвещения Головнину, вслед за «Современником» и «Русским словом», временно запретить «Современное слово» и напоминая, что Писаревский придал «Русскому инвалиду» «неблагоданмеренное направление».⁶ «Современное слово» в то время выходило всего лишь месяц, но Валуев сумел отметить целый ряд статей, свидетельствующих о «неблагонадежности» нового издания (о пожарах, о Пруссии, о казни политических преступников и др.). Отвечая Валуеву, Головнин сообщил ему 4 июля, что «объявил редактору «Современного слова», что газета его подвергнется неминуемо временному прекращению, в случае продолжения нынеш-

⁴ ЦГИАЛ, ф. 773, оп. 1, 1862, № 62.

⁵ Там же, № 94, л. 37.

⁶ См. «Уч. зап. ТГУ», вып. 104, стр. 107—108. Аналогичные высказывания см. ЦГИАМ, ф. 109, секретн. архив, оп. 1. 1864, № 2007, л. 1.

него направления < . > и предписал цензирующему оную цензору усилить внимательность свою и строгость при просмотре статей».⁷

24 октября 1862 г. товарищ министра внутренних дел сообщил Головнину, что почти в каждом номере «Современного слова», в «Политическом обозрении» с сочувствием говорится о всех событиях, ведущих «к ниспровержению существующего порядка», что редакция приняла за правило «проводить в публику противоправительственные идеи».⁸ 31 октября он же утверждал, что не отдельные места газеты Писаревского, а «она вся проникнута весьма неодобрительным духом».⁹

В конце 1862 г. (17/XI). сразу же после того, как в газетах появилось объявление о программе «Современного слова» (в 1862 г. оно выходило по программе, утвержденной для неофициальной части «Русского инвалида»), товарищ министра внутренних дел писал Головнину, что направление «Современного слова» «едва ли будет таким, какое может быть допущено и терпимо в наших повременных изданиях».¹⁰ Он утверждал, что Писаревский, очевидно, стремится к «порядку вещей, который возможен вполне только в странах, имеющих представительный образ правления, и для достижения этой цели не боится ни *сотрясений*, ни *толчков*, ни *скачков*, а более опасается *мирного и нечувствительного* хода реформ».¹¹ По распоряжению министра просвещения все это сообщено «для сведения» председателю петербургского цензурного комитета. Естественно, что после подобных предупреждений придирчивость цензуры должна была резко возрасти. Дело доходило до того, что в результате запрещений у редакции едва хватало материала для выпуска номера. Так, цензор, поясняя случай перепечатки в 26 № (1863) объявления с программой «Современного слова», замечал, что, видимо, у редакции «за удержанием цензурою непозволительных статей, не нашлось других, запасных, для занятия места».¹² В другом месте тот же факт объясняется тем, что «накануне много задержано статей».¹³ Изучая направление «Современного слова», следует учитывать условия, в которые была поставлена газета, помнить о том, что многие статьи оказались исковерканными цензорскими ножницами, а иные и вовсе не увидели света.¹⁴

⁷ П. С. Усов, Цензурная реформа в 1862 году, «Вестник Европы», 1882, № 6, стр. 600.

⁸ ЦГИАМ, ф. 773, оп. 1, 1862, № 300, л. 1 и 1 об.

⁹ Там же, л. 5 об.

¹⁰ Там же, № 335, л. 1 и 1 об.

¹¹ Там же, л. 1 об. Подчеркнуто в тексте.

¹² ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, 1863, № 151, л. 27.

¹³ Там же, л. 20.

¹⁴ Некоторые из запрещенных статей см. в ЦГИАЛе, ф. 777, оп. 2, 1862, № 65.

«Крамольные» взгляды, выраженные в «Современном слове», правящие круги связывали в первую очередь с именем его издателя Писаревского. В одной из записок 3-го отделения он характеризуется как «враг отечества своего»¹⁵ Автор записки связывал отставку Писаревского, уход его с военной службы (Писаревский был начальником фотографического отделения военно-топографического депо генерального штаба) с тем, что тот, во время пребывания за границей, «употребил во зло сделанное ему доверие».¹⁶ Точно «проступок» Писаревского не указывался, но, вероятно, речь шла о каком-то политическом обвинении. Известно, что в 1856 г. Писаревский был у Герцена.¹⁷ Видимо, одним посещением дело не ограничилось. В записке 3-го отделения сообщалось, что летом 1864 г. из-за границы получены сведения, будто Писаревский «в бытность свою нынче (исправлено на «минувшим .») неразборч. — П. Р.) в Лондоне находился в постоянных сношениях с известными эмигрантами Тхоржевским и Герценом, предлагал там образовать агентов для развития пропаганды и сообщил адреса разных лиц».¹⁸ Был дан приказ об обыске его при возвращении в Россию.

Трудно сказать, насколько в деталях соответствовали действительности сведения 3-го отделения о встречах Писаревского и Герцена, но то, что такие встречи происходили, не подлежит сомнению. Следует напомнить, что посещения Герцена после 1862—1863 гг. должны оцениваться совсем по-другому, чем встречи с ним в 1850-ые годы.

Не случаен, возможно, и тот факт, что Артур Бенни, связанный с Герценом, вскоре по приезде в Россию оказался сотрудником Писаревского, в какой-то степени ведал распределением материала для «Русского инвалида».

Один из обвиняемых в сношениях с «лондонскими пропагандистами», Владимиров, во время следствия заявил, что знает Бенни по Лондону и что в Петербурге тот «предлагал ему переводы «Инвалида»».¹⁹

В записке 3-го отделения утверждается, что, редактируя «Современное слово», Писаревский «дал направление своей газете противуправительственное», выразил «крайнюю неблагонамеренность свою в политическом отношении и потому на него было тогда же обращено особенное внимание».²⁰ По словам составителя записки, события 1863 г., случай с прибавлением к 66 №, лишь подтвердили фактически подозрения, питаемые

¹⁵ ЦГИАМ, ф. 109, секретн. архив, оп. 1, 1864, № 2007, л. 5 об.

¹⁶ Там же, л. 1.

¹⁷ См. «Уч. зап. ТГУ», вып. 104, стр. 107.

¹⁸ ЦГИАМ, ф. 109, секретн. архив, оп. 1, 1864, № 2007, л. 5.

¹⁹ ЦГИАМ, ф. 112, оп. 1, 1863, № 69, л. 29 об., М. К. Лемке, Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908, стр. 69.

²⁰ ЦГИАМ, ф. 109, секр. арх., оп. 1, 1864, № 2007, л. 1 об.

ранее. Напомнив об этом случае, о «крамольных» исправлениях, вносимых редакцией, сотрудник 3-го отделения настойчиво подчеркивал, что и после раскрытия «злоупотреблений» Писаревский «не только не выразил ни малейшего раскаяния < .>, но напротив того в докладной записке < .> резко утверждал, что изменение в статьях не только не воспрещено ни одним законом, но < .> лежит на прямой ответственности редакции, которая знает, что, где и когда поместить приличнее»²¹ Правда, окончательный текст записки был несколько смягчен, но факты, изложенные в ней, не оспаривались.

Характерны и сведения архива 3-го отделения о другом руководителе «Современного слова», его официально утвержденном редакторе Владимире Николаевиче Леонтьеве. Биографических сведений о нем до нас почти не дошло. Известно, что В. Н. Леонтьев — брат крайне реакционного писателя и публициста К. Н. Леонтьева, что он редактировал «Современное слово», помещал в нем заметки по крестьянскому вопросу, что позже он сотрудничал в «Голосе», а в 1870 г в его руки перешло издание «Искры», что вскоре он, спасаясь от долгов, бежал за границу и там умер. В альбоме Семевского «Знакомые» указывается, что в «Современном слове» Леонтьев вел «Внутреннее обозрение», что им написано большинство фельетонов.²² Но нигде не говорится о политических взглядах Леонтьева, об его мировоззрении. Переход в его руки «Искры» расценивается как дело случайное, имя Леонтьева никак не связывается с прежними издателями «Искры».

Архивный материал позволяет несколько восполнить наши представления о Леонтьеве. Можно утверждать, что, по крайней мере в начале 1860-х гг., Леонтьев придерживался демократических убеждений. Следует помнить, что фельетон «Современного слова» вызывал особое недовольство властей своей «неблагоденностью». В агентурных донесениях, хранящихся в архиве 3-го отделения, о Леонтьеве сообщалось: «он принадлежит к числу самых ярых нигилистов < .> подвизался в запрещенной газете Писаревского < .> сотрудник «Голоса» и известен в прессе под названием *народного трибуна*. Он в 1862 году принимал самое деятельное участие в студенческих беспорядках».²³ Здесь же указывалось, что Леонтьев и Писаревский устроили демонстрацию во время похорон артиста Мартынова.²⁴ Правда, первоначальный текст донесения о Леон-

²¹ ЦГИАМ, ф. 109, секр. арх., оп. 1, 1864, № 2007, л. 4 об. — 5.

²² Знакомые. Альбом М. И. Семевского, Спб., 1888, стр. 10.

²³ ЦГИАМ, ф. 109, секр. арх., оп. 1, 1870, № 2123, л. 2. Подчеркнуто в тексте.

²⁴ Известно, что похороны великого русского артиста А. Е. Мартынова превратились в грандиозную общественную демонстрацию. Активную роль в ней сыграла демократическая молодежь, видевшая в Мартынове еще одну

тыве исправлен и смягчен, настоящее время переделано на прошедшее («принадлежал < .> к нигилистам»), добавлено, что «впоследствии он остепенился».²⁵ Но в самом донесении есть сведения, которые, возможно, в какой-то степени объясняют мягкость 3-го отделения к Леонтьеву: оказывается, что он «по жене, родственник Тимашеву и вхож к нему в дом».²⁶ Родство с видным сановником, в прошлом управлявшим 3-м отделением, который в момент составления донесения был министром внутренних дел, могло заставить начальство смягчить показания агентов, если оказалось невозможным совсем затушевать их. По этим же показаниям Леонтьев и к 70-м гг. продолжал оставаться «нигилистом». В одном из донесений упоминалось, что два сотрудника «Искры» проговорились, что будто бы Леонтьев и братья Курочкины заняты организацией в России отдела «Интернационального общества рабочих», что дочь Леонтьева принимает в этом деле активное участие: «Происходят собрания, предположено учредить отделение в Москве и других городах и печатать революционные воззвания к рабочим, в которых говорится о необходимости истребить всех коронованных особ. Учреждено с нашей стороны строжайшее наблюдение».²⁷ Правда, и здесь карандашом начальства наложена резолюция: «Это требует подтверждения. Мне Леонтьев знаком с хорошей стороны».²⁸ Трудно ответить, в какой степени сведения о Леонтьеве являются плодами вымысла агентов 3-го отделения (вероятно, вымысла было не мало). Важно другое: симпатии Леонтьева к «нигилистам» в начале 1860-х гг. не вызывали сомнений; репутация, заслуженная им в то время, давала и в 1870-х гг. поводы к подозрительности. Возможно, что в основе выдумок агентов имелось и какое-то рациональное зерно: ведь именно в 1870 г. была создана русская секция Первого Интернационала и ее руководители пытались установить связи с Россией.²⁹ Любопытно также, что воедино связывались имена Леонтьева и Курочкиных, как «неблагонадежных» и близких друг с другом людей. Следует отметить, что связь по крайней мере одного из братьев Курочкиных с руководителями «Современного слова» возникла задолго до 1870 г. В бумагах Особой следственной комиссии А. Ф. Голицина сохранились письма Писаревского

жертву самодержавного деспотизма, загубившего множество лучших людей России. Во время похорон произошло столкновение с полицией. Демонстрация во время похорон Мартынова вызвала серьезное недовольство реакционных кругов. Участие Писаревского и Леонтьева осенью 1860 г. в организации этой демонстрации весьма знаменательно (См. А. М. Брянский, Александр Евстафьевич Мартынов, Л.-М., 1941, стр. 117—122).

²⁵ ЦГИАМ, ф. 109, секр. арх., оп. 1, 1870, № 2123, л. 2.

²⁶ Там же, л. 2 и 2 об.

²⁷ Там же, л. 1.

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Б. П. Козьмин, Русская секция Первого Интернационала, М,

Н. С. Курочкину.³⁰ Они свидетельствуют, что Курочкин летом 1862 г. сотрудничал в «Современном слове», помещал там корреспонденции об европейской жизни, что Писаревский высоко ценил его сотрудничество: «Ваши корреспонденции питают нас, как манной; мы их помещаем едва ли не в тот же день, когда получаем; в особенности было хорошо 3-е письмо; оно обратило на себя внимание < .> Бога ради, если только есть малейшее желание с Вашей стороны, продолжайте посылать к нам Ваши интересные письма».³¹ В другом письме Писаревский сообщал Курочкину, что обе его корреспонденции получены и с благодарностью напечатаны. Переписка с Курочкиным показывает также, как понимал издатель «Современного слова» роль редактора, как стремился он подчинить весь публикуемый материал единому направлению, связать его с животрепещущими вопросами русской жизни. Писаревский советовал Курочкину «выбирать такие факты, которые имеют соотношение к нашему положению. Писавши оттуда, надобно брать тамошнее, имея в виду нашу собственную жизнь».³² Говоря, что «факты и явления должны оживлять письмо», издатель «Современного слова» подчеркивал, что они важны не сами по себе, что следует сообщать их так, чтобы они были проникнуты «руководящей идеей» и «мысль выливалась из их совокупности»: «Главное, чтобы все явления, изложенные в письмах, последовательно руководили одну мысль от начала до конца».³³

Из приведенных высказываний отчетливо видно, как последовательно добивался Писаревский единства направления газеты, как настойчиво внушал он сотрудникам мысль о необходимости такого единства, как стремился заставить служить этому направлению каждый сообщаемый факт.

Сотрудничали в «Современном слове» и С. С. Шашков и И. Г. Прыжов; первый — писатель демократического лагеря, ученик Г. З. Елисеева, автор ряда статей о положении женщины, печатавшийся в «Искре». «Веке» и других прогрессивных изданиях; второй — этнограф, историк, публицист, участник революционного движения 1860-х гг. Следует отметить, что для «Современного слова» характерно чрезвычайно положительное отношение к трудам этнографов и фольклористов демократического направления, к работам Прыжова, Худякова.

Помещал статьи в газете Писаревского и А. П. Пятковский, в то время сотрудничавший в демократических изданиях. В 1862 г. полиция подозревала, что он принимал участие в пе-

³⁰ О письмах Писаревского Н. С. Курочкину упоминает И. Г. Ямпольский, см. Поэты «Искры», Л., 1955, т. 2, стр. 575.

³¹ ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, 1866, № 155, л. 18.

³² Там же, л. 20.

³³ Там же, л. 21.

чатании прокламаций.³⁴ В «Современном слове» Пятковский опубликовал статью о романе Тургенева «Отцы и дети», направленную против реакционеров. Здесь же молодой Н. К. Михайловский опубликовал статью о женском труде.

Отклики «Современного слова» на важнейшие вопросы своего времени свидетельствуют о том, что власти не напрасно считали издание «неблагонадежным», что Писаревскому удалось создать газету единого направления и что, несмотря на отдельные отступления, направление это было демократическим.

В «трудное время» послереволюционной ситуации, оставаясь во второй половине 1862 г., после приостановки «Современника» и «Русского слова», почти единственным демократическим изданием, «Современное слово» сумело сохранить верность лучшим традициям предшествующего периода. Маленькая храбрая газетка не испугалась реакции, не стала подстраиваться под нее, а повела с ней решительную борьбу, которую прекратило лишь правительственное запрещение «Современного слова». Резкая критика наступающей реакции встречается с первых номеров газеты. Особенно отчетливо слышится она в фельетоне. В отличие от реакционных и либеральных публицистов, славивших «эпоху великих реформ», фельетонист стремился передать мрачную, удушающую атмосферу послереформенного периода, весьма недвусмысленно выражая свое отношение к ней. Это стремление сказалось прежде всего в общих оценках обстановки, которые давались почти в каждом фельетоне. «Грустно! Из рук вон грустно, читатель! <. >. Не только писать, читать не хочется! <. >. Чувствуешь какое-то уныние, сердце захватывающее удушье!». — такими словами открывался фельетон 9 № за 1862 г. Они как бы определяли тональность восприятия современности, характерную для редакции на всем протяжении издания «Современного слова». Грустное настроение, выразившееся в них, было искренним и непритворным. Здесь употреблен не сатирический прием, не ирония. Фельетонист разговаривал с читателями всерьез, на самом деле раскрывал перед ними свои печальные мысли, навеянные наступлением реакции. Фельетон приобретал не свойственное обычно этому жанру мрачное звучание, становился средством отнюдь не иронического выражения задушевных дум автора. Надо отметить, что фельетонист «Современного слова» вообще противопоставлял себя тем журналистам, которые обычно в фельетонах стремятся лишь к развлечению читателей легким и пикантным чтивом. Он указывал, что в его фельетонах публика не найдет «ни игриности, ни описания разных этих петербургских новостей <. >. ни скандальчиков <. >, ни анекдотов веселеньких, ни остроумия, ничего, одним словом, такого, что так приятно и неза-

³⁴ См. ЦГИАМ, ф. 95, оп. 1, 1862, № 71.

метно возбуждает аппетит, а иногда и иные побуждения» (№ 89, 1863). Это была недвусмысленная заявка на фельетон серьезного звучания, больших общественных раздумий, социальных выводов. И она не оказалась пустыми словами: на всем протяжении издания «Современного слова» фельетон оставался одним из лучших и наиболее прогрессивных отделов газеты.

Тема грусти, скуки, уныния неоднократно ставилась в фельетоне, при чем довольно недвусмысленно говорилось об общественных причинах грусти и уныния. «Скучно, нестерпимо скучно в Петербурге», — писал фельетонист в 39 № (1862), в «Петербургских заметках». «Причин скучать много — всего не перечешь», — многозначительно добавлял он, а затем упоминал о печальных слухах и новостях, доносящихся со всех сторон. По мнению автора, в такой обстановке «размышлять, работать, трудиться — становится тяжело, а подчас и совсем невозможно». Не случайно для характеристики ее фельетонист приводил слова из стихотворения великого поэта-демократа Некрасова, издателя только что запрещенного правительством «Современника», хотя и не называл его имени:

«На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова».

«Бывают, действительно, такие минуты, когда чувствуешь, что руки тебе бесполезны, а труд твой бесплоден», — замечал фельетонист по поводу приведенных некрасовских строк.

Правда, строки эти взяты из сравнительно нейтрального в политическом смысле стихотворения «Застенчивость» (1852), где речь идет о любовном недуге. Но в контексте статьи они переосмысливались, приобретали социальный смысл, как бы перекликаясь по настроению с стихотворениями того же Некрасова 1862—1863 гг. («Литература с трескучими фразами», «Надрывается сердце от муки» и т. п.). Обращение же к раннему, сравнительно нейтральному стихотворению было удобно в цензурном отношении.

Фельетонист стремился передать общую атмосферу реакции и в других своих выступлениях 1862 и 1863 гг. Особенно отчетливо звучала эта тема в новогоднем номере от 1-го января 1863 г. Автор фельетона писал, что он воздержится от поздравлений, так как не видит «разумной причины к поздравлению», он не может читателям ничего обещать, «когда исполнение обещанного зависит от других». «Много, очень много мог бы я вам сказать, — многозначительно замечал фельетонист, намекая на мрачную обстановку конца 1862 — начала 1863 г., — но я в таком грустном настроении духа, что не чувствую себя спо-

собным сказать вам ничего приятного». Он упоминал о прокламациях, о пожарах «с их мрачными последствиями» и задавал себе грустный вопрос: «Отчего же это прошедшее, мелькая передо мною, наводит на меня грусть? <. .>. Отчего мне так хочется вычеркнуть этот умирающий год из списка пройденных нами последних лет? <. .> Нелепая мысль <. .> Прошедшего не воротить, событий не вычеркнешь из жизни!». Лишь одну заслугу признавал автор за прошедшим годом: разоблачение иллюзий, без чего «много лжи шло бы за истину, много оракулов осталось на пьедесталах». Подобного рода настроения не случайны. Они звучат в ряде номеров, не только в фельетоне, но и в других отделах. Так, в «Политическом обозрении» того же новогоднего номера обозреватель, сравнивая то, что сделано в 1862 г. «для блага и постепенного осуществления человеческих идеалов», с суммой «разочарований и отступлений от прямого пути», приходил к выводу, что «бесспорно баланс неблагоприятный» и минувший год «принадлежит к числу годов реакционерных». Такого рода высказывания, периодически появлявшиеся в газете, выражали не только точку зрения того или иного сотрудника, но и позицию редакции. Они самым непосредственным образом перекликались с оценками обстановки, которые давались в «Современнике».³⁵ Смысл подобных высказываний, направленных против наступающей реакции, ясен сам по себе. Но особенно отчетливым становится он при сравнении с теми славословиями современности, которые в ту пору слышались постоянно не только в реакционных, но и в либеральных изданиях. Так, например, в редакционной статье первого № газеты «Голос» за 1863 г. утверждалось, что Россия переживает «знаменательную эпоху, когда большая часть задуманных реформ <. .> приводится уже в исполнение». В новогоднем номере «Биржевых ведомостей» говорилось, что в России в последнее время — «что ни год — то эпоха»; редакция видела в современном обществе «движение, полное сил и энергии», она звала к примирению старого и нового, видя в таком примирении залог «общего, согласного, стройного движения *вперед!*»; статья имела бодрую, радостную концовку, выражающую полное довольство окружающим: «Благо тебе, мир тебе, новый 1863 год!»

Иногда в газетах звучали критические ноты, но они не имели ничего общего с изображением наступления реакции в изданиях демократического лагеря. Так, в первых номерах «Народного богатства» (1863) выражались пожелания, чтобы в новом году не возвращались старые нравы, самодурство, произвол. Но о реакции именно последнего времени в газете ни словом

³⁵ См., напр., в № 1—2 возобновленного «Современника» «Нашу общественную жизнь» за январь—февраль 1863 г. Щедрина, «Литературный кризис», «Обзор журналов» Антоновича.

не упоминается, пожелания редакции абстрактны и отвлечены, прогресс связывается с развитием науки, политической экономии, в газете подчеркивается, что прошедший 1862 г. «ни в коем случае не может, однакож, назваться годом политического застоя» (№ 3). По форме подобные критические высказывания иногда внешне перекликались с выступлениями демократической печати. Так, напр., славянофильский «День» встретил новый год статьей, в которой говорилось, что редакция провожает прошедший год без сожаления, а новый встречает без надежд. Газета отмечала «некрасивое зрелище настоящей действительности», чувство общественного бессилия, неверия в свои способности. Но все эти общественные настроения в «Дне» истолковывались с славянофильских, реакционных позиций. Редакция видела в такого рода признаках свидетельстве «отрезвления» общества, осознавшего, наконец, необходимость довольствоваться «скучным путем исторической постепенности», она считала, что нужно радоваться этому «отрезвлению», что в нем — залог будущего обновления общества, осознания им народных начал, слияния его с народом.

Итак, общая обрисовка современной обстановки в таких тонах, в каких она давалась в газете Писаревского, была характерна именно для демократической печати. Она противоречила откликам на современность реакционно-либеральных изданий. Не случайно рассуждения редакции «Современного слова» о неблагоприятном итоге 1862 г. обратили на себя внимание во время следствия, как одно из доказательств неблагонамеренного направления газеты.

Отрицательные отношения к реакции выражалось и в рассуждениях «о погоде», весьма часто встречававшихся на страницах «Современного слова». «Ух, как обдало холодом! Какая сырая, безотрадная погода ныне в Петербурге! Пасмурно, слякоть, нечистоты», — такие слова встречаются в обзоре «На Невском», помещенном в 109 № за 1862 г. Тема «плохой погоды» звучит и в фельетоне 115 № за тот же год: «Нет никакой возможности выйти на улицу, наверху серо, внизу грязно < . >. Уж такова наша судьба, и после этого есть еще мечтатели, которые полагают, что жизнь наша может устроиться < . > иначе, ну, хоть положим, как живут в Париже, в Лондоне». Автор замечает, что «плохая погода» России понятие вовсе не метеорологическое, что она связана с условиями существования русского народа, что в Лондоне такой же климат, как в Петербурге, но живут там иначе.

В «Петербургских заметках» 61 № за 1862 г. автор прямо заявлял, что «целое лето < . > мы начинали наши фельетоны с одного общего припева < . >. Погода, граф, весьма дурная». Характерно, что и здесь фельетонист дает цитату из перевода поэтом-демократом В. Курочкиным стихотворения Беранже

«Знатный приятель». Смысл высказываний «о погоде» становится еще яснее после рассказа фельетониста (№ 132 за 1862 г.) о «корректоре», который живет на Фонтанке (там помещалось 3-е отделение и штаб корпуса жандармов) и везде вместо слов «скверная погода» ставит — «хорошая погода». К концу 1862 — началу 1863 г. разговоры о плохой погоде связываются с темой зимних морозов, символизирующих все усиливающуюся реакцию. Характерно, что с наступлением весны тема «морозов» не только не исчезает, но даже усиливается. Редакция весьма недвусмысленно подчеркивает иносказательность своих рассуждений о «морозах», связь их с событиями русской жизни. Так, в фельетоне 60 № за 1863 г., напечатанном во второй половине марта, автор писал: «О чем и говорить теперь? Не такое время, в особенности после тех морозов, которые начались в Петербурге, с самой половины января. Вы смеетесь, читатель, и говорите: какие теперь морозы? Я говорю серьезно. Не знаю как вы, а я на себе ежедневно ощущаю, вот уже другой месяц, сильнейший озноб, да и все члены нашей редакции подвержены той же участи <. .> мороз, кажется, действует не только на сотрудников, убивая в них всякую энергию, но и на саму рукопись <. .>. Напишешь очень много, смотришь, вечером ударит мороз, все набранное съжится в миниатюрный объем, текст даст крестообразные, параллельные и вертикальные трещины <. .>. Целые слова и фразы выпадают, так что в иных местах совсем не бывает смысла, а в других выходит совершенно противное тому, что хотел сказать». Автор добавляет, что «пошли теперь морозы <. .> какие ставали бывало в прежнее время, до 52 года». В приведенных словах отчетливо звучала мысль о замораживающем действии реакции, особенно усилившейся в связи с событиями в Польше (первые сообщения о польском восстании появились в газетах как раз в середине января), об ужасающих цензурных гонениях, о возвращении к порядкам самых мрачных времен николаевского произвола.

Газета сообщала о реакционных мероприятиях правительства, намекала на аресты, запрещения. Так, в 126 № (1862) упоминалось о закрытии шахматного клуба, причем фельетонист отмечал, что он был в числе регулярных его посетителей и «обыкновенно в прежнее время поворачивал в покойный шахматный клуб». В словах о «покойном шахматном клубе» выражалось и скрытое осуждение действий правительства и солидарность с людьми, группировавшимися вокруг клуба.

В удушающей обстановке «трудного времени», не видя перспектив близкой победы над торжествующим злом, редакция «Современного слова» сумела сохранить веру в будущее. Она стремится ободрить читателя, призывает его не поддаваться панике, унынию; продолжая связывать надежды на лучшее будущее с силами революционного отрицания, берет под

свою защиту отрицательное направление, «страшных нигилистов», которых поносили все реакционные и либеральные издания. Так, в фельетоне 87 № за 1862 г. проводилась мысль о неестественности существующих отношений и неизбежности их отрицания, о прогрессивности новой идеи, «которая подрывает прежние отношения людей, подкапывается под убеждения, считавшиеся непреложнейшими, образует < . > новое направление умов, новый строй жизни». Мысль о необходимости новых отношений выражена в фельетоне с предельной ясностью. Ее можно было бы истолковать и в либеральном смысле: реформы, преобразования, совершаемые правительством, — вот пути ломки старых убеждений и осуществления новой идеи. Такое истолкование, на первый взгляд, подкрепляется и словами автора о том, что новая идея никогда не действует насильственно. Но смысл статьи вовсе не в восхвалении реформ (такое восхваление противоречило бы всему содержанию «Современного слова», где многократно высмеивались и сами реформы и сторонники медленных правительственных преобразований, «прогрессисты-постепеновцы»). Слова о мирном действии новой идеи означали, по мысли автора, лишь то, что она может победить тогда, когда созреют умы, когда люди будут готовы ее воспринять. Но силы реакции мешают этому, «не дают идее выйти на ясный свет жизни естественным путем». Тогда начинается борьба, общество вступает в состояние, называемое переходным, в конечном же итоге победа новой идеи неизбежна. Следовательно, не мирные реформы проповедовал автор, а суровую и почти неизбежную борьбу старого с новым. Несколько абстрактные теоретические рассуждения, о которых шла речь в фельетоне, имели самое непосредственное отношение к русской действительности. В качестве примера полного господства старых идей, времен, когда новая идея еще не зародилась, приводилась эпоха Екатерины. Говоря о противниках новой идеи, автор упоминал Тургенева и его роман «Отцы и дети». Свои теоретические размышления он сопровождал словами: «Я буду говорить только о России». Все это подчеркивало, что речь шла о чисто русских вопросах и отнюдь не о либеральных способах их решения. Борцы за новую идею объявлялись лучшими людьми своего времени, их отличительным признаком автор считал наиболее отчетливое ощущение общественных недостатков. Фельетонист, учитывая наступление реакции, не возлагает надежд на близкую победу. Говоря о новых людях, он отмечает в их деятельности элемент жертвенности: они знают, что «прекрасный мир < . > осуществится только в далеком будущем, что в действительности нет никаких условий для его осуществления». Новые люди понимают, что они — «безумцы, добровольно подвергающие себя всем неприятностям действительности». Но, по мнению автора, героический подвиг подобных «безумцев»

оправдан: им нельзя доказать, что «лучше сладко есть, покойно жить и спать <. .> считаться честным гражданином и человеком, чем подвергаться оскорблениям, гонениям, влачить бедственную жизнь, пользоваться репутацией беспокойного и нигде не годного человека, для того только, чтобы мечтать о мире также неосуществимом! Никогда не докажете, точно так как никогда не докажете поэту, что выгоднее торговать пенькой и салом, чем писать стихи». Для русских читателей конца 1862 — начала 1863 гг. было совершенно ясно, кого подразумевал автор под этими гонимыми, неблагонамеренными людьми, о которых он отзывался с таким горячим сочувствием. О них, «мальчишках» и «нигилистах», писал Щедрин в обзоре «Наша общественная жизнь», указывая, что «мальчишество — сила», а «сословие мальчишек — очень почтенное сословие»³⁶; им посвятил стихотворение «Безумцы» В. С. Курочкин: его перевод из Беранже, появившийся в 1862 г., имел непосредственное отношение к русской действительности. Базаров и его сподвижники, «нигилисты», революционеры, демократы — вот кто, по мнению фельетониста «Современного слова», борцы за новую идею, лучшие люди своего времени.

С защитой «нигилистов» выступил и автор «Политического обозрения», помещенного в 1 № за 1863 г. Основной идеей нового времени он считал идею «эманципации», освобождения человека от всего враждебного ему, связывающего его, а главным орудием этого освобождения — разрушение и отрицание всего устаревшего: «Вот почему разрушение или так называемый нигилизм кладет свою печать на большинство современных проявлений общечеловеческого духа. Нигилизм или отрицание в данный период естественны». В статье высмеивались противники «нигилизма», изображающие его «как какое-то всепожирающее чудовище <. .>. Представлять так называемых *нигилистов* отвергающими все, с одной целью отрицания, так же смешно, как было смешно во времена реформации представлять *протестантов* протестующими против всего». Автор как бы прямо солидаризовался с «нигилистами», подчеркивал закономерность и прогрессивность их отрицания. Характерно и сравнение современных «нигилистов» с деятелями реформации: ведь еще для Белинского последние стали символом борьбы с устаревшими общественными отношениями, разрушения всего прогнившего, обреченного на гибель.

С защитой новых людей «Современное слово» выступает и в 77 №, (1863). Возражая сотруднику «Московских ведомостей» Щебальскому, утверждавшему, что таких людей мало, фельетонист писал: «Да к тому же в большей части случаев дело не в количестве, а в качестве. Да надо еще обращать внимание и

³⁶ «Современник», 1863, № 1—2, Совр. обозр., стр. 374.

на то, где прибывает, а где убывает. Потому что очень часто случается, что где сегодня мало, там скоро будет много и наоборот». А затем в фельетоне приводился иносказательный рассказ о старой рыбе, которая мешает жить молодой. Вначале она сильна, и в борьбе с ней участвуют «те, которые посмелее, а за ними пойдут и другие, а потом, как их соберется побольше, то и выживут старую рыбу из занятой ею глубины».

Приведя рассказ о старой и молодой рыбе, автор замечал:

«Я мог бы эту басню больше пояснить,
Да чтоб гусей не раздражить!

К тому же, состоя под надзором «Московских ведомостей», я должен быть осторожен». В подобного рода рассуждениях отчетливо ощущалась вера в новых людей, в прогрессивность законов общественного развития, в конечную победу молодых, революционных сил.

Не следует забывать, что с защитой «нигилизма» «Современное слово» выступило во время разгула реакции, когда даже в сравнительно умеренных изданиях слышались возгласы о пагубности «страсти к разрушению» и с радостью отмечалось, что «время отрицания и разлада проходит» и наступает эпоха «согласного действия сверху и снизу, для сооружения нового на месте разрушенного, для укрепления того, что, по-видимому, поколеблено».³⁷

Сочувствие редакции «Современного слова» к новым людям, к революционному отрицанию проявилось и в ее отношении к роману Тургенева «Отцы и дети». Газета Писаревского оценивала роман с тех же позиций, что и большинство демократических изданий 1860 гг.³⁸ Взгляды, выраженные в «Современном слове», наиболее приближались к точке зрения «Современника», но несколько отличались от выводов статьи Антоновича «Асмодей нашего времени». Редакция «Современного слова» восприняла «Отцов и детей» как критику «нигилистов», новых людей. Поэтому она осудила роман. Иронические выпады в адрес Тургенева встречаются в фельетоне 87 № (1862), в статье «Кто виноват?» (№ 102, 1862) и т. д. Но особенно подробно об «Отцах и детях» говорилось в большой статье «Кто лучше? (По поводу романа г. Тургенева «Отцы и дети»)», напечатанной в 13—14 номерах (1862) Основная задача, поставленная автором статьи, — защита молодого поколения от нападков реакции, доказательство, что «нигилисты», «дети», люди базаровского типа гораздо лучше «отцов». Эта мысль была выражена в самом названии статьи «Кто лучше?». Оно имело двойной

³⁷ См. редакционную статью «С. Петерб. ведомостей», 1862, № 177.

³⁸ Вопрос о сущности полемики вокруг романа «Отцы и дети» подробно освещается нами в подготовленной к печати статье «Кто прав?»

смысл: кто лучше по замыслу Тургенева и кто лучше на самом деле. Ответ на первый вопрос как бы перекликался с стихотворением Д. И. Минаева «Отцы или дети?», напечатанном в 15 № «Искры» (1862): «Кто нам милей — отцы иль дети? Отцы! Отцы! Отцы!» Автор «Современного слова» считал,³⁹ что Тургенев не благоволил к Базарову. изображает его так, что «нравственная натура» его столько же «не симпатична, как и его наружность» (№ 13). Содержание романа излагается, чтобы подчеркнуть симпатию Тургенева к «отцам», неприязнь к Базарову и ироническое отношение рецензента к позиции Тургенева. По утверждению Пятковского, не вызывает сомнений, «какому из двух поколений сочувствует г. Тургенев, на чьей стороне лежат его симпатии. Не говоря уже о том, что представителями старого поколения выбраны все добрые и почтенные люди, заботящиеся не только о благе своих детей, но даже и о благе своих крестьян», Базаров же «поражает и отталкивает своей угловатостью и резким цинизмом». Пятковский считал, что в такой обрисовке отразилась вражда Тургенева к новым людям, что писатель вложил в уста Павла Петровича Кирсанова свои собственные мысли. В статье приводились похвальные отзывы об «Отцах и детях» в катковской «Современной летописи»;^{*} вспоминалось, что роман был напечатан в «Русском вестнике». Автор как бы вводил произведение Тургенева в общее русло реакционной антинигилистической литературы, печатаемой и хвалимой в катковских изданиях, подчеркивал близость Тургенева и Каткова. Рецензент приходил к выводу, что «Тургенев отшатнулся <. .> от молодого поколения: он не сочувствует его намерениям, не понимает его целей». Он считал, что в деятельности писателя произошел «поворот», но предпосылки его намечались прежде, в «Фаусте», «Гамлете и Дон-Кихоте», «Дворянском гнезде». Автор статьи осуждал пессимистические мотивы, звучащие в «Дворянском гнезде»; «Гамлета и Дон-Кихота» он истолковал как защиту «безусловной веры и фанатизма против скептического начала»; любопытно, что, по мнению рецензента, Тургенев считает Гамлета, а не Дон-Кихота символом молодого поколения. Не стоит говорить, сколь ошибочным было большинство из этих утверждений, сколь неверна точка зрения на роман Тургенева как на произведение антинигилистической литературы, встречающаяся, к сожалению, иногда, в том или ином виде, вплоть до настоящего времени. Важно другое: при всей неверности конкретных выводов, критика Тургенева в «Современном слове» велась с демократических позиций, совпадала с теми оценками взглядов писателя, которые давались в «Современнике», в «Искре». Но, в отличие от Антоновича, Пятковский не

³⁹ Статья написана А. П. Пятковским. См. «Наблюдатель», 1885, № 1, стр. 56.

только осуждал тенденции Тургенева, но и уделил много места прямой защите нового человека, его идей от нападков реакции. Рецензент сам замечал, что пишет не столько о романе, сколько по поводу его: дело в том, что, хотел того Тургенев или нет, старое поколение стало черпать из его романа «все свои возражения против молодежи». Пятковский допускает, что Тургенев не хотел этого.

Значительная часть статьи посвящена защите Базарова. Здесь автор как бы давал свой ответ на вопрос: «кто лучше?» Он последовательно разбирает и одобряет принципы Базарова, склонность его к естественным наукам, его материализм, стремление к революционному отрицанию. Попутно рецензент высказывал и собственное мнение о всех затронутых проблемах. Он солидаризовался с выводами Базарова о единстве человеческого организма, иронизировал над теми, кто придает какое-то исключительное значение «душе» (т. е. над идеалистами, верующими). «Человек верящий, — говорилось в статье, — не есть уже, по этому самому, человек мыслящий <. .> Человеку, укоряющему других в смертном грехе скептицизма <. .> остается только носить ладонку на шее и впрыскивать себя соленой водой против сглаза» (№ 14). Пятковский доказывал, что «люди крайнего отрицания поражают стойкостью и непреклонностью своих практических действий и отнюдь не позволяют себе сидеть сложа руки, в жизни», что убеждение, «пройдя через трудные фазы сомнения и отрицания,» не утратит своей свежести и чистоты, но приобретет силу. Он затрагивал мимоходом и вопрос о «разумном эгоизме», возражая тем, кто «наслаждение — это движущее начало человеческой жизни» понимает как грязь и разврат. Рецензент разделял, с оговорками, взгляды Базарова на искусство, на поэзию, на творчество Пушкина. Характерно, что осуждение Пушкина в «Современном слове» дается с тех же позиций, с которых революционно-демократическая критика 60-х гг. боролась с «пушкинским» направлением в литературе. Автор хвалит вольнолюбивую лирику Пушкина, но отвергает стихотворения, воспринимаемые им как «чистое искусство», как выражение реакционных тенденций («В часы забав иль праздной скуки»). Он ссылается на мнение Белинского, подчеркивая, что поэзия Пушкина — прежде всего — выражение художественности, что «Пушкин первый принес к нам поэзию, чистое искусство, независимое от каких-бы то ни было утилитарных целей». Конечно, подобная трактовка творчества Пушкина ошибочна, но она характерна для демократической критики 60-х гг и высказывалась, в пылу борьбы с эстетическим направлением, не только Писаревым, но, в смягченном виде, и Чернышевским. В статье проводилась мысль, что вовсе не всякое искусство чуждо Базарову, что люди его типа «прекрасно понимают поэзию, замешанную на социальной закваске, —

такое искусство, которое держит нас в постоянной близости к насущным вопросам жизни». Говоря о крайностях Базарова, рецензент замечал, что «практическая жизнь всегда движется вперед крайностями. Нет ни одного такого человека в истории, который бы, внося в жизнь какое-нибудь новое, благое начало, не был вынужден доводить его иногда до крайности».

Сопоставив Базарова с «отцами», с «отжившим ловеласом» Павлом Петровичем, Пятковский приходил к выводу: «Базаров менее пышен и тщеславен, но он не блаженствует на счет своих ближних: этот плебей и демократ в поте лица ест хлеб свой <. .>. К которому из этих типов должно больше лежать сердце современного человека — пусть решают наши читатели». Итак, все сочувствие Пятковского — на стороне людей базаровского типа. В этом он непосредственно перекликается с Писаревым, со Щедриным. Ведь последний в майской хронике «Нашей общественной жизни», говоря об «отцах» и «детях», ставил тот же вопрос: «кто лучше?» и отвечал на него так же, как автор «Современного слова».⁴⁰

Целиком солидаризуется редакция «Современного слова» с демократическими кругами и в оценке причин ухода Тургенева из «Современника». В 334 № «Северной Пчелы» от 10 декабря 1862 г. Тургенев напечатал письмо к издателю, в котором говорил о причинах разрыва с «Современником». Вопрос об идейных разногласиях писатель пытался подменить рассказом о своих отношениях с Некрасовым, о том, что издатель «Современника» просил его продолжать сотрудничать в журнале, а он на это не согласился. Автор «Отцов и детей» довольно недоброжелательно отзывался о Некрасове и редакции «Современника». Он намекал, что критические отзывы журнала о его творчестве объясняются не принципиальными, а личными причинами, обидой за нежелание Тургенева участвовать в «Современнике».⁴¹ Письмо издателю «Северной пчелы» очевидно связано с той полемикой, которая развернулась вокруг романа «Отцы и дети». Статья А. Ю., о которой говорил Тургенев, послужила лишь поводом для его выступления. Вряд ли Тургенев непосредственно ориентировался и на высказывания «Современника» 1860—1861 гг. Ведь объяснение писателя появилось почти через год, в конце 1862 г. Писатель не говорил ни слова о своем романе, который как раз в это время вызывал ожесточенные споры, подвергся почти единодушной критике в демократической печати. Но связь заметки с этими спорами почти несомненна. Не случайно Тургенев упоминал о ней позднее в статье «По поводу «Отцов и детей». Острота разногласий между демократами и либералами, преувеличение первыми слабых сто-

⁴⁰ См. «Современник», 1863, № 5, Совр. обозр., стр. 253—255.

⁴¹ И. С. Тургенев, Собр. соч., т. XI, М. 1956, стр. 332—333.

рон тургеневского романа, резкость критики в адрес автора «Отцов и детей» определили тон письма Тургенева, стремившегося в сущности доказать непринципиальность этой критики. Хотя формально Тургенев был в какой-то степени прав, хотя ответ его был вызван резкими, часто несправедливыми отзывами, но по существу его выступление искажало истину. Следует помнить, что оно появилось в момент ожесточенной травли «нигилистов», после смерти Добролюбова, ареста Чернышевского, в момент запрещения «Современника» и «Русского слова». Объективно получалось, что речь шла о врагах, большинство из которых не могло защищаться. Не случайно, в связи с письмом, «Современная летопись» Каткова выразила еще раз солидарность с Тургеневым (1862, № 50), а передовая «молодежь еще более вознегодовала» на него.⁴²

Выступление Тургенева сразу же встретило решительный отпор на страницах «Современного слова». В 160 № от 15 декабря 1862 г., через 5 дней после опубликования письма в «Северной Пчеле», была помещена редакционная заметка «Слово г-ну Тургеневу».⁴³ «С тяжелым, грустным чувством мы взяли за перо, — говорилось в заметке, — чтобы высказать Вам по этому случаю несколько откровенных, хотя, быть может, и не совсем приятных слов». Автор ее резко осуждал письмо Тургенева, рассматривал его как выпад против Некрасова и «Современника», как свидетельство утраты последних надежд на Тургенева. Он вспоминал о популярности писателя во второй половине 50-х гг., когда тот затрагивал самые животрепещущие общественные вопросы. Успех Тургенева, по мнению «Современного слова», определялся поддержкой той самой демократической молодежи, которую писатель позднее выставил на всеобщее поругание, обозвав унизительным прозвищем «нигилистов». В заметке утверждалось, что Тургенев переродился, а его письмо — свидетельство окончательности этого перерождения. Автор «Современного слова» резко осуждал выпады Тургенева в адрес Некрасова, попытки изобразить разрыв с «Современником» как результат личных, а не идеологических расхождений. Характерно, что, говоря о причинах разрыва, автор заметки обращался к авторитету Чернышевского, не называя его по имени. Он приводил отрывок из «Полемических красот» за июнь 1861 г. Чернышевский возражал там «Русскому вестнику», в котором говорилось, что «Современник» ранее льстил Тургеневу по расчету, а после разрыва по расчету начал ругать его. Критик раскрывал подлинные, принципиальные причины расхождения: «Наш образ мыслей прояснился для г. Тургенева настолько, что он перестал одобрять его. Нам стало казаться,

⁴² И. С. Тургенев, Собр. соч., т. X, стр. 356.

⁴³ Срав. с осуждением письма Тургенева в «Хронике прогресса» и в «Парижском альбоме», «Искра», 1862, № 49, 1863, № 4.

что последние повести г Тургенева не так близко соответствуют нашему взгляду на вещи < . > Мы разошлись».⁴⁴ В заметке «Современного слова» с сочувствием цитировались эти слова Чернышевского и выражалось мнение, что они исчерпывают вопрос о причинах разрыва. Автор заметки как бы подчеркивал сходство позиций Каткова и Тургенева, сам же он полностью солидаризовался с Чернышевским и Некрасовым. В «Слове г-ну Тургеневу» затрагивался также вопрос об отношении к новым людям, «нигилистам». Редакция и здесь выступала в их защиту. Для нее новый человек, представитель молодого поколения и «нигилист», демократ — понятия равнозначные. Не случайно в 61 № «Голоса» за 1863 г., в статье «Нигилизм и эмбриология», критиковались взгляды «Современного слова», которое обвинялось в отождествлении молодого поколения и «нигилизма».

С вопросом о новых людях, о положительном герое, с полемикой вокруг «Отцов и детей» связана и оценка «Современным словом» пьесы Ф. Н. Устрялова «Слово и дело». Эта была довольно бесталанная, мелодраматическая стряпня, написанная отнюдь не с революционных позиций. Герой пьесы, Вертяев, по мысли автора, человек нового типа. Его образ как-то перекликается с образом Базарова. Он противопоставлен дворянству, занимается естественными науками, воспитан на «Современнике», на статьях Белинского, не мыслит жизнь без труда. Сама его внешность (борода, длинные волосы) соответствует представлению о «нигилисте». Автор относится к Вертяеву с явной симпатией. Но на пьесе в целом лежит печать либеральной ограниченности. Устрялов как бы стремится доказать, что «нигилисты» не так страшны, как их изображают, что это — просто серьезные молодые люди, отнюдь не враги общественного устройства. Вертяев и в начале действия лишен революционного пафоса, в конце же он во многом пересматривает свои взгляды, примираясь со многими общепринятыми мнениями, прежде отвергаемыми им. Это — выхолощенный Базаров, лишенный революционного отрицания. Естественно, демократические издания подвергли критике комедию Устрялова. В «Современнике» (№ 1—2, 1863) ее высмеял Щедрин в статье «Петербургские театры». Он показал, что Вертяев, похожий вначале на Базарова, в конце напоминает Кирсановатца и вовсе не является подлинным представителем «молодого поколения», что оно не поблагодарит Устрялова за такую защиту. В то же время в оценке Щедрина сказалось критическое отношение редакции «Современника» к роману Тургенева «Отцы и дети». Сатирик осуждает Устрялова за то, что он всерьез принял Базарова, что он решил нарисовать подобного

⁴⁴ «Современник», 1861, № 6, Совр. обзор., стр. 454.

же героя и выразить, в отличие от Тургенева, ему сочувствие. Сходство с Базаровым, по Щедрину, может только дискредитировать. В оценке «Современника» сказались и понимание либеральной ограниченности Вертяева, и неверная оценка тургеневского Базарова. «Слово и дело» Устрялова было для Щедрина еще одним поводом высказать резкое осуждение «Отцов и детей». Но сатирик признает и то, что комедия Устрялова — неудачная попытка защиты базаровского типа.

Именно последнее обстоятельство определило оценку «Слова и дела» в «Современном слове». В прибавлении к 17 № (1863) напечатана статья «По поводу комедии г. Ф. И. Устрялова .». Обозреватель газеты Писаревского не сумел разобратся в либеральной ограниченности комедии, он хвалил Устрялова, его героя. Но, неверно оценивая комедию, «Современное слово» истолковывало ее в духе реабилитации базаровского типа. О самой пьесе в статье почти не говорилось: из 9 столбцов ей посвящена всего половина столбца. Основное же внимание автор уделял защите «молодого поколения», критике нападок на «нигилистов». Статья проникнута мыслью о неизбежности исторического развития, отрицания новым старого, ожесточенной борьбы, «борьбы на смерть», между нарождающимся и отживающим. Автор упоминал об антинигилистической травле, поднятой в связи с романом Тургенева, прямо зачислял себя в число «антагонистов» реакционеров, лагеря «Русского вестника», резко критиковал Каткова и его единомышленников. Что же касается Тургенева, то, по мнению автора, он, возможно, отнюдь не целиком разделяет взгляды катковского лагеря на Базарова: «Очень может быть, что сам г. Тургенев не разделяет этого мнения, не увлекается тонким фимиамом, возносящимся к нему из каминыцы «Русского вестника». «Современное слово» как бы пытается разграничить позиции Тургенева и его реакционных истолкователей, приглашает писателя высказаться, разъяснить свое отношение к выводам катковского кружка: «Что же касается до г. Тургенева, то никто и ничто не мешает ему объяснить ясно и положительно разделяет ли он мнение и убеждение того кружка, к которому примкнул добровольно».

В то же время Тургенев вновь осуждается за то, что его роман — орудие нападок на «нигилистов».

Реакционная и либеральная критика с восторгом объявила о расхождении между «Современником» и «Современным словом» по поводу комедии Устрялова: это расхождение рассматривалось как раскол одного лагеря. Не случайно либеральные «Отечественные записки», вместо того, чтобы приветствовать выступление «Современного слова», закричали о «расколе в нигилистах», а сама комедия Устрялова была оценена как попытка реабилитации базаровского типа: «Эта комедия была как бы реваншем нигилистов за Базарова. Если Тургенев унизил Базаро-

ва, — думал г. Устрялов, когда писал свою комедию, — так я же поправлю нигилистов в общественном мнении. Я покажу, какие это люди нигилисты: смотрите и дивитесь» Автор статьи в «Отечественных записках» А. Ленивцев (А. В. Эвальд) подчеркивал, что и в случае с комедией Устрялова речь идет в первую очередь о сущности «нигилизма», что для «Современного слова» главным образом важен вопрос о «нигилизме»: «Вертяев важен преимущественно не в художественном отношении, а по идее, по отношению к вопросу о нигилизме».⁴⁵

Следственная комиссия считала, что статья «Современного слова» о комедии Устрялова направлена «в защиту нигилизма».⁴⁶ На самом деле, при ошибочности конкретных оценок комедии Устрялова, редакция «Современного слова» сумела высказать еще раз по этому поводу свое мнение о «молодом поколении», «нигилистах» и о тех, кто на них нападает.

Полемика об «Отцах и детях» затрагивала и вопрос о материалистическом мировоззрении как об одном из характерных признаков «нигилистов». Этот же вопрос решался в споре, завязавшемся вокруг скандально-известных лекций профессора философии П. Д. Юркевича, выступившего весной 1863 г. в Москве с попытками опровергнуть материализм. Выступления Юркевича, грубые и развязные по форме, вызвали возмущение демократических кругов. 9 марта, на 6-й лекции, один из слушателей, Рогов, в неподписанном письме, посланном лектору, потребовал прекратить бездоказательную брань материалистов. Юркевич отвечал крайне цинично. Возник скандал, нашедший широкое отражение в печати.

Лекции Юркевича были одним из видов борьбы, которую вела реакция с «нигилизмом», с революционными демократами. Не случайно реакционная печать столь пропагандировала их, так пристрастно освещала столкновение 9 марта. В 56 № «Московских ведомостей» Лонгинов писал о курсе Юркевича, «заслужившем столь громкий и заслуженный успех», что его «безименные противники» впали «в истинно-комическое отчаяние». Лонгинов резко осуждал этих противников, а заодно и всех материалистов вообще. Он обвинял их в глумлении над идеалистами, в стремлении «к грубейшему деспотизму», в попытках запугать последних своими «подметными письмами». Такая характеристика письма Рогова, особенно в то время, когда в памяти свежи были еще толки о прокламациях, «поджигателях», имела вполне определенный политический характер и являлась, по существу, доносом.

С защитой Юркевича выступил в 58 № «Московских ведомостей»

⁴⁵ См. «Отечественные записки», 1863, № 2, Современ. хроника, стр. 205, 207. Позднее термин «раскол в нигилистах» будет употреблен для характеристики разногласий между «Современником» и «Русским словом».

⁴⁶ ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, 1863, № 151, л. 13 об.

мостей» и автор заметки «Несколько слов о публичном курсе г. Юркевича», подписанной Н. С. Он утверждал, что лекции серьезны, общедоступны, пользуются успехом. Попутно Н. С. бранил материалистов, говоря, что их учение ведет к эгоизму, к отрицанию нравственности. Он останавливался на инциденте 9 марта, с сочувствием отзываясь о поведении лектора и с насмешкой об его противниках.

С защитой Юркевича, с нападками на материалистов выступила и «Современная летопись». В 5 № ее с похвалой говорилось о будущих лекциях Юркевича, приветствовалась всякая попытка опровергнуть материализм. Когда в 76 № «Очерков» была помещена отповедь Лонгинову, редакция «Современной летописи» напечатала в 11 № «Заметку читателя» Захарьина. Тот всячески оправдывал Юркевича, силился опровергнуть автора «Очерков», обвинял его в клевете. О лекциях Юркевича высказался и «День». В «Смеси» 5 № заранее сообщалось о предполагаемых лекциях Юркевича. Редакция предсказывала профессору блестящий успех. Она видела заслугу материализма в том, что он пробудил стремление к борьбе с собой. В передовой статье № 11 «Два слова о материализме и общественной свободе» автор ее И. А. (И. С. Аксаков) ставил вопрос о причинах распространения материалистического учения. Он не прибегал к грубым нападкам на материализм и его сторонников, к восхвалению Юркевича, как делали это в катковских изданиях. Аксаков не оценивал прямо цинического поступка Юркевича, но вражда его к материализму и его защитникам выразилась весьма недвусмысленно. Аксаков доказывал, что в форму материализма неловко и неуклюже отлилось закономерное отрицание всякой лжи и мерзости, справедливое возмущение официальной русской церковью, опирающейся на полицейскую власть, негодование на угнетение и насилие. В русском материализме Аксаков видел свидетельство ощущения боли, неблагополучия существующего положения. Он говорил, что «молодое поколение» России не такое уж плохое, что оно ненавидит зло и насилие, стремится к добру и свободе. Само же материалистическое учение не вызывает у Аксакова ни малейшего снисхождения. Он называет его рабством, «убийственным ядом», пишет о «возмутительном безобразии» материализма, об отрицании им нравственности, понятий добра и зла, о стремлении превратить человека в животное. Аксаков утверждает, что свобода несовместима с материализмом, который обоготворяет материю — следовательно — вещественную силу, деспотизм. Издатель «Дня» резко критикует террор якобинцев, видя в нем естественное проявление материалистических взглядов. Он договаривается до того, что обвиняет материалистов в преклонении перед принципом тирании и видит в них отличный материал для полицейских контингентов всякой деспотической власти. По мнению Аксакова,

счастье, что этот «яд» не серьезно заразил русскую молодежь, что ее материализм — не настоящий; он — лишь иностранная форма для выражения идеалистического содержания. От настоящего же «яда» Аксаков старается предостеречь своих читателей, рисуя ужасы материализма. В итоге, несмотря на то, что в статье слышалось недовольство отдельными сторонами общественного устройства России, сочувствие к молодежи, в целом выступление Аксакова смыкалось с реакционной полемикой против материалистов, с нападками, звучавшими в катковских изданиях, вплоть до деталей, до обвинений материалистов в деспотизме, в попытках превратить человека в животное и т. п. Кажущаяся же объективность Аксакова делала статью более опасной, чем прямая брань сотрудников Каткова. Против материалистов, по всей видимости, в связи с лекциями Юркевича, выступило и «Время». В нем была помещена статья Н. Н. Страхова «Вещество по учению материалистов» (№ 3, 1863). Цель ее, по объяснению автора, — «опровержение некоторых материалистических взглядов» (стр. 194) Страхов, так же как и Аксаков, пытался «научно» опровергнуть материализм. Он полемизировал с теми, кто изображал материализм как собрание сплошных нелепостей, требовал отнестись к материалистическим учениям серьезно, «с наибольшей справедливостью» (стр. 194). Но за всей этой мнимой беспристрастностью скрывалась неприкрытая вражда к материализму, стремление примирить естественные науки с идеализмом, солидарность с выводами идеалистической философии, с ее враждой к материализму. При этом утверждалось, что идеалисты, якобы, знают, что такое материализм, и имеют полное право «судить о материализме, а материалисты не имеют права говорить о предмете для них не знакомом», т. е. об идеалистической философии (стр. 195). Выводы идеалистической философии о материализме выдавались за непреложную истину: «если она отвергает его, то ее отвержение имеет полную силу, непререкаемое значение» (стр. 195).

Нападки на материализм поддержали и либеральные издания. Так, хроникер № 3 «Отечественных записок», хотя и осуждал выходку Юркевича, но в то же время критиковал Рогова, автора анонимного письма, а также корреспондента «Очерков», выступившего против Юркевича. Он, не вдаваясь в разбор лекций Юркевича, говорил о противоречивости отзывов о них, сомневался в том, что грубая выходка Юркевича вообще имела место. Хроникер выражал сочувствие автору статьи «Дня», обращал на нее внимание читателей, характеризуя ее как «очень умную и благородную» (стр. 44). Следовательно, он солидаризовался с аксаковскими попытками «объективно» опровергнуть материализм.

И лишь демократические издания отнеслись резко-неприемлемо к лекциям Юркевича, к его философии, к его циничной

выходке 9 марта. Во «Внутреннем обозрении» 3 № «Современника» обозреватель упоминает о курсе Юркевича и осуждает извещение о нем в 5 № «Дня». При этом речь идет не о личности Юркевича, а именно о сущности его учения, о попытках опровергнуть материализм. Признавая на словах необходимость существования двух учений, спиритизма (т. е. идеализма) и материализма, Елисеев, автор обозрения, подверг сомнению идеалистические взгляды, подчеркивая, что материализм не так легко опровергнуть, что он вовсе не сводится к теории Бюхнера. Елисеев отмечал, что вообще говорить об относительной ценности материализма и идеализма можно было бы лишь тогда, когда рядом с лекциями в защиту идеализма «читались бы лекции в пользу материализма» (стр. 50). Он намекал, что материализм в России — «гонимое учение», что сами подобные гонения заставляют «предполагать в этом учении силу, с которою боится вступить в открытую борьбу противоположное ему принятое учение и тем самым заставляет подозревать в себе известную слабость» (стр. 50).

О лекциях Юркевича говорится и во «Внутреннем обозрении» 4 №. Здесь подробно рассказывается о скандале 9 марта, о письме Рогова, о нападках реакционной печати на противников Юркевича. Елисеев разоблачает доносительный характер письма Лонгинова, который сумел, возражая в «Московских ведомостях» сторонникам материализма, «сочинить историю о *поджигателях!*» (стр. 361)

Едко высмеивается Юркевич в 9 № «Свистка», приложенном к 4 № «Современника». Об его лекциях упоминается во «Вступительном слове «Свистка» к читателям» Некрасова, в стихотворении В. П. Буренина «После первого чтения г. Юркевича по философии», на них, вероятно, намекается в «Письмах отца к сыну» Антоновича. Но особенно резко Юркевич критикуется в заметке «Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче .» Щедрина и Антоновича. Авторы ее с негодованием говорят о поведении лектора и его защитников, прямо связывают скандал, происшедший на лекциях, со всей системой деспотического подавления русским самодержавием всякого общественного протеста. Они показывают, что любое проявление недовольства официально признанным безжалостно подавляется и наказывается: «Комбинация обстоятельств расположилась таким образом, что вы должны восхвалять и рукоплескать до болезни < . > а малейший свист с вашей стороны механикою обстоятельств будет заглушен и вы сами будете приведены или к молчанию, или к нулю, т. е. к совершенному небытию» (стр. 51). Из частного случая делались широкие, весьма далеко идущие выводы.

Резко осудило лекции Юркевича и «Русское слово». В «Дневнике темного человека» 3 № Юркевич ставится в один ряд с мракобесом Аскоченским, с юродивым Корейшей, со Скалозу-

бом. Курс Юркевича высмеивался также в драматической сцене в стихах, помещенной в том же 3 №, «Старые знакомые или лекции философии в Москве». О лекциях Юркевича писали и «Очерки». В связи с выступлением Лонгинова в «Московских ведомостях», в 76 № «Очерков» помещено письмо М. С., который рассказывал о скандале 9 марта, резко осуждал Юркевича. В 93 № «Очерков» помещена заметка Рогова, опубликовано его письмо, из-за которого возник скандал.

Высмеивала Юркевича неоднократно «Искра» (см., напр., № 14 — «Платоническое ку-ку-ре-ку», № 19 — «Пятидесятилетний юбилей профессора П. Д. Юркевича» и др.).

Газета «Современное слово» оценила лекции Юркевича так же, как остальные демократические издания. О них с иронией сообщалось во «Внутреннем отделе» 62 №. Юркевич именовался «профессором от философии». Автор «Современного слова» высмеивал хвалебные отзывы о Юркевиче «московских публицистов», сотрудников «Московских ведомостей», «Дня». Он иронизировал над стремлением Юркевича «уничтожить материалистов и вырвать с корнем вон ужасное учение», замечал, что проповедью идеализма заниматься, быть может, лучше «нежели другими, более существенными делами»; автор намекал и на бесполезность (а, следовательно, и на относительную безвредность) борьбы с материализмом, и на «существенные дела» (доносы, травлю революционных демократов и т. п.), которыми занимались соратники Юркевича; высмеивал он также антиматериалистические выводы статьи «Два слова о материализме .», помещенной в 11 № «Дня»: сущность их можно выразить в двух словах: «Стойте! Куда бежите вы, молодые люди .» «И жалостливо, и внушительно», — саркастически замечал автор. В 91 № газеты Писаревского, в «Листке ответов и возражений», напечатан ответ М. С. За рассказ о скандале на лекциях Юркевича, опубликованный в 76 № «Очерков», М. С. был обвинен в 11 № «Современной летописи» в клевете. В своем ответе М. С. показывал всю несостоятельность подобных обвинений, нападок катковского издания на «Очерки» и «Современное слово».

Резко критиковался Юркевич и в фельетоне, помещенном в 60 № «Современного слова». Не случайно в 11 № «Современной летописи» об этом фельетоне с таким негодованием писал Захарьин. Уже в подзаголовке («Г Юркевич занимается толчением воды в Москве») мнение фельетониста о лекциях Юркевича выражено весьма отчетливо. В самом же фельетоне автор издается над попытками Юркевича опровергнуть материализм, говорит о несостоятельности *всех* нападок на материалистическое учение: «Борьба с материализмом! Что за отважный человек должен быть г. Юркевич. Не лучше ли приняться за разрешение квадратуры круга < . > Ведь это то же самое, что желание побороть материализм». По мнению фельетониста, — «Филосо-

фия вещь прекрасная. Мы в ней крайне нуждаемся, но не с той точки зрения, с которой смотрит на нее господин Юркевич». Не вызывает сомнений, что, говоря о философии, необходимой для русского общества и противоположной точке зрения Юркевича, автор «Современного слова» имел в виду материалистическое мировоззрение.

Но особенно резко выступил с отповедью Юркевичу, с защитой материализма автор письма «По поводу лекций г. Юркевича» (№ 71) Он последовательно и прямо доказывал правильность и прогрессивность материалистической теории. Р. С. не просто опровергал невежество Юркевича. Он подчеркивал, что *всякая* борьба с материализмом бесплодна и вредна, что она всегда связана с общественной реакцией. В письме Р. С. речь шла не столько об Юркевиче, сколько о материализме, об его противниках. Автор утверждал, как аксиому, что «ратовать противу материалистов, значит ратовать против химии, физики < . > и вообще против цивилизации и прогресса. Во все времена, когда пренебрегали науками естественными и восставали противу материалистов, человечество погружалось в глубокое невежество. Враги материалистов всегда были инквизиторами, мучителями человечества и гонителями просвещения». Вопрос о материализме приобретал в постановке Р. С. крайне обобщенное значение, ставился на материале многих веков и стран. В то же время автор резко осуждал Юркевича, Аскоченского и других русских противников материализма, действующих в 1860 гг. Противопоставляя свою точку зрения реакционным писателям, публицистам, философам, которые связывали материализм с эгоизмом, отсутствием нравственных начал, безверием, Р. С. подчеркивал, что «Величайшие подвиги самопожертвования, благотворительности, служения долгу и чести вы найдете только у людей, просветленных идеями материалистического учения». Р. С. сопоставлял материализм и идеализм и утверждал превосходство первого не только с точки зрения философской, как более правильной теории, но и с точки зрения социальной, как системы взглядов, лучше обеспечивающей благосостояние народов. «Во все времена, — писал он, — когда торжествовали идеи материалистов < . > лучше жилось на свете, нежели когда толковали об отвлеченных предметах, неизмеримых и невесомых телах». Автор говорил, что антиматериалистические учения не имеют никакой будущности (это — «наука давнопрошедшего»), он едко высмеивал доводы Юркевича, упрекал его в невежестве, указывал, что его идеи «вредны России». Вся суть статьи направлена против «антиматериалистов», т. е. идеалистов, сторонников религии. Правда, Р. С. утверждал, что материалисты — не безбожники, что сторонники естественных наук просто не занимаются вопросом о том, что есть душа. Но это, очевидно, отписка, предназначенная для цензуры.

Со спорами о материализме связаны и отзывы об «Истории цивилизации в Англии» Г. Т. Бокля. Не ставя вопроса о подлинной сущности взглядов Бокля, следует отметить, что произведения Бокля пользовались в 1860-е гг. большой популярностью среди демократически настроенной части русского общества. Выводы Бокля осмысливались часто в то время, как направленные против идеализма, сурово осуждающие существующие общественные учреждения, ведущие к отрицанию этих учреждений, раскрывающие язвы современного общества.

Весьма положительно оценивал книгу Бокля Чернышевский. Он внимательно читал «Историю цивилизации .», составил подробные «Замечания на книгу Бокля .», видимо, собирался писать о ней статью. Не соглашаясь с рядом положений Бокля, Чернышевский в то же время подчеркивал, что тот, «насколько понимает, очень любит прогресс и очень горячо ненавидит зло».⁴⁷ В «Полемических красотах» Чернышевский прямо противопоставлял учение Бокля идеализму, точке зрения Юркевича: «весь первый том Бокля прямо противоположен тому направлению, которым вздумали вы восхищаться в г. Юркевиче».⁴⁸

Чтение Бокля, с точки зрения реакционных обывателей, — одна из характерных черт «свистунов», «нигилистов», «молодого поколения». Не случайно в романе Тургенева «Дым» Бамбаев говорит, что Губарев пишет сочинение «вроде, знаешь, Бёкля . . . только поглубже»^{48а}, а генерал из поэмы Некрасова «Балет» замечает, обращаясь к своему соседу:

«Не все ж читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля .»⁴⁹

По мнению Некрасова, поворот от чтения Бокля к балету — одна из типичных черт, характеризующих смену Петербурга Чернышевского и Добролюбова Петербургом кафе-штантов и канкана.

Реакционные издания неоднократно упрекали демократическую печать за приверженность к Боклю.

В 3 № «Времени» (1863, стр. 110—111) с осуждением говорилось о том, что «Современник» рекомендует своим читателям Бокля, что «дети» не признают никаких авторитетов, кроме Бокля, Луиса, Молешотта. Книге Бокля посвящена и статья М. Юрьина «Г. Т. Бокль. История цивилизации в Англии», напечатанная в 24 № «Дня» (1863). Говоря об успехе произведения Бокля в России, автор объяснял это тем, что «книга не чужда также и тех отрица-

⁴⁷ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., М., т. 16, 1953, стр. 735.

⁴⁸ Там же, т. 7, 1950, стр. 759.

^{48а} И. С. Тургенев, Собр. соч., М., 1954, т. 4, стр. 15.

⁴⁹ Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч., М., т. 2, 1948, стр. 250.

тельных выводов и воззрений, которые, умаляя научное ее достоинство, преобладают в современном направлении и не могут не возбуждать в сильной степени готового уже сочувствия в некоторой части публики» (стр. 16). Юрьин считал подобного рода «отрицательные выводы» недостатком Бокля, но он вынужден был признать, и так оно на самом деле и было, что именно эти «отрицательные выводы» привлекли в первую очередь сочувствие к Боклю русского демократического общества. В то же время, отмечая весьма раздраженно, что «крайнейшие отрицатели поспешили приурочить книгу Бокля к области своей экстравагантной литературы и расточают ей неумеренные похвалы», автор «Дня» стремился доказать, что выводы Бокля не дают оснований для подобного осмысления, что он «не отличается ни малейшим идолопоклонством кровавым революционным переворотам и смотрит на них как на ужаснейшие бедствия» (стр. 19). Следовательно, почитатели Бокля, в том числе русские, по мнению Юрьина, относятся к сторонникам подобного рода революционных переворотов. Не следует, конечно, принимать слов Юрьина всерьез и видеть во всяком русском поклоннике Бокля революционера. Характерно другое: реакционная печать считала, и не без основания, сочувственное отношение к книге Бокля одной из характерных черт, свидетельствующих о принадлежности к демократическому лагерю. Она стремилась либо опровергнуть Бокля, либо показать неправомерность тех радикальных выводов, которые часто делала на основании книги Бокля русская демократическая молодежь. Поэтому оценки книги Бокля в «Современном слове» играют существенную роль в выяснении направления газеты Писаревского. Уже, говоря о лекциях Юркевича, фельетонист «Современного слова», так же как Чернышевский, противопоставлял направление этого реакционного философа-идеалиста направлению Бокля. Как утверждал фельетонист «Современного слова», Юркевич начал свои лекции, сиюсь изгнать материализм из русского общества, «которое сповихнулось в последнее время, предавшись изучению Бокля, этого сумасброда, вздумавшего уверять, что все учение спиритуалистов основано на переливании нескольких весьма ограниченных положений» (1863, № 60). Автор фельетона здесь как бы цитирует точку зрения Юркевича на Бокля, ставя последнего в ряд тех мыслителей, противников идеализма, которых тщетно силится опровергнуть московский профессор.

Но особенно отчетливо точка зрения редакции «Современного слова» на книгу Бокля проявилась в полемике с славянофильским «Днем». Начало ей положила не подписанная статья Юрия Росселя «Общественное мнение в Англии и Бокль», помещенная в прибавлении к 42 № «Современного слова» (1863). В этой статье, посвященной памяти Бокля, умершего в 1862 г., подчеркивалась критика Боклем устоев современного общест-

венного устройства, осуждение им пути, «каким шла та цивилизация, посредством которой английский народ попал в руки капиталистов-буржуазии и землевладельцев-аристократии». Россель подчеркивал, что английский рабочий класс «не имеет права на голос», что лишь «капиталисты и аристократы составляют общественное мнение Англии», что промышленники-издатели, заботясь о собственной выгоде, соглашаются «на издание только такого сочинения, которое трактует в духе капиталистов и землевладельцев». Взгляды же Бокля, по мнению Росселя, противоположны господствующему в Англии общественному мнению, «воззрениям капиталистов и землевладельцев». Это определило враждебность английского общества к его книге и вынудило Бокля маскировать свои взгляды. Сам же Россель сочувствует выводам Бокля, направленным против основ собственнического строя, он не разделяет взглядов тех, кто считает, что «социализм ведет к обезличиванию человека»; вражда англичан к социализму, по мнению Росселя, определяется боязнью подрвать право «собственности, защищаемого там всеми средствами». С горячей симпатией упоминает Россель об Оуэне. Он призывает переводчиков Бокля учитывать, что писатель был вынужден маскировать свои взгляды; поэтому необходимо: снять такую маскировку, подчеркнуть социальный смысл его произведений. Выводы Росселя направлены и против социального устройства буржуазно-аристократической Англии и против основ собственнического строя вообще. Не удивительно, что славянофильский «День», который, казалось бы, должен был приветствовать критику Росселем буржуазного Запада, резко выступил против статьи «Современного слова», уловив в ней столь враждебный славянофилам дух «отрицательных доктрин». В 13 № «Дня» появилась статья «Новые диковинки петербургского литературного прогресса», в которой резко осуждалось выступление Росселя о Бокле, а «Современное слово» обвинялось в склонности к материализму, в атеизме.

По поводу рассуждения автора «Современного слова» о том, что в Англии нельзя осуждать догмата какой-либо религии, сотрудник «Дня» замечал: «Автору, вероятно, хотелось бы, чтобы можно было отрицать веру и считаться верующим, отвергать бытие Бога и избегнуть названия атеиста!» (стр. 20). Подобные замечания «Дня» папахивали доносом.

В 14 № «Дня» напечатано письмо переводчика Бокля, К. П. Бестужева-Рюмина, в котором тот заявлял, что не следовал советам «Современного слова» и не искажал Бокля. Россель отвечал на возражения Бестужева-Рюмина в «Письме к редактору», опубликованном в 85 № «Современного слова», и обещал подробно разобрать взгляды редакции «Дня» на Бокля.

Это обещание он выполнил в 87 №. В своем ответе Россель вновь подчеркнул, что в Бокле его привлекают материалистиче-

ские тенденции. Спор о Бокле он использовал для осуждения еще раз идеалистических воззрений. Автор статьи говорил о том, что в философии имеется 2 направления: «супранатуралистическое и материализм. Что Бокль — супранатуралист — этого не докажет сам г. Юркевич». По мнению Росселя, Бокль, боясь обвинений в материализме, излагал свои взгляды на историю, «скрываясь фактами и нигде не вдаваясь в положительное решение того или другого философского принципа». Но филистерское английское общество хорошо уловило, по мнению Росселя, отношение Бокля к философским, религиозным вопросам: не случайно оно так враждебно встретило его книгу, не случайно другу Бокля пришлось уверять, «что Бокль верил в бессмертие души. Я думаю, это уверение лучше всего доказывает, как понимало Бокля английское общественное мнение». Итак, для «Современного слова», как и для других демократических изданий 60-х гг., спор о Бокле был еще одним способом выразить свою враждебность к идеализму, подчеркнуть, что его отрицают лучшие европейские умы.

Звучат в «Современном слове» и антицерковные мотивы. Газета неоднократно выступает против передачи церкви дела воспитания народа (см. «Внутреннее обозрение» № 40, 1862; статьи «По вопросу о народном образовании», прибавления к 161 и 171 №№, 1862 и к 11 №, 1863; заметку «Слух о воскресных школах», № 107 1863 и др.) Редакция «Современного слова», возражая Каткову, утверждала, что «преобладание теократического влияния в деле воспитания очевидно несовместимо с общественными целями» (прибавление к 11 №, 1863). В статье «О духовных академиях» (№№ 70 и 77 1862) осуждалась постановка образования в специальных духовных учебных заведениях, предлагалось заменить духовные академии богословскими факультетами университетов, т. е. сблизить их со светской наукой, ослабить влияние церковников.

Когда в 1863 г., в 80 № «С.-Петербургских ведомостей» был напечатан призыв оказать материальную помощь православному духовенству Западного края, редакция «Современного слова» подхватила его, но сделала несколько неожиданный вывод. По ее мнению, за помощью нужно обращаться не к обществу, «а к нашим святым обителям» (№ 81): вместо пожертвований в пользу духовенства газета предлагала потрясти казну монастырей.

Еще отчетливее эта мысль выражена в заметке «Два слова о монастырях» (№ 63, 1863). Говоря о бедности глухих монастырей, автор делал вывод, что, видимо, в существовании их «не представляется особенной необходимости». Он намекал на праздность духовенства, доказывал, что не следует тратить общественные средства для помощи бедным монастырям, что эти средства могут «с не меньшею пользою идти на утоление голода

крестьян-тружеников». По мнению автора, лучше закрыть бедные монастыри или помогать им за счет богатых, не выпрашивая у общества средства, которые «теперь нужнее всего на спасение от голодной смерти нескольких сотен тысяч людей, не от праздности оставшихся без куска насущного хлеба».

С позиции поддержки всякого протеста против официальной церковности рассматривает редакция «Современного слова» и вопрос о расколе и всяких других «ересях». Так, в 57 № (1862) напечатана статья Штеттера «Мертвящая критика». В ней осуждалась критика раскола с реакционных позиций официальной церковности. Штеттер порицает теорию П. И. Мельникова, выраженную в его «Письмах о расколе». Этой теории Штеттер противопоставляет новый взгляд на раскол, выработанный в последнее время «лучшими нашими исследователями». Он, очевидно, имеет в виду исследования о расколе А. П. Шапова, но, вероятно, намекает и на издания Вольной русской типографии, на точку зрения Герцена. Вряд ли случайно в статье не уточняется вопрос о том, кого нужно понимать под «лучшими нашими исследователями». Оценивая раскол, Штеттер весьма положительно относится к нему, видя в нем элементы анализа: «В прогрессивном движении каждого общества первый и самый трудный шаг состоит в освобождении из под гнета действующих в общественном организме сил, в обеспечении < . > свободы мысли, слова, действий». Штеттер, по существу, считает протест раскольников одной из форм борьбы не только с официальной церковностью, но и с государственностью, борьбы политической, социальной. Он подчеркивает, что с давних времен, даже по признаниям обличителей раскола, «раскольники показывали постоянный и упорный протест против иерархических и бюрократических форм». Штеттер хвалит раскольничью общину, ассоциации, артели. В статье отразились взгляды на общину, которые были характерны и для Герцена, которые позднее привели к народничеству. Власти отметили подобного рода статьи. Товарищ министра внутренних дел обращал, например, внимание министра просвещения на статью о духоборах, напечатанную в «Библиографии» 46 № «Современного слова» (1862), указывая, что изложение такого рода ложных учений может иметь вредное влияние.⁵⁰

С точки зрения противопоставления официальной церковности редакция «Современного слова» оценила и запрещение во Франции лекций философа-идеалиста, историка христианства Ренана. Не вдаваясь в разбор теорий Ренана, автор «Современного слова» осуждает запрет, истолковывая его как попытку официальной церковности пресечь всякую критику, всякий анализ ее догм. Он указывает, что везде, где «господствующее

⁵⁰ ЦГИАЛ, ф. 773, оп. 1, 1862, № 251.

вероисповедание пользовалось бы таким образом правом заставлять молчать науку и историческую критику, следовало бы ожидать понижения уровня понятий, лицемерие заняло бы место общественной нравственности» (№ 48, 1862).

Следует помнить, что к Ренану в 1860-е гг. весьма неблагоприятно относились не только французские, но и русские власти. В фонде центрального управления по цензурному ведомству хранится специальное дело о переводе на русский язык книги Ренана «Жизнь Иисуса». Этот перевод подлежал «безусловному запрещению», он не должен был выдаваться на руки «даже в том случае, когда она (книга — П. Р.) выписана будет на имя лиц, имеющих право получать иностранные издания без цензуры»: Продавцы книг в декабре 1863 г дали подписки «не иметь означенного сочинения и не продавать оно». В 1864 г им вновь напомнили об этом обязательстве.⁵¹ Отклик «Современного слова» на запрещение лекций Ренана вовсе не означал защиты идеалистических теорий французского философа. Редакция протестовала против засилия официальных, господствующих догм, религиозных и не религиозных, против попыток подавить всякую критику, анализ, свободу мысли. Такой протест, конечно, выходил далеко за рамки вопроса о Ренане.

Осуждение церкви звучит и в статьях о католическом духовенстве. Сама постановка темы давала редакции возможность менее опасаться цензуры, чем в высказываниях о духовенстве православном. Но речь, конечно, вовсе не шла о противопоставлении православия католицизму. Всякая религиозная нетерпимость, как и нетерпимость национальная, была глубоко чужда редакции «Современного слова». Отрицание нравов католической церкви для газеты — один из способов осуждения всякой официальной церковности, противопоставляемой революции, свободе, общественному прогрессу. Так, в «Политическом обозрении» 2 № (1863) с насмешкой говорится о страхе римского папы перед революцией, о попытках остановить ее волны при помощи французских штыков. В 78 № (1863) напечатано письмо из Италии А. Фрикена. В нем резко осуждаются действия римского папы, сообщается, что вокруг него «собралось теперь все, что в Италии было реакционерного, темного, тупого».

С защитой новых людей редакция «Современного слова» выступила и в многочисленных статьях и заметках, посвященных пожарам 1862 г. Широко известно, как правительство и реакционная журналистика использовала эти пожары для организации антинигилистической травли. «Современное слово» настойчиво и последовательно боролось с распространением пасквильных слухов, натравливающих общество на революционных демократов, на передовую часть студенчества. При этом следует учи-

⁵¹ ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, 1864, № 209, лл. 1, 3, 5.

тывать, что в обстановке правительственного террора, запрещения «Современника» и «Русского слова», «Современное слово» оказалось почти единственным изданием, столь подробно и с таких прогрессивных позиций освещавшим вопрос о пожарах. Редакция стремилась доказать, что пожары — не результат злонамеренной деятельности «нигилистов», а следствие плохой организации противопожарных мероприятий, недостаточно хорошего надзора, плохого устройства рынков и т. п. Подобные взгляды развивались в редакционной статье «По поводу пожаров» (№ 6), в заметке архитектора Петрова (№ 9) и др., в статье «Толкучие и съестные рынки» (№ 13). Подобные материалы отнюдь не содержали революционных идей, но в обстановке антинигилистической травли, намеков на «поджигателей», они играли определенную прогрессивную роль. Кроме того редакция умела использовать сообщаемые ею факты для далеко идущих выводов. Так, отвечая в 10 № Петрову, предлагавшему учредить для наблюдения за постройками особый комитет, она утверждала, что дело не в комитете, что «ворон ворону глаза не выклюет», что необходимы другие, более сильные меры, но редакция, не имея обычая облекать свои выводы в «законодательные формы», не будет говорить об этих мерах и «тратить непродуктивно время». В статье проводилась мысль о связи пожаров со всем общественным неустройством, о недостаточности мелких предупредительных мер, о необходимости коренных изменений и о невозможности таких изменений в рамках существующей системы. Пожары — результат беспорядка, сам же беспорядок — следствие определенного общественного устройства, — к таким выводам подводила читателей в первую половину июня 1862 г. редакция «Современного слова». О политическом смысле пожаров, поджигателях и т. п. речь не шла.

Но когда о поджогах заговорили в правительственных кругах, когда стали применяться официальные меры для розыска «поджигателей», когда о них стали ожесточенно кричать реакционные издания, «Современное слово» вступило в острую полемику с этими изданиями и, по существу, с правительственной точкой зрения. Так, в 19 № газеты Писаревского напечатана большая статья «О причинах пожаров». Она направлена против издателя реакционной газеты «Наше время» Н. Ф. Павлова и против письма о пожарах, опубликованного за подписью X в 122 № этой газеты. X утверждал, что пожары — следствие «заранее обдуманного плана», весьма недвусмысленно намекал, что они — дело революционеров, авторов прокламаций. «Современное слово» резко осудило письмо X, мерзость его намеков. Оно напоминало, что большие пожары бывали в Петербурге и прежде, и призывало вообще не говорить о «поджигателях» и «не распространять волнующих народ слухов». Автор статьи отрицал связь между пожарами и прокламациями. Он утвер-

ждал, что реакционные издания, крича о поджогах, натравливают народ на интеллигенцию, на передовую часть общества, что «подобный нравственный поджог может иметь опаснейшие последствия нежели пожар Апраксинского двора».

Резко осуждались слухи о «поджигателях» в редакционной статье 24 № «Современного слова», направленной против статьи Беллюстина в 23 № «Современной летописи». Беллюстин говорил, что народ указывает на студентов как на виновников пожаров, связывает поджоги с прокламациями, революционным движением; «не хотелось бы верить подозрениям народа, — лицемерно заявлял он, — но что, если и тут есть своя доля правды? Что, если и в самом деле эта молодежь, увлеченная гибельными возгласами проповедников анархии и всеобщего погрома, посредственно или непосредственно принимает в этом участие? ..» «Современное слово» с гневом опровергало выступление Беллюстина, показывало бездоказательность и ложность его намеков. «Если у Вас нет данных и фактов для того, чтобы уличить, то кто дает вам право печатно подозревать?» — с возмущением спрашивал у Беллюстина автор «Современного слова».

Вопрос о поджигателях ставился в статье «Случай на пожаре в Торжке», опубликованной в 49 № «Современного слова». Автор ее, М. Шишмарев, рассказывал, что во время пожара в Торжке толпа приняла его за поджигателя и едва не растерзала, местные же власти не только не сдерживали толпу, но даже поощряли ее. Редакция «Современного слова» сопровождала сообщение Шишмарева заметкой, в которой обращала особое внимание читателей на статью; рассказанные Шишмаревым факты, по мнению редакции, отчетливо показывают, до чего могут довести слухи о «поджигателях», тем более, что «и в настоящее время есть люди, продолжающие играть в эту опасную игру».

По поводу статьи Шишмарева завязалась полемика. В «Северной почте» (№ 184) появилось письмо Новотора (жителя Торжка), в котором оправдывалось то, что произошло на пожаре. Новотор, видимо, связанный с местными властями, усиленно доказывал, что статья Шишмарева не соответствовала действительности, что, согласно сведениям, «собранным официально и частным порядком», дело обстоит не так, как его изобразил Шишмарев. Новотор намекал на неблагонамеренность Шишмарева, говорил, что во время молебна тот стоял в фуражке, что его поведение вызвало подозрения народа. Новотор брал под свою защиту распространителей слухов о «поджигателях», утверждал, что такие слухи не страшны.

С аналогичными заявлениями выступил и городской голова Торжка, Г. В. Луковников, письмо которого напечатано в «Московских ведомостях» (№ 194). Он также стремился бросить

ть на благонадежность Шишмарева, утверждая, что случай с ним показал, сколь опасно «неуважение к народным и религиозным торжествам».

Поддержал Новатора и фельетонист катковской «Современной летописи» Пановский. Он нашел смешным случай, происшедший в Торжке с Шишмаревым, и заявил, что тому просто почудились разные ужасы.

«Современное слово» резко осудило высказывания реакционных изданий о случае в Торжке. В 71 №, говоря о письме Новатора, перепечатав его, редакция указывала, что все оно пропитано «самым возмутительным цинизмом». Газета подчеркивала причастность властей к безобразному преследованию Шишмарева, стремление их оправдать зачинщиков расправы: «Мы можем однако искренне поздравить г Шишмарева, что он не был в Торжке во время собрания официальных сведений. Оставайся он там, не развязаться бы ему с полицией и пришлось бы исписать наверное стопу бумаги для объяснения значения его усов, бородки и покроя фуражки, имени и места жительства его портного, при чем если бы последний носил фамилию на *ич* или на *ский*, то бог весть чем бы это кончилось».

С возмущением откликается «Современное слово» и на письмо Луковникова (№ 82). Отвергнув его ссылку на официальные данные о жителях Торжка, редакция решительно выступила против попыток свести историю Шишмарева к частному случаю, оторвать ее от общей антинигилистической травли. По поводу же выступления «Современной летописи» «Современное слово» замечало, что «не в одном Торжке, а и в литературе есть тоже свои Вавулины» (Вавулин призывал в Торжке к расправе над Шишмаревым, прибегая к заведомой лжи).

Газета Писаревского показывала, что такого рода позиция пользуется поддержкой не только местных властей, но и правительственных кругов. Отметив, что некоторые издания никак не откликнулись на дело Шишмарева, автор «Современного слова» добавлял: «но ведь бог весть отчего они молчат! <. .> Ведь это глядя по характеру иной вследствие обстоятельств молчит, другой говорит, а третий из стороны в сторону мечется». В этих словах скрывалась и критика «обстоятельств», мешающих высказаться прогрессивным взглядам, побуждающих «говорить» реакционные издания, и осуждение осторожности либеральных газет и журналов, стремившихся обойти острые вопросы. Мысль о том, что слухи о поджигателях распространялись с ведома правительства, что оно не допускало опровержения их, выражена и в передовой статье 24 №, в которой говорилось о выступлении в «Современной летописи» Беллюстина. По мнению редакции, слухи о поджигателях не встречали отпора, так как «не всегда можно делать то, что кажется иным должным».

В июне официальная газета «Journal de St. Petersburg»

напечатала заметку, предназначенную для успокоения общественного мнения за границей. Заметка имела полуофициальный характер и должна была смягчить впечатление от пожаров, от реакционных мероприятий правительства, подчеркнуть, что правительство не собирается свернуть с пути реформ.

Последнее обстоятельство особенно подчеркивалось. Видимо, власти опасались неблагоприятной реакции зарубежного общественного мнения, хотели показать, что ничего опасного в России не происходит, что нет причин для серьезного беспокойства. В заметке указывалось, что поджигатели не обнаружены, что причина пожаров не установлена и нет доказательств, что поджигают революционеры. Упоминая про слухи о поджогах, заметка признавала, что они были «ложные или по крайней мере очень преувеличенные». В то же время утверждалось, что «найжены некоторые следы», способные вызвать слухи о поджигателях, что «можно предполагать, что неблагонамеренные лица не были чужды этому несчастью», а идеи, проповедуемые в прокламациях, может быть, «оказали некоторое влияние на умы» поджигателей. Полуофициальная заметка, следовательно, вовсе не отрицала участия передовых людей в поджогах, намекала на возможность такого участия, но, стараясь успокоить общественное мнение, подчеркивала, что если поджигатели и есть, то их немного и они неопасны. Правительство было вынуждено также признать, что не имеется никаких реальных доказательств, свидетельствующих об участии революционеров в поджогах, и призвать реакционные издания к некоторой умеренности.

Именно подобные признания использовала редакция «Современного слова» в борьбе с реакционными журналами. В 18 № она перепечатала вышеназванную заметку из «Journal de St. Petersburg». В 24 №, в отзыве на выступление Беллюстина, эта заметка упоминается в качестве доказательства того, что правительству ничего не известно о поджигателях. На основании упомянутой заметки «Современное слово» делает вывод, что «не только политических, но и никаких поджогов не было». В «Политическом обозрении» 25 № заметка приводится как материал, опровергающий «политический характер происхождения пожаров». Такое истолкование правительственной заметки о пожарах далеко не соответствовало ее подлинному содержанию. Но это менее всего заботило редакцию «Современного слова», воспользовавшуюся заметкой для отпора реакционным изданиям, «бессмысленными намеками < > распалывшим воображение массы». Итак, «Современное слово» настойчиво боролось с попытками реакции придать пожарам политический характер, использовать их как еще один повод для травли новых людей, «нигилистов». В основном, эта борьба относилась к 1862 г., продолжалась она и в более позднее время (25 №, прибавление к 11 № за 1863 г. и др.) Правительство обратило внимание на

материалы о пожарах, помещенные в «Современном слове». О них с неудовольствием упоминал министр внутренних дел (см. стр. 6).

С защитой новых людей и их взглядов связаны и выступления «Современного слова» по женскому вопросу. Редакция настойчиво популяризировала произведения сторонников женского равноправия, писателей, рассказывающих о тяжелой судьбе женщин. С этой точки зрения давался в 83—85 №№ (1862) подробный обзор сочинения Э. Легуве «История нравственного положения женщины». Взгляды Легуве привлекают обозревателя, так как они отличаются от господствующего в России отношения к женщине, от позиций «замоскворецких критиков». В газете печатался ряд статей в защиту женского образования, говорилось о необходимости изменить положение женщин. Так, автор статьи «Об эмансипации женщин» (прибавление к 66 № 1863) утверждал, что «только одинаковое воспитание женщин и мужчин может упрочить благосостояние и порядок в обществе». Женскому вопросу посвящены в 1863 г. статьи «Кое что, впрочем не новое, о правах женщины» (43 №), «Письмо к редактору» (№ 49) «О женщинах врачах» (№ 74), «Допущение женщин к отправлению общественных обязанностей» (№ 75), «Отклик женщины» (№ 90), «Русская женщина перед судом русских университетов» (№ 118) и др. Характерно, что в обсуждении женского вопроса широко участвовали сами читательницы «Современного слова». В газете печатались их письма, одно выступление вызвало другие, завязалась оживленная полемика. Редакция поддерживала эту полемику, направляла ее. В «Современном слове» утверждалось, что единственный реальный путь освобождения женщины — получение ею экономической независимости. Поэтому большое внимание уделялось проблемам женского труда, заработка (№№ 90, 96, 97, 104). В 103 № напечатана заметка о женском труде Н. К. Михайловского «Женский медицинский факультет в Бостоне». Автор ее с иронией опровергает взгляды противников женского труда. Поставив вопрос: может ли женщина так же трудиться, как и мужчина? — Михайловский замечает: «Теория отвечает на этот вопрос утвердительно, опыт, как он ни ограничен, так же». Не случайно в 6 № «Современника», во «Внутреннем обозрении», говоря о положении женщины, о женском труде, обозреватель приводит материал из «Современного слова».

Новым людям редакция «Современного слова» все время противопоставляла защитников существующих основ. Своеобразие послереформенной обстановки привело к стиранию резких граней между реакционерами и либералами.

Последние все более правеют, первые же выступают сторонниками реформ, правительственных преобразований, осуждают противников таких преобразований. Образуется как бы один

реакционно-либеральный лагерь, ожесточенно травивший «нигилистов», приветствующий правительственные реформы, «постепенное» движение к «прогрессу». «Современное слово» едко высмеивало «постепеновцев», а заодно разоблачало и те основы, которые они защищали. Так, в фельетоне автор не раз сталкивал обывателя-«постепеновца» и «нигилиста». Сам он надевал на себя маску благонамеренного, всячески расхваливал «постепеновцев». Но за этими похвалами скрывалась едкая насмешка не только над либерально-консервативным лагерем, его терминологией, но и над действиями правительства, официальной точкой зрения. Особенно зло иронизировал фельетонист над довольством окружающей обстановкой, восхищением «эпохой великих реформ». Основной пафос «Современного слова» — отрицание существовавших порядков, наступающей реакции. Поэтому всякие попытки утверждения этих порядков вызывали решительное осуждение. Так, в 39 № (1862) фельетонист высмеивал взгляды «благовоспитанных», т. е. благонамеренных, читателей, которые не разделяют мрачных мыслей, верят в реформы, в «прогресс». Он сам как бы становился на их точку зрения и иронически восклицал: «Скучать! Да помилуйте, современно ли это? К лицу ли нам? < . > скучать «в настоящее время, когда и т. д.» Одни близорукие люди < . > лишь в состоянии хандрить теперь и отвергать все в своем нигилизме. Я сам < . > в одну минуту получаю хорошее расположение духа, лишь только подумаю о том славном времени, в которое я имею счастье жить на белом свете. Посмотрите, какие утешительные явления вырастают перед нами всюду, куда ни взглянем. Русский прогресс < . > ходит из конца в конец по матушке России < . > у каждого на лбу вы прочтете роковую надпись: «я прогрессист» < . > Пусть их зовут Репетиловыми, Хлестаковыми, даже Расплюевыми, но это уже не прежние < . > но новейшие < . . . > прогрессивные герои». Злой насмешкой и над самой послереформенной действительностью, и над теми, кто восхищается ею, звучат эти строки. Фельетонист прибегает к приему, напоминающему Щедрина. У того Чацкий, Рудин превращаются в реакционеров. (ср. «В среде умеренности и аккуратности», Н. Щедрин, Полн. собр. соч., М., 1938, т. 12, стр. 311, 316). В «Современном слове» Хлестаковы и Расплюевы становятся «прогрессистами». Но смысл этих приемов один: и Щедрин и фельетонист «Современного слова» подчеркивали сближение позиций вчерашних либералов и реакционеров. В газете Писаревского не раз утверждалось, что либералы окончательно изолгались, лишились последних следов былой прогрессивности. Об этом отчетливо говорится в статье «Москва, 4 октября» И. Г. Прыжова, посвященной Грановскому (к 7 годовщине со дня его смерти) и напечатанной в 112 № (1862) Прыжов писал, что Грановский умер во-время, что дальше нельзя было идти

по той дороге, по которой он шел: «нужно было или повернуть на другую сторону, или изболтаться, разменять себя на медную монету и придти туда, куда теперь пришли друзья Грановского».

Восторгам «постепеновцев» по поводу «русского прогресса» «Современное слово» противопоставляло совсем иную точку зрения: в России тянется «тысячелетняя патриархальная домашняя жизнь», которая «надоела до нельзя» (№ 115, 1862) «у нас выгоднее открыть ресторацию, кабаки, что угодно, чем хлопотать о просвещении» (№ 87 1862) «Одним словом, — иронически замечает фельетонист, — повсюду невозмутимая, сердцу радостная тишь, напоминающая нам превосходные стихи Гейне. по поводу въезда его в Ахен <. .>

С час пробыл я в этом сонливом гнезде,
Глазел на людей и на стены,
И видел я прусских военных, и в них
Большой не нашел перемены». (№ 103, 1862).

Эти ссылки на «тысячелетнюю жизнь» (как раз в то время праздновался юбилей 1000-летия России, вызывавший восторженные клики реакционной и либеральной печати), на строки из остро-сатирической поэмы Гейне «Германия» не только противопоставлялись взглядам «постепеновцев» на современное положение, но и выражали отношение к нему редакции «Современного слова». В них подчеркивалось, что в жизни страны ничего не изменилось к лучшему, что Россия «эпохи великих реформ» совсем не отличается от самых мрачных годов николаевской реакции. Мысль об этом отчетливо звучит и во «Внутреннем отделе» 87 № (1862), в котором упоминается ряд правительственных мер, знаменовавших наступление реакции. Автор статьи иронически хвалит действия правительства, «присоединяется» к мнениям публициста Скарятина, утверждавшего, что «у нас в России тишина и спокойствие». но затем он дает крайне резкое описание этой «тишины», рисует картину торжествующей реакции: «Приостановлена деятельность двух толстых журналов, отчего сократился литературный труд, в общей массе, по крайней мере на 10%. Вместо четырех факультетов петербургского университета занимаются только два. Закрыты повсеместно воскресные школы, число которых по одному ведомству министерства народного просвещения доходило до 274. Народные читальни и кабинеты для чтения тоже повсюду заперлись пред великим кануном праздника тысячелетия России».

Критика правительственных реформ и восхищавшихся ими либералов дается в фельетоне 103 № (1862). Здесь затрагивался вопрос о новом судеустройстве. Редакция была вынуждена опубликовать официальный материал о нем в прибавлении к 98 №, но отношение к судебным реформам она выразила имен-

но в фельетоне. При этом критика «Современного слова» выходила далеко за пределы конкретного вопроса о судеустройстве, она затрагивала всю совокупность действий правительства, всю систему реформ 60-х гг. Автор фельетона, под маской благонамеренного обывателя, иронически восхищался напором «важных административных преобразований, долженствующих облагодетельствовать всю Россию». Он «спорил» с «знакомым нигилистом», не раз появлявшимся на страницах газеты, который выражал недовольство новым судеустройством. Тот утверждал якобы, что новое положение «Ничего, так себе», оживленно перечислял недостатки этого положения: «Более всего он вооружался против различных ограничений, говорил о закрытых дверях, о habeas corpus, о недостаточной ответственности судей, о власти прокуроров и о многом другом. Мало, думает он, будет гарантирована личность при новом положении». Фельетонист всячески отмежевывался от подобных рассуждений, говорил, что «нигилисты» — «невыносимые люди», которые требуют *«все вдруг»*. Но, конечно, выдуманный противник, с которым шел спор, выражал мысли самого автора. «Полемизируя» с «нигилистом», фельетонист по существу едко высмеивал всю политику реформ. Он, «возражая» противнику, утверждал «необходимость» того, «чтобы утоление продолжительного нравственного голода совершалось как можно постепеннее, сперва по гранам, потом, со временем, по золотникам и т. д.». В русской демократической печати слова «со временем» широко использовались для иронической характеристики позиции либералов (см., напр., «Нашу общественную жизнь» Щедрина). Именно в таком плане использует их и автор «Современного слова». Для характеристики мелочности и никчемности правительственных реформ он приводит следующий пример: «положим, что для наблюдения за известным мостом более нежели достаточно пяти человек, тогда как за ним наблюдают, по положению, 100 человек. Но как-таки со 100 свести прямо на 5, будет чересчур крутой скачок. Если сделать уступку, то лучше согласиться со 100 на 95, нежели со 100 на 5. *Так и во всяком деле.* Точно так же и по поводу закрытых дверей. Вчера были закрыты двери для всех случаев, не отворить же их совсем, начиная с завтрашнего дня» (подчеркнуто мною — П. Р.). Характерно, что автор не только выражал свое мнение о реформах и их защитниках — «постепеновцах», боявшихся «крутых скачков», но и пытался определить количественное, процентное отношение этих реформ к подлинным нуждам общества. 5% изменений, при нужде в 95% — вот итог, к которому приходил фельетонист, оценивая реформистскую деятельность правительства. С иронией «защищал» он и новое судопроизводство, намекал на волну арестов, «отвергая» неприкосновенность жилищ, так как, чтобы арестовать кого-либо, «гораздо бы приличнее» войти в «дом этого

господина, и не днем, когда все могут видеть, а так вечерком или, пожалуй, ночью, чтобы не компрометировать человека». Автор фельетона насмешливо замечал, что, если возложить на судей ответственность за их неправильные действия, то, «пожалуй, при переходе с старого порядка на новый, ни один судья не удержится более суток, и мы останемся вовсе без судей».

Основное качество «постепеновца», «благонамеренного», постоянно высмеиваемого в «Современном слове» — довольство современностью, медленными изменениями, «прогрессом», вражда к недовольным существующим строем, к «нигилистам». Так, в фельетоне 93 № (1862) едко критиковался реакционный публицист Скарятин, утверждающий, что «мы стоим в прекрасном положении», а если чего и нет, то «все это, говорит, будет, мы, говорит, идем ко всему путем мирного постепенного прогресса и потому все обстоит благополучно. Главное, говорит, надо во всем постепенность». Автор фельетона иронически соглашается с теорией «постепенного прогресса», объявляет себя ее сторонником. «Защищая» эту теорию, он берется доказать верность ее примером из физики: отполированный шар на гладкой поверхности, получив толчок, должен двигаться вечно по прямой; «но при этом обыкновенно делают небольшую оговорку, — многозначительно замечал фельетонист, — что если шар и не представляет в действительности такого движения, то единственно вследствие тех препятствий, которые он встречает на пути». Автор весьма недвусмысленно намекал, что все надежды на реформы, на постепенное и естественное движение к «прогрессу» столь же иллюзорны, как мысль о вечном движении шара: они могут быть, в лучшем случае, верными в теории, но отнюдь не в действительности.

Отношение редакции «Современного слова» к реформам отразилось и в 76 № (1862). Речь шла здесь о частном случае, о Славянском комитете. Но смысл высказывания о «комитетах» был значительно более широким. Редакция намекала на всю беспочвенность и бесполезность многочисленных комитетов, создаваемых в то время правительством: «если бы существование *комитетов* всегда обуславливало достижение благой цели их <. .> следовало бы признать, что по всем отраслям нашей общественной жизни кипит плодотворная деятельность». С точки же зрения редакции «Современного слова» все эти правительственные комитеты, реформы, преобразования не изменили к лучшему жизни народа. Такая мысль отчетливо выражена в фельетоне 77 № (1863), в разговоре автора с полицейским, «хожалым». Автор, смущенный своим собеседником, «стал говорить разную чепуху о преобразованиях, реформах, даже кажется о гласном судопроизводстве <. .> Хожалый сначала посмотрел на меня подозрительно, потом усмехнулся, махнул рукой и сказал: это все единственно! Как, говорю, все единственно, ведь вот кре-

стьяне, например, бывшие крепостные, теперь они вольные. — Да что в нем и в вольном то, вот он, вишь как его качает от одной мели к другой» (имеется в виду пьяный парень — П. Р.). На вопрос «что нового?» автор отвечает: «Да, старое по старому, а вновь ничего». Во время следствия на фельетон 77 номера было обращено особое внимание. «Эта омерзительная статья, — говорится в отчете о «Современном слове», — направлена против существующего порядка и общественного мнения большинства России», в защиту «нигилизма», «прямо и положительно против действий правительства, над которым г. фельетонист открыто издевается»⁵².

«Современное слово» высмеивает рассуждения славянофилов о том, что в эпоху реформ, когда перед народом открылся широкий путь, он должен беречь свои силы, не пить и т. п. В заметке «Пить или не пить?», опубликованной в 13 № «Современного слова» (1863), высказывается мысль, что пьянство народа — закономерно, что его судьба не улучшилась: «Народ ведь не читает наших разглагольствований о том, что вот де он призван к новой жизни, что ему даны гражданские права, что и т. д.» Автор заметки иронизировал над теми, кто считал, что положение народа изменилось, и, в сущности, показывал всю несостоятельность правительственных реформ: «говорить, что для него (народа — П. Р.) обстоятельства изменились, что весь его быт уже не тот < . > это ни что иное, как маниловщина, которая всем надоела и которую наконец становится противно и читать и слушать».

Заметка отвергала попытку решить вопрос улучшения жизни народа без изменения коренных основ существующего строя. Она говорила о бесполезности обществ трезвости, которые предлагал учредить автор «Дня». Последний заявлял, что в конце 50-х годов мысль о таких обществах с сочувствием была встречена всеми, и «один «Современник» беспощадно осмеял их». «Современное слово» выражает солидарность с точкой зрения «Современника», выступившего против либеральных полумер, которые не в силах изменить положение народа и могут лишь вызвать ложные надежды: «что касается до нас, то мы в этом случае готовы стать скорее на сторону «Современника», нежели на сторону автора заметки, предлагающего вновь учредить эти общества».

В ряде статей «Современного слова» сообщались известия, которые свидетельствовали, что крестьянская реформа не отвечает интересам народа. Редакция систематически напоминала о голоде, охватившем в начале 1863 г. многие губернии (№№ 6, 9, 10, 77 прибавление к 38 № и др.). В 93 № (1863) было помещено «Письмо о крестьянских делах». Автор его говорил, что

⁵² ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, 1863 № 151, л. 18 об.

ход крестьянского дела совсем не таков, каким его изображают, каким оно представлено в литературе. Он утверждал, что крестьяне не знают, к каким результатам приведет «эта, так называемая, воля»; они поговаривают о том, «что из этой воли ничего не будет, что как прежде работали на помещика, так будут работать и дальше». В письме рассказывалось о всеобщем недоверии к «воле», к помещикам, к мировым посредникам, которые должны «по обязанности» примирять интересы крестьян и землевладельцев, но, «принадлежа по своему происхождению к сословию помещиков, не могут не действовать в их пользу». Автор сообщал о ряде злоупотреблений, совершенных в интересах помещиков, о том, что на малейшее недовольство крестьян власти смотрят «не иначе, как на возмущение», используют для подавления таких возмущений войска и т. п. В письме слышались и либеральные ноты, говорилось о необходимости образования, о невозможности решить сразу такое большое дело, как изменение судьбы народа. Взгляды самого автора, очевидно, не выходили за рамки либеральной идеологии. Но объективно факты, изложенные в письме, звучали суровым осуждением всей системы решения крестьянского вопроса в послереформенный период. Тем более, что редакция «Современного слова» несколько изменила первоначальный текст письма, исключив строки о преданности народа царю, о готовности крестьян поступить согласно царской воле. Такое исправление существенно меняло смысл всего материала. Во время следствия оно было расценено как «преднамеренное извращение статей в смысле противуправительственном», как желание скрыть от читателей «истинные чувства беспредельной преданности к государю»⁵³.

Подобного же рода сведения сообщались и в статье «Мировые учреждения и ход крестьянского дела» (№ 63, 1863). В ней также осуждались действия мировых посредников, показывалась неудовлетворительность правительственного решения крестьянского вопроса. Рассказывая о трудностях размежевания, о столкновении интересов сторон, автор задавал вопрос: кто виноват, что крестьянское дело движется столь плохо: крестьяне, помещики или мировые посредники? Ответ он давал такой: «Крестьян, однако, по нашему мнению, во всяком случае, трудно обвинять в неуспехе, так как положение 19 февраля предоставляет право помещикам и мировым учреждениям обходиться без них в случае, если от последних не последует соглашения». В статье, в сущности, критиковались не только помещики и мировые посредники, тормозящие ход реформы, но и сам манифест 19 февраля, целиком передавший решение крестьянского дела в руки одной из заинтересованных сторон. Статья «Мировые учреждения . . .» также обратила на себя внимание во время след-

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, 1863. № 151, лл. 4, 5.

ствия и была охарактеризована как противоречащая официальным известиям о ходе крестьянского дела и стремящаяся вызвать к ним недоверие читателей.

Есть основание утверждать, что многие статьи по крестьянскому вопросу, предназначенные для «Современного слова», были не пропущены цензурой и так и не увидели света. В архиве петербургского цензурного комитета хранится экземпляр запрещенной статьи «Уставная грамота», в которой говорилось о том, как мировой посредник изувечил выборного от крестьян, не хотевшего согласиться с его требованиями. Краткое сообщение об этом случае было напечатано в № 3 «Дня» (1863). Редакция «Современного слова» решила опубликовать о нем подробный рассказ, записанный непосредственно со слов изувеченного крестьянина.

В том же деле хранится статья «Из с. Иваново», видимо, также представленная в цензуру редакцией «Современного слова». В ней приводится рассказ крестьянина о взятках, которые беззастенчиво берут мировые посредники; здесь же говорится, что новые следователи отличаются от старых станových лишь тем, что «больше берут и никого не боятся»⁵⁴.

Требую правдивого изображения жизни народа, редакция «Современного слова» выступала против всякой фальсификации, приукрашивания крестьянского быта. В 104—105 №№ (1862) была напечатана статья об академической художественной выставке. Автор ее осуждал тех художников, которые боятся показать «бедность и убогость крестьянской избы». Он отмечал, что «таким недостатком страдают почти все наши произведения из крестьянского быта, и страдают именно от того ложного понимания искусства, которое будто должно приукрашивать < .> природу. Такая система подрумянивания бросается в глаза во многих произведениях» (№ 105). Автор «Современного слова» требует, чтобы в искусстве «отразилась жизнь и ее правда», он осуждает теорию «чистого искусства», считает ее отжившей, теряющей с каждым днем своих защитников (№ 104).

Редакция «Современного слова» настойчиво подчеркивала, что правда жизни прямо противоположна той картине, которую рисовали апологеты реформ, систематически говорила об этой правде, связывая ее неразрывно с идеей отрицания отживших отношений. В газете было сказано немало суровых, жестких слов о России 1860 г. Так, в фельетоне 21 № (1862) рассказывалось о чудеке-англичанине, любителе острых ощущений, который считал: чем хуже, тем лучше. На вопрос: хорошо ли в России? — он отвечает, что в Турции лучше. «Как в Турции? Да там, говорят, страшная мерзость! — Ну, да — говорит — значит хорошо. *И в России хорошо, но в Турции лучше*» (подчеркнуто мною —

⁵⁴ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, 1862—1863, приложения к делу № 65.

П. Р.). Эти рассуждения приводятся в фельетоне, где критикуются различные мелкие недостатки, и относятся как будто к таким недостаткам. Но, конечно, на самом деле, они имеют гораздо более обобщающий смысл. Для фельетониста «Современного слова» вообще характерен подобный прием: высказав какую-либо важную «крамольную» мысль, он затем, стараясь обезопасить себя, делает вид, что речь идет о частностях.

К мысли, выраженной в фельетоне 21 №, редакция возвращается в статье «Протесты и заметки Выборгского жителя» (№ 66, 1862). Она написана в форме заметок благонамеренного обывателя, возмущенного фельетонистом «Современного слова», расказом о чудеке-англичанине. Выборгский житель утверждает, что ему «как нельзя более понятны и чувствительны предательский смысл и цель фельетона по виду самого благонамеренного». Он считает, что не следует возмущаться недостатками, что это «не патриотично». Полемизируя с фельетонистом, Выборгский житель говорит ему: «Вы требуете, напр., чтобы собаки у нас не кусались: но ведь на то они и собаки, чтобы кусаться <. .> Собакам суждено кусаться; запрещая им это <. .> вы восстаете против закона природы. Вы не знали, прогрессист, что право всегда остается на стороне закона». В этих словах скрыта и насмешка над всеоправдывающими реакционерами, и утверждение, что совершающиеся в России беззакония закономерны для существующей системы, а не случайны, что «собаки» должны «кусаться», что иначе быть не может, что закон — за то, чтобы они кусались. Конечно, речь шла не о реальных петербургских собаках; затрагивались самые коренные вопросы; фельетонист наносил удар в адрес тех, кто твердил, что в России все обстоит благополучно; но и те, кто считал, что достаточно небольших изменений и «собаки» перестанут «кусаться», не вызывали его сочувствия.

Ведя борьбу с наступающей реакцией, «Современное слово», естественно, уделяло много внимания полемике с реакционно-либеральными изданиями, объединившимися в один лагерь для борьбы с ненавистными «нигилистами». Газета Писаревского неоднократно критиковала и высмеивала Каткова, Павлова, Аскоченского, Скарятину, Мельникова, Краевского, Громеку, И. Аксакова и других публицистов антинигилистического лагеря (см., напр., №№ 17, 75, 76, 77, 81, 86, 98, 161 за 1862 г.) Особенно доставалось изданиям Каткова: выпады в их адрес встречались буквально почти в каждом номере. «Современное слово» резко осуждало и продажную реакционную газету Павлова «Наше время». Так, автор статьи «Вместо фельетона» (№ 15, 1862), направленной против выступлений «Нашего времени» о пожарах и «поджигателях» («Наше время», № 122, 1862), иронически замечал: «я всегда с особым удовольствием принимаюся за газету «Наше время» <. .> Что за умный, что за прекрас-

ный человек должен быть ее редактор! А какой он должен быть благонамеренный». Подчеркнутое подражание гоголевской характеристике Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича еще более усугубляло иронию «похвал» Павлову.

В ответ в 127 № «Нашего времени» была напечатана статья, которая обвиняла газету Писаревского в неблагонамеренности и оппозиционности правительству. В 17 № редакция «Современного слова» дает отпор этим обвинениям, подчеркивая доносительный характер их, резко осуждая Павлова и других реакционных публицистов, которые во время пожаров «подливали масла в огонь». Любопытно, что, возражая на обвинения в оппозиционности, редакция «Современного слова» вовсе не пытается доказать, что ее взгляды не оппозиционны. Она лишь подчеркивает, что в царской России «не может быть» оппозиционной печати, что «оппозиционная пресса есть достояние государств, уже выработавших себе учреждения, которых мы не имеем».

В фельетоне 77 № (1862) дается обобщенная характеристика журналистики реакционно-либерально-славянофильского лагеря. Здесь как бы подчеркивается, что, при всех видимых различиях, сущность этих изданий одна и та же, что все они служат интересам реакции. Фельетонист насмешливо замечает, что взглядам «нигилистов» «благодаря Богу, еще противодействуют у нас такие благомыслящие издания как «Русский вестник» с «Современной летописью», «Наше время», «Северная пчела», а главное «Домашняя беседа». Поневоле вспомнишь и наших славянофилов». Он указывает, что на такие издания «вполне могут положиться все приверженцы тишины и спокойствия, status quo», так как их сотрудники считают даже, что общество «ушло слишком далеко по пути прогресса, что не мешает даже несколько попытаться назад». Реакционно-либеральная журналистика высмеивается и в сатирической диспозиции боя с «нигилистами», опубликованной в 23 № «Современного слова» (1863). В ней отнесены к числу сражающихся за водворение «всеобщей благонамеренности и вящего смирения нигилистов и вольтерьянцев» не только реакционные издания и их сотрудники («Русский листок» Скарятин, журналы и газеты Каткова, Павлова, Аскоченского) но и журналистика либерального, а также славянофильско-почвеннического лагеря («С-Петербургские ведомости», «Голос», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Время» издания Аксакова). Сотрудник газеты Писаревского весьма отчетливо противопоставляет свою газету всем этим противникам «нигилизма». Его диспозиция перекликается с стихотворением «В двенадцать часов по ночам», напечатанным в «Искре» (1862, № 44).

Редакция «Современного слова» настойчиво подчеркивала, что либеральные издания ничем в сущности не отличаются от реакционных, едко высмеивала и те, и другие. Так, автор фелье-

тона 98 № (1862) критикуя московскую реакционную журналистику, в то же время замечал: «мне страшно противны и петербургские литераторы «постепеновцы». Какая-то сушь, мертвенность, формализм, статьи их, точно аптечные рецепты». В фельетоне 126 № (1862) автор утверждал с иронией, что «Отечественные записки» «как нельзя лучше подходят к настроению моей души», что хроникер этого журнала, Громека, «для каждой возмущенной души дает успокоительный дар, и юноша и старец равно могут найти уладу в его примирительных статьях». Сообщая об издании Краевским в 1863 г. газеты «Голос», фельетонист уже в подзаголовке фельетона 109 № (1862) задавал насмешливый вопрос: «Чьим голосом запоет г. Краевский?», намекая на продажность новой газеты, на правительственные субсидии. Отвечая на этот вопрос, фельетонист, со ссылкой на «Гудок», сообщал, что с будущего года Краевский запоет «не своим голосом»: «вдохновение, значит, будет, из Пактола или из другого источника потечет оно — все равно»⁵⁵.

В 80 № (1863), упомянув об откликах на события в Польше, помещенных в реакционных изданиях, о «Московских ведомостях», о «Русском листке» Скарятина («листок, как его: дворянский, помещицкий, полицейский ну, не помню, да все равно, как-то похоже на это, кажется, полицейский»), фельетонист говорит о газете, названной «Современником» «Куриным эхом» (имеется в виду «Голос» Краевского), целиком солидаризуясь с оценкой, данной Щедриным. По мнению фельетониста, прочитав «Полицейский листок» и «Московские ведомости», «Куриное эхо» «читать уж незачем, так как газета эта повторяет то же, что говорят первые две <. .> но только с большею скромностью и нерешительностью, свойственными молодым летам». Осуждается «Голос» и во «Внутреннем обозрении» 15 № (1863). Здесь также подчеркивается, что позиции Краевского и Каткова почти не отличаются друг от друга, что издатель «Голоса» недвусмысленно зачислил себя в лагерь «благополучников» и врагов «нигилистов». Под точно найденным ироническим термином «благополучники» автор «Современного слова» метко объединяет всех панегиристов современности, «великих реформ», врагов революционного отрицания, считающих, что «все обстоит благополучно и что затем публика должна сидеть смирно и спокойно».

Против «благополучников» направлена и резкая критика некоего публициста Никольского, опубликовавшего в газете «L'Еигоре» письмо о могуществе и величии России. По ироническому замечанию автора «Современного слова», Никольский и его соратники (Жеребцов, Соллогуб и др.) «служат утешительным опровержением обвинения в недостатке патриотизма, взво-

⁵⁵ Пактол — река в древней Лидии, по преданиям изобиловавшая золотом, послужившая источником богатств Креза.

димого иногда на русских по вине тех немногих русских публицистов, которые, проживая за границей, поставили себе задачей одно обличение наших недостатков» (№ 32, 1863). В «Современном слове» выражается «радость», что последние пишут только по-русски и их «вредные» мысли не произведут впечатления на иностранных читателей, тогда как Никольский и ему подобные сочиняют исключительно по-французски. «Похвалы» Никольскому даются почти серьезно, автор «Современного слова» приводит даже дополнительные доводы его правоты. Но за этими «похвалами» скрывается ирония, непримиримое осуждение изъясняющегося по-французски барина-«патриота», даже по языку чуждого своей родине. Слова же о проживающих за границей русских публицистах, которые пишут только по-русски и обличают недостатки России, являлись довольно прозрачным намеком на издания Вольной русской типографии, Герцена, на то, что они несравненно патриотичнее панегириков всех Никольских.

Выступило «Современное слово» и против славянофилов, показывая, что объективно их точка зрения не отличается от взглядов реакционеров. Признавая субъективную честность славянофилов, говоря, что редакция славянофильского «Дня» «ошибается добросовестно и добросовестно старается увлечь других на эту ложную дорогу», сотрудники «Современного слова» показывали ошибочность такого пути «исключительности», заросшего «вековыми терниями москвитянской инерции» (№ 86, 1862).

Но особенно резкая критика всей журналистики лагеря постепенцев-охранителей, и открыто реакционной, и либеральной, дается в большой статье «Кто виноват?», напечатанной в 99—102 №№ за 1862 г. Автор ее прибег к следующему приему: он напоминал о былых либеральных выступлениях публицистов реакционного лагеря, столь рьяно нападавших в 1860-х гг. на «нигилизм», и объявил, что они — подлинные «отцы нигилизма», что в их прежних статьях содержится зародыш позднейших «нигилистических» учений. Фельетонист «Современного слова» (а именно он — автор статьи) вспоминал, что в 1850 гг. «обличительные» тенденции весьма отчетливо ощущались в «Русском вестнике» Каткова, в произведениях Павлова, Мельникова-Печерского. Выступая под маской благонамеренного обывателя, фельетонист «осуждает» эти старые произведения за их «разрушительные» тенденции, но ясно видно, что такие произведения ему гораздо ближе, чем последующая антинигилистическая деятельность их авторов. Так, вспоминая о повестях Павлова, о «Ятагане», фельетонист утверждает, что автор «действительно поражал ятаганом установившийся строй русской жизни», что его объяснение сущности взяток выводило «данное явление из всей совокупности явлений общественной жизни» (№ 100).

Так же положительно оцениваются и повести Мельникова-Печерского, которые, по мнению фельетониста, будили «у юного и чистого душою читателя < . > судорожное желание скорее освободить общество от обуявшего его долговременного растления» (№ 99). Неприкрыто сочувственные ноты слышатся там, где речь идет о более или менее значительных писателях, прошлая деятельность которых имела прогрессивный смысл, но о прошедшем «нигилизме» Каткова, о его былом либерализме в статье говорится без всякого сочувствия, в явно иронических тонах.

Основной смысл выступления «Современного слова» заключался не в воспоминаниях о прошлом, а в обличении позиции Каткова, Павлова, Мельникова именно в 1860 гг. Поэтому, хотя при описании их прошлого звучат иногда сочувственные ноты, но в целом описание выдержано в иронических тонах. Так, Павлов осуждается за то, что в его произведениях «протекает целый Ниагарский водопад радикализма, стремящегося все разрушить» (№ 100) Катков — за то, что из его журнала впервые «подул ветер нигилизма» (№ 102) Конечно, обвинение реакционеров в том, что они были родоначальниками «нигилистов», отнюдь не соответствовало действительности. Это понимала прекрасно редакция «Современного слова». Ясно, что она на самом деле не считала Каткова учеником Белинского и учителем Базарова. Смысл обвинений реакционных писателей в былом «нигилизме» совсем иной: редакция стремилась нанести удар по их новым, реакционным взглядам. Обращение к прошлому оказалось нужным, чтобы резче осудить настоящее, показать беспринципность, ренегатство публицистов антидемократического лагеря, эволюцию либералов к реакции. Либерализм 1850-х гг., как и всякий либерализм, вовсе не вызывал сочувствия у фельетониста «Современного слова». В статье «Кто виноват?» с иронией говорилось о либеральных обличениях, о пробуждении общества после Крымской войны: «Оно не обратилось к корню зла, но с лихорадочным увлечением бросилось искать причин нашего несчастья в ближайших явлениях. Оно смешало последствия с причинами < . > более всего кричало противу злоупотреблений, так хорошо знакомых русскому обществу < . > Обличениям не было конца» (№ 99). Критика «обличительства» 1850-х гг. велась здесь с демократических позиций: оно осуждается за то, что не затрагивает коренных вопросов, направлено против следствий, а не причин. Фельетонист выступал и против современных либералов. Он уделял много внимания разоблачению их позиции, относя их к общему «антинигилистическому» лагерю. В статье подробно рассказывалось о деятельности хроникера «Отечественных записок» Громеки, без всякого снисхождения говорилось о его прошлом и настоящем. Характеристика этого сотрудника либерального издания ничуть не менее рез-

кая, чем оценка крайних реакционеров. Она вполне может быть приложена и к другим либералам. Фельетонист утверждал, что все выступления Громеки — «это ловкое разыгрывание мотивов в четыре руки. При начале его деятельности мотивы эти комбинируются следующим образом. Главный мотив всегда был оппозиционного характера <. > но в то же время вы слышите другие, консервативно-успокоительные звуки, усладительно умеряющие тон сильнейших ударов. Теперь г Громека переменяет порядок. На первом плане вы слышите у него решительный твердый консервативный тон, подслащенный редкими аккордами самого дешевого либерализма» (№ 99).

Лагерю врагов «нигилизма» «Современное слово» противопоставляло подлинных учителей молодого поколения, на которых столь рьяно нападали реакционеры. Правда, об этих учителях подробно не говорилось, статья была посвящена главным образом разоблачению реакционно-либеральной журналистики. Но и мимолетные замечания весьма ясно свидетельствовали об истинных симпатиях фельетониста. Так, он защищал от нападок имя Белинского, называл его «замечательным писателем», на идеях которого воспитан сам автор и лучшие люди его поколения. С глубоким уважением упоминалось о демократических деятелях 1860-х гг., о «новых борцах», «опиравшихся не на английскую, а на нашу собственную почву» (№ 102) С негодованием писалось о том, что реакционные журналисты обвиняют в распространении «зловредных идей» «исключительно известных деятелей», утверждают, что журналистике «будто бы сделано было слишком много неуместных послаблений» (№ 99) В атмосфере 1862 г., после ареста Чернышевского, приостановки «Современника», «Русского слова», выступление «Современного слова» было прямо направлено в их защиту Правда, между Белинским и новыми борцами фельетонист ставил «нигилизм» «Русского вестника». Получалась как бы следующая цепь развития: Белинский — Катков, Павлов, Мельников — «нигилисты» 1860 гг Но, конечно, о среднем звене этой цепи всерьез не говорилось. О «нигилизме» «Русского вестника» упоминалось лишь для того, чтобы дать отпор его современным реакционным взглядам, нападкам и на Белинского и на «новых деятелей». Но подобный прием, употребленный в чисто полемических целях, таил в себе известную опасность: читатели могли подумать, будто «Современное слово» на самом деле считает, что Катков и ему подобные в 1850 гг. были «нигилистами», что они — родоначальники того направления, против которого потом столь рьяно выступали. Получалось некоторое смещение понятий, становилось неясно, что говорит фельетонист всерьез и над чем он иронизирует. Эта неясность усугублялась тем, что фельетонист выступал под маской благонамеренного обывателя, «осуждал» «нигилизм». За всем этим трудно было разо-

браться в подлинном отношении редакции к новым людям и новым идеям, что сказалось в отзывах на статью. В первую очередь, ее осуждали реакционно-либеральные журналисты, непосредственно задетые в ней (см., напр., «Современную хронику» 144 тома «Отечественных записок» за 1862 г.). Но в то же время к статье отнеслись неодобрительно и сотрудники демократических изданий (см. «Ответ имеющей родиться 1-го января 1863 г. газеты «Очерки» г-ну Громеке из чрева матери», Искра, 1862, № 42). Упреки «Очерков» были совершенно справедливы, но в какой-то степени прав и фельетонист. Возражая «батюшке» «Очерков», говоря о своем уважении к нему, он сознается, что не все правильно поняли его статью (фельетон 126 №, 1862). В то же время он пытается еще более разъяснить ее смысл, показать, что речь идет вовсе не о насмешках над «нигилистами». Фельетонист намекает, что особенности статьи «Кто виноват» определяются невозможностью «голой постановки вопросов», что иногда достаточно, если мыслящий читатель «в состоянии сам сделать вывод, служивший для писателя целью» (фельетон 144 №, 1862). Автор «Современного слова» подчеркивает, что реакционным журналистам становится невозможным возражать в самой сущности их положений, что «некоторые писатели» рассчитывают «заранее на ту сдержанность, которую они предполагают встретить у своих противников», что в жизни бывают «такие щекотливые вопросы, для постановки которых нет никакой возможности прибегнуть к общеупотребительным приемам» Видно, что редакцию «Современного слова» больно задело упреки, доносящиеся из демократического лагеря. Она не пускается в полемику, сохраняет глубокое уважение к тем, кто высказывал такие упреки. Но, говоря, что статью неверно поняли, фельетонист считает, что для нанесения удара по реакционерам все средства хороши, что насмешки над «нигилизмом» «Русского вестника» вовсе не подорвут уважения к подлинному революционному отрицанию: «Дать ли восторжествовать несправедливому делу или принести в жертву такие предметы, употребление которых с этою целью ни в каком случае не изменит их чистоты?»

Любопытно, что Щедрин в «Благонамеренных речах», высмеивая «Русский вестник», прибег к приему, напоминающему «Современное слово». Генерал Утробин, пишущий сочинение о «нигилизме», объявляет родоначальником его катковское издание: «Тайные же предтечи оного (т. е. «нигилизма» — П. Р.) уже с 1856 года изливали свой яд в той же Москве, в редакции некоторого повременного издания, впоследствии принесшего в том раскаяние» (Н. Щедрин, Полн. собр. соч., М., 1934, т. 11, стр. 207).

Большое значение для выяснения направления «Современного слова» имеет анализ его высказываний о событиях зару-

бежной жизни. Говоря о различных странах, редакция делала выводы, непосредственно относящиеся к России, к борьбе 1860 г. Товарищ министра внутренних дел обращал внимание министра просвещения на то, что в «Иностранных известиях» и в «Политическом обозрении» «Современного слова» «постоянно проявляется настроение оппозиционное; восстание противу установленного порядка, уклонения от него и даже от европейского равновесия находят в этом отделе апологистов и поборников; все, что не благоприятствует началу монархическому, излагается подробно»⁵⁶.

Характерно обращение редакции к теме французской революции 1789 г. Конечно, подробно разрабатывать эту тему не было возможности. Но, мельком касаясь ее, редакция высказала довольно отчетливо свое сочувствие к революционным событиям. Так, в одном из фельетонов развитие французского общества связывается с революционными событиями: фельетонист доказывает своему приятелю, с которым ведет спор, что частные улучшения могут быть лишь результатом больших, коренных изменений, что, желая первых, нужно бороться за последние: «Во Франции начали курить на улицах в первых годах последнего десятилетия прошедшего века. Придет время, дозволят и нам курить» (№ 7 1862). В словах фельетониста скрыта и насмешка над мелкими улучшениями, и мысль о том, что лишь коренные изменения могут преобразовать общество, и намек на связь таких изменений во Франции с революцией 1789 г., и надежда, что Россия пойдет по тому же пути. Подобные же намеки содержатся и в фельетоне о креслах на Невском (№ 72, 1862). Здесь речь шла отнюдь не о восхвалении европейской жизни, которая противопоставлялась русской действительности. Редакция «Современного слова» не идеализировала буржуазных порядков. Из номера в номер печатаются материалы об иллюзорности парламентских «свобод» во Франции, показывается, что всеобщее избирательное право не мешает там правительству Наполеона III прочно удерживать власть в своих руках, не считаясь с интересами народа. В «Политическом обозрении» 88 № (1862), рассказывая о выборах в законодательные органы Франции, обозреватель замечал: «Сведения эти бросают яркий свет на тот механизм, посредством которого всеобщая подача голосов во второй империи превращается всегда в громадный бонапартистский митинг. Конечно, здесь объяснен только один из приемов этого механизма. Они многообразны, но все сходятся в том, что не соответствуют ни точной законности, ни строгой нравственности». Аналогичные выводы делаются и в «Политическом обозрении» 119 №.

В газете говорится о противоречиях буржуазной Англии,

⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. 773, оп. 1, 1862, № 300, л. 5 об., 6.

о бедствиях английских рабочих, о выступлении Кобдена в их защиту (№ 50, 1862) В 69 № того же года, в обзоре «Что делается на свете?», осуждались действия английских филантропов; автор указывал, что благотворительность и подобные ей паллиативные меры ничего в сущности не меняют; он критиковал английских «реформаторов» которые «боятся прямо взглянуть в лицо нищете, тронуть самый корень, пересоздать все здание». В статье рассказывалось о бедственном положении английского пролетариата, о резкости социальных контрастов в Англии. Приведенный материал имел непосредственное отношение и к России. Говоря о бесполезности мелких улучшений, осуждая английских «реформаторов», автор тем самым критиковал «реформаторов» русских, показывал несостоятельность всей политики реформ. Не следует забывать, что один из руководителей реакционного лагеря, Катков, столь недавно выступал горячим пропагандистом английского общественного устройства. Итак, материалы об Англии были ориентированы и на Россию. В то же время в них выразился трезвый взгляд редакции «Современного слова» на буржуазные порядки, отсутствие всякой идеализации их.

О тяжелом положении английских бедняков, о детской смертности в фабричных городах Англии рассказывалось и в 76 № (1862). Тема социальных противоречий буржуазного общества затрагивалась и в фельетоне 80 № (1863): автор его, вспоминая об Англии, видит «сырые, темные подвалы, в которые проваливаются на ночь эти массы < . > и жаль мне этих несчастных, и закипает во мне желчь противу высоких и строгих джентельменов, командующих за медными дощечками, и хочется мне уколоть глаза этим джентельменам людьми, проваливающимися на ночь в их темные, сырые и душные подвалы». Как раз в этих простых людях, в трудящихся массах редакция «Современного слова» видит надежду на обновление общества. Она относится к ним с огромным сочувствием. Так, в фельетоне 80 № говорится об английских рабочих, пославших приветственный адрес Линкольну за освобождение невольников, хотя это освобождение, лишив текстильную промышленность сырья, может оставить их без работы, без куска хлеба. В 11 № газеты Писаревского (1863) с сочувствием рассказывается о том, что рабочие Ланкашира заявили, что «не будут скорбеть о бедствиях, которые им причинило возмущение южных штатов, так как это возмущение послужило причиной освобождения многих миллионов их несчастных братьев, американских невольников». В газете противопоставлялось благородное поведение английских рабочих сдержанной, своекорыстной реакции на события в Америке правящих кругов английского общества (1863, «Политическое обозрение» 7 номера. письмо Бичер Стоу в 9 номере и др.). Сообщение материала о

низших слоях, о пролетариате не было случайным. Редакция специально ориентировала на него своих сотрудников. Так, Писаревский в письме Курочкину обращал его внимание на положение низших слоев, на их участие в общественной жизни Европы⁵⁷

Таким образом, редакцию «Современного слова» нельзя упрекнуть в идеализации буржуазного Запада. Когда в газете сравнивалась Россия и Европа, речь шла совсем о другом: о противопоставлении конституционного устройства общества, народного представительства, выборных законодательных органов самодержавному абсолютизму. При этом завоевание общественных свобод связывалось с событиями французской революции. Весьма сочувственное отношение к ней, к ее деятелям не раз проглядывает в газете Писаревского. Так, в статье «По известному делу немцев» (№ 25, 1862) мимоходом высмеиваются выпады «Северной пчелы» против Марата: «Статьи, в которых говорится, что Марат отрубил тысячи голов парижской гильотиной, очевидно писаны не иначе как для колбасников .» В заметке «Парламентские архивы» (116 №, 1862) с восхищением упоминается о красноречии периода французской революции (с 1789 — по 1800 г.), приводятся отрывки из речей Дантона и Верньо, исполненные революционного пафоса, прославляющие свободу, народное правление, и делается вывод: «Такие речи составляют бессмертную страницу в летописях народа». Чтобы яснее подчеркнуть свою мысль, автор противопоставляет таким речам красноречие более позднего периода (с 1800 г.). По его мнению, когда «народное представительство теряет всякое значение», — красноречие гибнет, сменяется холодными и напыщенными речами, сочиненными «по заказу в похвалу своего повелителя»: «среди такой похвалы нет места для истинного красноречия и оно совершенно умолкает». Власти обратили внимание на заметку «Современного слова», отметив, что редакция хвалит речи, «исполненные революционного пафоса», и считает, что «истинное красноречие может быть только в отрицании»⁵⁸. Да и вообще, по мнению товарища министра внутренних дел в «Современном слове» неоднократно встречаются «апотеозы французской революции, как величайшего благодеяния для всего человечества»⁵⁹. Редакция пользуется любой возможностью, чтобы показать неестественность абсолютизма, монархического образа правления, подчеркнуть закономерность революционного отрицания этих начал.

В газете постоянно публикуются материалы, рисующие в резко критических тонах правителей Франции, Пруссии, Авст-

⁵⁷ ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, № 155, л. 18 об.

⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. 773, оп. 1, 1862, № 327, л. 5.

⁵⁹ Там же, № 300, л. 5.

рии (напр., 1862, № 6, 22, 72, 74, 78, 84, 88, 94, 96, 107, 127, 162 и др.). Особенно отрицательно редакция относится к Наполеону III и Бисмарку. Так, например, в 22 № напечатана статья «Дух и применение прусской конституции», обратившая на себя неблагосклонное внимание министра внутренних дел: в ней осуждается усиление власти прусского короля и правительства, пренебрежение к правам народа и к избранным им депутатам⁶⁰. В 114 № опубликована статья «Г Бисмарк-Шенгаузен, первый прусский министр», автор которой, по мнению товарища министра внутренних дел, стремится представить Бисмарка, «этого поборника монархических начал, в самом невыгодном свете», в частности за то, что он «не отдает должной справедливости французской революции и ее принципам полной свободы и полного равенства»⁶¹. Следует отметить, что, освещая события в Пруссии, редакция «Современного слова», в отличие от «Современника», не сумела в полной мере разобрататься в ограниченности прусской парламентской оппозиции и несколько идеализировала ее. Но реакционную сущность прусского правительства газета раскрывала весьма верно. В высказываниях редакции о Бисмарке, о системе правления Пруссии сказывалось ее отношение к неограниченному абсолютизму вообще. Да и ограниченность прусских либералов редакция «Современного слова» в какой-то степени улавливала, высказывая убеждение, что в прусском парламенте нет «революционной партии», никто не думает о ниспровержении правительства, о побуждении его к уступкам каким-либо нелегальным путем, что прежнее правительство, которое считалось либеральным, отличалось от нынешнего «только названием либерального», что Финке — «предводитель мнимо-либеральной партии, которая, провозглашая себя партией умеренного прогресса, по настоящему должна была бы называться партией «умерения» даже самого медленного прогресса» (№ 78, 1862)

Отношение к неограниченному произволу, к самодержавному принципу определяло и доводы, выраженные в «Политическом обозрении» 16 № (1863) Говоря о событиях в Турции, автор подчеркивал, что неограниченная власть султана ведет к произволу, что министры не несут ответственности перед народом, а превращаются просто «в орудия главы государства и все выгодные и невыгодные стороны принимаемых правительством мер должны быть относимы к одному султану». В обозрении довольно ясно намекалось, что такой порядок неестественен. Во время следствия на это высказывание также было обращено внимание.

В прибавлении к 66 № (1863 г.), в заметке «Вопрос о на-

⁶⁰ ЦГИАЛ, ф. 773, оп. 1, 1862, № 62.

⁶¹ Там же, № 300, л. 4.

следстве Брунsvик-Люнебургского герцогства», прямо говорилось, что «к несчастью, есть народы, которые не смогут и не сумеют обойтись без монарха, без какого бы то ни было государя». Эти слова, вычеркнутые цензором и напечатанные в окончательном тексте, послужили одним из поводов следствия и запрещения «Современного слова».

Важное значение имела и постановка редакцией «Современного слова» вопроса о смертных казнях за «политические преступления». Сообщая о покушении в Польше на великого князя Константина (№ 20, 1862), о смертных казнях, к которым прибегло царское правительство (№ 67 1862) редакция в «Политическом обозрении», в иностранных известиях высказывала мысли, ведущие к осуждению действий русского царизма. Так, в «Политическом обозрении» 24 №, вышедшем вскоре после покушения на Константина, довольно подробно доказывалось, что политические казни — явление противоестественное и незаконное. Это выступление обратило на себя внимание Валуева, который усмотрел в нем одно из проявлений неблагонадежности газеты Писаревского. В 46 № (1863) редакция с удовольствием сообщала, что в Бельгии крепнет движение против смертных казней.

Широко отражаются на страницах «Современного слова» и события в Америке, борьба Севера против Юга. Все симпатии газеты на стороне противников рабства: их поражение приведет к тому, что «все образованное и стремящееся к свободе население будет подавлено на десятки лет» (№ 45, 1862). Такое отношение еще не свидетельствовало о демократическом направлении издания; аналогичные оценки встречались в то время в либеральной и даже реакционной периодике: восхваляя «освобождение» рабов в России, можно было хвалить и американских освободителей. Важнее другое: редакция «Современного слова» ратовала за наиболее радикальный путь освобождения, критиковала американское правительство за половинчатость его действий. Так, в 40 № (1862), сообщая о проекте освобождения негров, автор «Политического обозрения» считает, что проект будет неудовлетворительным, так как северяне боятся прибегнуть к решительным мерам. Такой «великой мерой», которая «одна может окончить распрю в пользу севера и которая представляется особенно необходимою теперь», явился бы, по мнению обозревателя, закон о всеобщем, внезапном освобождении негров, «с призывом их к восстанию и вступлению в федеральное войско».

Подобные же мысли развиваются и в 45 № (1862). Редакция перепечатывает из «Кельнской газеты» заметку о событиях в Америке. Автор ее объясняет неудачи армии Севера нерешительностью действий по отмене невольничества: «Только безусловное освобождение невольников и их непосредственное уча-

стие в деле может положить войне этой конец; т. е., выражаясь яснее < . > необходимо произвести общее восстание невольников». Здесь же отвергалось требование о вознаграждении рабовладельцев, о выкупе рабов. Такого рода выводы соответствовали взглядам редакции на события в Америке. Но их можно было осмыслить и в более общем плане, непосредственно относящемся и к русской действительности: решить всякий вопрос о рабстве можно лишь путем коренного изменения положения рабов, принятием радикальных мер, борьбой самих рабов за свое освобождение.

Газета продолжает освещать события в Америке и в 1863 г. Радостно приветствует она действия Линкольна. Указ об освобождении негров автор «Политического обозрения» оценивает как самое важное событие в истории Америки. «Честь и слава Линкольтну за эту решительную инициативу!» — восторженно восклицает он (№ 4, 1863). В «Политическом обозрении» следующего номера рассказывается о Джоне Брауне, выражается горячее сочувствие его действиям. Борец за свободу негров сравнивается с Гарибальди, называется человеком «чистых намерений и геройского характера». В обозрении идет речь не просто об освобождении невольников, а именно о восстании рабов, о вооруженной борьбе их за свою свободу. Автор говорит, что восстание — «дело ужасное», но он оправдывает его. Напоминая о терроре рабовладельцев, о беззакониях, совершаемых ими, обозреватель задает вопрос: «Не велит ли само человеколюбие предпринять его?» (восстание — П. Р.). И он отвечает на этот вопрос утвердительно: «Пусть свершается дело справедливости и политической потребности».

Газета с горячей симпатией следила за освободительной борьбой итальянского народа. Руководитель итальянского освободительного движения, революционер, демократ Гарибальди — один из любимых героев «Современного слова». О нем говорилось буквально с первых номеров газеты Писаревского. Так, в «Политическом обозрении» 11 № (1862) утверждалось, что Гарибальди — «знаменитый патриот», который всегда «готов жертвовать своей популярностью для дела Италии». В 23 № (1862) Гарибальди характеризовался как «великий поборник» единства Италии. В 41 № (1862) с сочувствием говорилось об одном его выступлении, направленном против Наполеона III. Характерно, что редакция противопоставляла решительность, революционную смелость Гарибальди трусости «серьезных и благо разумных людей < . > Эти люди, склонные к политике «засыпания на лаврах», легко удовлетворяются тем, что уже сделано для Италии (мы говорим о «благо разумных» либералах) и готовы признать Гарибальди настоящим врагом ее < . > Но людям, которых не так легко удовлетворяют полумеры, которые < . > знают как иногда шестимесячная отсрочка какого-

нибудь окончательного шага приводит к отстранению его на десять лет, — этим людям не трудно извинить, неосторожное подчас, нетерпение Гарибальди». В оценке Гарибальди «Современным словом» сказались не только горячая симпатия к деятельности героя итальянского национально-освободительного движения, не только суровое осуждение итальянских либералов. Высказывания об Италии имели непосредственную ориентацию и на Россию, выражали отношение редакции к сторонникам решительных, революционных действий и к их противникам, благоразумным «постепеновцам». Они напоминали статьи Добродюбова об Италии, печатавшиеся на страницах «Современника». Правда, высказав свое мнение о Гарибальди и либералах, осуждающих его поступки, автор «Современного слова» замечал, что его слова о необходимости решительных действий, как залог успеха восстания, относятся только к Италии: «Слов наших не следует относить ни к кому, кроме итальянского народа и Гарибальди». Но эта оговорка, вероятно, была сделана из цензурных соображений. В то же время она обращала внимание читателей на то, что из рассуждений о Гарибальди и либералах могут быть сделаны более общие выводы, относящиеся не только к Италии.

На всем протяжении 1862 г редакция продолжает с сочувствием следить за деятельностью Гарибальди. В 45, 57, 64, 68, 77, 95 и др. номерах рассказывается о подготовке осенью 1862 г экспедиции Гарибальди, о демонстрациях в его честь, с грустью сообщается о неудаче экспедиции, о ранении и аресте Гарибальди, о намерении итальянского правительства судить человека, «который все приносил в жертву отечеству» (№ 68, 1862). С радостью сообщает «Современное слово» об амнистии Гарибальди, подчеркивая, что итальянское правительство вело себя подло и трусливо, но единодушное требование итальянского народа и общественного мнения Европы заставило объявить амнистию.

Газета критикует и благонамеренных русских обывателей, видящих в Гарибальди «разбойника» (№ 50, 1862), и реакционные газеты, нападающие на итальянского революционера, называющие его «блузником-демагогом» (№ 70, 1862), и, в сущности, официальную точку зрения на Гарибальди: так, говоря о введении «единомыслия» в печати по вопросу внешней политики, фельетонист замечает, что тогда будет твердо установлено, что австрийские министры — прогрессисты, а Гарибальди — блузник и демагог (№ 103, 1862). К имени Гарибальди «Современное слово» обращается и в 1863 г. В это время герой итальянского освободительного движения выражает горячее сочувствие восстанию в Польше. Появились сообщения, что Гарибальди должен прибыть в Польшу и принять непосредственное участие в борьбе за освобождение польского народа. Об этих слухах

сообщало, между прочим, и «Современное слово» (№ 23, 1863). Положительная оценка Гарибальди в такой обстановке стала делом далеко не безопасным. И тем не менее «Современное слово» дает отпор попыткам реакционных газет опорочить имя Гарибальди. Когда в 17 № «Нашего времени» появилась развязная статья о русской девушке, пославшей свой портрет Гарибальди, «Современное слово» помещает заметку «Безобразный поступок Н. Ф. Павлова». Статья «Нашего времени» характеризуется здесь как «наглая», его издатель, Павлов, назван представителем «отродья грибоедовских Фамусовых», решившимся «бросить грязью цинических намеков в эту девушку» (№ 25, 1863). Во время следствия о «Современном слове» статья о Павлове расценивалась как «неприличная и оскорбительная».⁶²

• Редакция «Современного слова» с огромной симпатией относилась и к национально-освободительной борьбе славянских народов. Не раз в газете затрагивался вопрос о недовольстве чехов австрийским игом, с симпатией упоминалось о деятельности Палацкого, о либеральной газете «Народни листы» (№№ 8, 24, приложение к 66 за 1863 г. и др.). Правда, редакция не смогла в должной мере разобраться в либеральной ограниченности деятелей чешского национально-освободительного движения. Но сочувствовала она не их либерализму, а борьбе за национальную независимость, за свободу. «Современное слово» не верило в возможность примирения чехов с их поработителями. Оно рассматривало уступки австрийского правительства как мелкие и никчемные, как попытку задобрить чехов и оттянуть решение вопроса (приложение к 66 №, 1863). С одобрением рассказывалось в газете о решительных действиях жителей Праги, о столкновении их с полицией, «Современное слово» прямо оправдывало народные беспорядки, полемизировало с чешской газетой «Народни листы», которая призывала соблюдать законность, не сопротивляться полиции, а запоминать номера полицейских, совершивших произвольные действия, и жаловаться на них. «Но разве газета забыла, — спрашивал автор «Современного слова», — всем известные происшествия, где очевидное насилие полиции над целой толпой мирных граждан не только не было наказано, а еще поощрено и награждено; а после этого не остается ничего более делать, как то, что сделали пражане» (приложение к 66 №, 1863). Вспомним, что рассказ о событиях в Праге, измененный цензором, а затем напечатанный в первоначальном виде, послужил одним из поводов для начала следствия о «Современном слове».

Об отношении австрийского правительства к поработенным народам говорится и в № 85 (1862): как только внешнее положение Австрии ухудшается, правительство изъявляет готов-

⁶² ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, 1863, № 151, л. 14.

ность на всякие уступки, как только положение становится лучше, берет свои обещания обратно. Разбирая в «Политическом обозрении» 86 № (1862) отношение австрийского правительства к венграм, газета замечает, что все его действия, «лишенные законного основания, но основанные на материальной силе», вели к тому, чтобы «дать как можно менее» венгерскому народу. В «Политическом обозрении» 107 № (1862), говоря о венгерском судеустройстве, обозреватель указывает, что преобразование сего необходимо, но начинать нужно не с него: «Прежде чем думать о частной реформе, не следует ли венграм стремиться к законному восстановлению полной их автономии и полной власти <. .> сейма?»

Обозреватель говорит о двух путях исторического развития: сторонники одного из них считают, что нужно идти от частного к целому, от мелких реформ к более крупным, и называют свою дорогу «путем *постепенности*»; другие придерживаются иных взглядов, считая, что «начать от перестройки какой-нибудь будки для перестройки общественного порядка <. .> едва ли сообразно с выставляемой целью». Рассуждение о двух путях свидетельствует о недовольстве автора полумерами австрийского правительства, мнимо конституционным устройством Венгрии. Когда речь идет о коренных изменениях, здесь имеется в виду подлинная национальная независимость, свобода от иноземного ига. Но теория 2-х путей имела и более общий смысл, непосредственно относящийся к русским либералам и революционным демократам. Когда реформа венгерского судеустройства сравнивалась с перестройкой «какой-нибудь будки», у русского читателя неминуемо должно было возникнуть сопоставление с русскими реформами, тем более, что вопрос о новом судеустройстве решался как раз в то время и в России. А венгерские сторонники «постепенности» ничем не отличались от своих русских собратий, столь регулярно высмеиваемых на страницах «Современного слова». Правда, в обзоре подчеркивалось, что сторонники коренных изменений вовсе не жаждут революции, что они «искренние постепеновцы» в отличие от «ложных постепеновцев». Но дела такая оговорка, в сущности, не меняла. Основной удар наносился здесь в адрес либералов и тех правителей, которые стремятся к мелким, ничего не меняющим преобразованиям.

Особенно подробно отношение Австрии к порабощенным народам разбирается в большой статье «Пресса в Австрии» (прибавления к 167 и 171 №№, 1862) Резко осуждая всю политику австрийского правительства, автор статьи детально разбирает и ее проявление в национальном вопросе: «Долго, под страхом несокрушимой силы, покоренные народы терпеливо сносили непрощенную опеку, терпеливо слушали ложь о своем благоденствии <. .> наслаждаясь в действительности возмутительною

картину нарушения самых священных прав личной свободы и собственности». Такая политика, по мнению автора, вызывала злобу и ненависть, сдерживаемые лишь силой. Когда Австрия ослабела, стала терпеть поражения, она стала обещать поработенным народам различные свободы, но «притворство ее продолжалось не долго». Чуть только немного укрепилось ее положение, «свобода и равноправность исчезла», «обнаружилось посягательство на только что подтвержденные народам их исторические права и привилегии!» (№ 167).

Характерно, что выражая большое сочувствие национально-освободительной борьбе поработенных народов, редакция «Современного слова» избежала национальной ограниченности, ложного «патриотизма», столь характерного для славянофилов и «квасных патриотов» катковской ориентации. Отстаивая право на свободу, национальную независимость каждого народа, газета отнюдь не разделяла теорий об особой миссии славянства, о необходимости объединения его. Она относилась весьма отрицательно не только к «квасным патриотам», но и к славянофилам. Так, в 63 № «Современного слова» (1862) была объявлена подписка в пользу черногорцев, которые вели национально-освободительную борьбу против турок. «Квасные патриоты» и славянофилы поддерживали эту борьбу с реакционно-националистических позиций. Редакция «Современного слова» сразу же отмежевалась от таких позиций. Она писала о необходимости оказать помощь черногорскому народу, «терпящему разорение за свою любовь к свободе отечества», и вспоминала о нападках славянофилов, утверждавших, что «Современное слово» более любит итальянцев и негров, нежели славян. Редакция говорила о признании расовой связи с славянами, сочувствии их стремлениям, «по мере неудовлетворительности настоящего их положения». Но она резко выступала против идей панславизма, против «поглощения всех славян в одном общем политическом целом». Такое поглощение, по мнению «Современного слова», противоречит интересам и желаниям самих славян. В 86 № (1862), полемизируя с славянофильским «Днем», обвинившим «Современное слово» в непоследовательности за отношение к черногорцам, автор редакционной статьи подверг резкой критике панславистскую точку зрения. Он показал, что «Современное слово» сочувствует черногорцам, как любому народу, сражающемуся за свободу, прогресс, национальную независимость; славянофилы же поддерживают прежде всего «славян», которые «подняли знамя борьбы за православную церковь и за избавление от *магометанского ига*», думают видеть в черногорцах «наибольшее отделение от европейского прогресса < . > защитников одного вероисповедания».

Автор «Современного слова» как бы подчеркивал, что важна борьба против деспотизма, а не то, что этот деспотизм магоме-

танской. «Мы видим, — писал он, — в руках славян знамена принципов национальности и свободы, а «День» — совсем иные хоругви». Уже само сопоставление слов «знамена» и «хоругви» подчеркивало разницу позиций «Современного слова» и славянофилов.

Газета Писаревского резко выступала против попыток ограничить сочувствие к освободительной борьбе национальными рамками. По мнению редакции, «угнетенные национальности все одинаково должны возбуждать сочувствие всякого образованного и гуманного человека, будь они негры или славяне» (№ 9, 1862). Это мнение полностью определяло все выступления «Современного слова» по национальному вопросу. «Мы не ограничиваем нашего сочувствия известными географическими границами и исключительно одним алфавитом», — говорилось в редакционной статье 63 номера (1862).

Подобная позиция определяла высказывания «Современного слова» о народностях, населяющих Россию. В 157 № (1862) напечатана статья А. Скавронского «Кто наши обвинители?» В ней дается отпор попыткам издателя журнала «Вестник Юго-западной и Западной России», Говорского, обвинить украинофилов в сепаратизме, набросить на них тень политической неблагонадежности. Скавронский критиковал славянофильский «День» и «Библиотеку для чтения» за поддержку мракобесной позиции Говорского. Он требовал относиться с уважением к украинскому народу — равноправному брату-близнецу народа русского. В то же время редакция «Современного слова», защищавшая украинофилов от нападок великорусского шовинизма, резко осуждала их за проявление украинского национализма. Так, в 140 № (1862) она опубликовала большую статью «Евреи в Малороссии», резко критикующую антисемитизм. Автор «Современного слова» осуждал взгляды украинофила Кулиша, выраженные им в статье о торговле вином, напечатанной в 239 № «Биржевых ведомостей». Он отмечал, что по многим вопросам сочувствует Кулишу. Конечно, речь шла здесь о сочувствии борьбе за украинскую культуру, за равноправие украинского народа. «Но тем неприятнее, — замечал автор «Современного слова», — увидеть имя человека, ратующего за гуманные начала, под статьей, имеющей целью проводить в общество идеи неравноправности». «Современное слово» опровергает доводы Кулиша, показывает, что сущность вопроса заключается не в национальных, а в экономических, социальных причинах. Оно высмеивает и издателя «Дня», Аксакова, за его отношение к еврейскому вопросу. Осуждение позиции «Дня» неоднократно встречается и в других номерах газеты Писаревского. В 28 № (1862) утверждается, что славянофилы «на поле гонения жидов» продолжают подвиги «благочестивого г. Аскоченского». В прибавлении к 21 № «Современного слова» (1862)

в редакционном примечании к статье «Варшавский «Дневник» и московский «День», указывается, что «взгляды на еврейский вопрос, неослабно проведенные «Днем», к сожалению еще слишком распространены, чтобы всякое опровержение их <...> могло казаться нам излишним или неуместным».

«Современное слово» намекает, что неравноправие наций неразрывно связано с общей политикой русского самодержавия, что обсуждение национального вопроса не может привести ни к каким реальным результатам и относится «к непродуктивному употреблению времени» (приб. к № 17, 1863). «Непродуктивным употреблением времени» редакция называла обсуждение всякого вопроса, который не мог быть решен в условиях существующей системы.

Редакция «Современного слова» подходит к пониманию того, что изменение этой системы — единственный способ подлинного решения национального, да и всех других важных общественных вопросов.

Позиция «Современного слова» в национальном вопросе отразилась и в оценках нападок на русских «немцев». В № 9 (1862) газета осуждала антинемецкие выпады славянофилов, «Дня», высмеивала их шовинизм, национальную нетерпимость. В 19 № редакция перепечатала из «Биржевых ведомостей» заметку, направленную против антинемецких выходок «Северной пчелы», высказавшей подозрение, что немцы поджигают и грабят во время пожаров. В 25 № «Современного слова» об антинемецких выступлениях «Северной пчелы» говорилось в статье «По известному делу немцев». Но, переключая вопрос из национального в социальный, газета сурово осуждала и высмеивала немцев, чиновников и помещиков, именно не как немцев, а как чиновников и помещиков. К такому переключению в социальный план, видимо, относится и отклик «Искры» (№ 23) на выступление «Северной пчелы», который с сочувствием приводится в статье «Современного слова»:

«Красть на пожаре!
Что ты? Mein gott!
Немец умнее
Средство найдет».

Такое же переключение встречается и в статьях о Прибалтике. Так, в 111 № (1862) помещена большая редакционная статья «Для общего сведения (Положение лифляндских и эстляндских крестьян)». Существует мнение, что эта статья — изложение анонимной книги «Ehste und sein Herr», вышедшей в Берлине в 1861 г. Это не совсем так. Автор статьи учитывал названную книгу, как и другие немецкие брошюры о положении в Прибалтике, появившиеся в конце 1850 — начале 1860 гг. Он заимствовал ряд сведений из таких брошюр. Но

статья «Современного слова» — не просто переложение чужого источника. Она выражает мнение редакции, оригинальную, самобытную точку зрения. Она соответствует всему направлению газеты Писаревского, всей системе ее взглядов по национальному вопросу. Материалы о положении в Прибалтике печатались и в других газетах. Особенно часто помещал их славянофильский «День». Но при всей прогрессивности многих из статей о Прибалтике, публикуемых славянофилами, общая тенденция редакции «Дня» вытекала из довольно реакционных доктрин. По ее мнению, все зло заключалось в засилии в Прибалтике *немцев*. Поэтому критика принимала часто националистический оттенок, была направлена на существенные, но не главные проблемы (борьба против засилия немецкого языка, религиозного гнета и т. п.) «Современное слово» ставит вопрос совсем по-иному, именно в социальном и экономическом плане. Для редакции важно не то, что помещик — немец, а то, что он — суровый и беспощадный эксплуататор. Автор «Современного слова» подробно рассказывает о тяжелой жизни народов Прибалтики. «Страшно представить себе что-нибудь подобное», — с негодованием восклицает он. Особенно подробно автор останавливается на положении эстонских крестьян, которое, по его мнению, особенно тяжелое. Он сообщает о крайней бедности эстонцев, о различных косвенных налогах, о злоупотреблениях помещиков. В статье настойчиво указывается, что нищета крестьян Прибалтики — следствие жестокой эксплуатации. Автор рассказывает о трудолюбии прибалтийских народов, их умении вести хозяйство, вспоминает, что эстонцы и латыши, переселившиеся в Россию, «считаются теперь на Волге самыми усердными работниками». Он выражает уверенность, что крестьянские хозяйства процветали, «если бы крестьяне получили полную свободу». «Современное слово» резко выступает против тех, кто обвинял прибалтийских крестьян в нерадивости, лени и стремился этим объяснить их тяжелое положение. Газета показывала, что в основе всех противоречий лежат причины социально-экономические: «Крестьянин ленив и уклоняется от работ, потому что он очень хорошо знает, что из процветания земледелия ему не станет ни тепло, ни холодно: на его долю всегда достанется один только скудный, неудобоваримый кусок хлеба». Редакция подчеркивает не национальное различие между порабощенными и поработителями, а то, что одни — крестьяне, а другие — помещики, прибалтийское дворянство, дворянское сословие. Вся статья проникнута страстным пафосом отрицания системы экономических отношений, сложившихся в Прибалтике⁶³ Этим она отличается и от спокойного изложения ста-

⁶³ Общая проблематика полемики по «остзейскому вопросу» в русской прессе рассмотрена в книге С. Г. Исакова: «Остзейский вопрос в русской печати 1860-х гг.», Уч. зап. ТГУ. вып. 107, Тарту, 1961.

тистического материала о тяжелом положении в Прибалтике, даваемого в большинстве немецких брошюр, и от статей «Дня», которые, в общем контексте, должны были служить славянофильской мысли о гибельности немецкого засилия, о «Русляндии», мысли, над которой иронизировали и «Современное слово» и «Современник».

Позиция редакции «Современного слова» не имела ничего общего с той ограниченностью и национальной нетерпимостью, которая была характерна для славянофильской и реакционной журналистики. Национальный вопрос рассматривался в газете Писаревского как часть общей проблемы борьбы за свободу, за новые экономические и социальные отношения, соответствующие интересам народов, против всякого гнета и деспотизма.

†

**ОТКЛИКИ В РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НА
ВОССТАНИЕ В ПОЛЬШЕ 1863 г. И ГАЗЕТА
«СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО».**

Выступления по вопросам национально-освободительного движения всегда являлись важным источником, помогающим разобраться в общем направлении того или иного периодического издания. Но особенно велика роль таких выступлений в переломные моменты, в периоды обострения национально-освободительной борьбы. Для России одним из таких периодов был 1863 г., год восстания в Польше.

Русские революционные демократы горячо сочувствовали освободительной борьбе польского народа. Многие из них непосредственно в ней участвовали. Они рассматривали восстание как удар по общему врагу — русскому самодержавию. Их взгляды ясно свидетельствовали, что отношение к восстанию демократических слоев русского общества не имело ничего общего с официальной шовинистической позицией, было противоположно и враждебно ей. Оценивая позицию «Колокола» Герцена во время польского восстания 1863 г., его борьбу за свободу Польши, против усмирителей и палачей польского народа, В. И. Ленин считал, что «Герцен спас честь русской демократии»¹. Именно в «Колоколе», бесцензурном журнале, издававшемся за границей, оказалось возможным выразить наиболее ясно и полно взгляды русской демократии по польскому вопросу. Но и в других периодических изданиях, выходивших в России, эти взгляды находили свое отражение. Естественно, что нелегко было заявить их в условиях все более усиливающейся реакции, правительственного террора, шовинистического угара, охватившего значительные слои общества. Но все же они были выражены. И материалы «Современного слова» играли далеко не последнюю роль в ряду демократических высказываний, связанных с польским восстанием.

События в Польше в 1863 г. широко освещались на страницах подцензурной периодической печати, главным образом реакционного лагеря. Особенно усердствовали в разжигании ненависти к восставшим издания Каткова, в первую очередь газета «Московские ведомости». В конце 1863 г. (№ 212) ее редакция сама утверждала, что именно польскому вопросу «мы главным образом посвящали всю нашу деятельность». Газета заполнялась многочисленными и подробными сообщениями о «зверствах» восставших, об их жестокости и кровожадности. Редакция не останавливалась перед самой грубой бранью, фальсифика-

¹ В. И. Ленин, изд. V, т. 21, стр. 260.

цией, клеветой. Примерами такой брани и клеветы могут служить статья «Черты нравов» Н. П. (№ 30). письмо «Из Радзына» (№ 33) и др.

Сведения о «зверствах» были настолько лживыми и неправдоподобными, что иногда даже местные власти считали себя обязанными протестовать против них. Так, в августе 1863 г. Тульский военный губернатор писал министру внутренних дел: «Помещенное в «Московских ведомостях» извещение о побегах солдат-поляков, о грабежах в лесах, об изрубленной девочке — чистая выдумка и ложь»². Губернатор высказывал опасение, что печатание такого рода обвинений может вызвать справедливое нарекание в умышленном распространении клеветы. Признавая благонамеренную цель авторов помещаемых в «Московских ведомостях» статей, он утверждал, что «подобные клеветы вредят доверенности к журналистике, вызывают жалобы не только оклеветанных, но и всех людей беспристрастных и справедливых и не приносят ничего, кроме вреда»³. Валуев оказался вынужденным согласиться с этими замечаниями, признать, что сведения «Московских ведомостей» подают повод «к неблагоприятным толкам»⁴, и потребовать впредь быть осмотрительнее.

Редакция «Московских ведомостей» не ограничивалась публикацией большого количества соответственно подобранных сообщений о событиях в Польше. Она подчеркнуто высказывала свою точку зрения об этих событиях, «теоретизировала» по поводу их, ставя вопрос о причинах восстания и о средствах борьбы с ним.

В начале 1863 г., говоря о действиях повстанцев, газета стремилась преуменьшить их объем. Так, в 38 № утверждалось, что восстание не имеет глубоких корней в стране. Автор старался представить его делом небольшого числа «неблагонамеренных» лиц. Но вскоре размах восстания заставил отказаться от такой концепции. Газета Каткова вынуждена была выработать новую точку зрения, основанную на разжигании национализма, антипольских настроений. Согласно новому взгляду, все польское объявлялось мятежным, враждебным интересам России. Так, в № 67. в заметке «Из царства Польского», опровергалось мнение, что поляки мало участвуют в восстании. По утверждению автора, все они фанатически ненавидят Россию и поддерживают повстанцев. Та же мысль выражена в передовой статье 83 №, в которой доказывается, что «участие в восстании принимает более и более обширные размеры».

Говоря о причинах восстания, «Московские ведомости», особенно вначале, связывают его с деятельностью «революционной

² ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, 1863, № 125, л. 6.

³ Там же, л. 6 об.

⁴ Там же, л. 7.

партии». О ней упоминается в передовых 13 и 23 №№. В статье П. Лебедева «О последних событиях в Польше» (№ 73) утверждается, что восставшие поляки — часть международного революционного пролетариата: «Настоящая безумная борьба, если б она могла иметь успех, была бы первым шагом борьбы пролетариата и одичалости с обществом и его учреждениями». В 95 № редакция замечает, что из всех стран «спешат всесветные революционеры под знамена польского восстания», и Польша стала «стоком революционных нечистот целой Европы». О прямой поддержке русскими революционерами восстания в Польше в «Московских ведомостях» не говорится. Здесь, главным образом, подчеркивается связь восставших с национально-освободительным движением Европы. Но выпады газеты Каткова против «всесветных революционеров» имели косвенное отношение и к русским революционным демократам, тем более, что они подкреплялись прямыми обвинениями против русских «прогрессистов», их недостаточного патриотизма и т. п.

Одной из причин восстания редакция «Московских ведомостей» считает излишний либерализм, проявленный якобы русской администрацией в Польше. Об этом говорится в письме «Из царства Польского» (№ 68), в редакционной статье 71 №, в передовых 169, 178, 187 №№ и др. По мнению «Московских ведомостей», восстание возникло как результат «совершенно ошибочной, совершенно невозможной» системы, «которой мы до сих пор там держались». Такая точка зрения являлась в известной степени осуждением правительственной политики. Но это была критика справа. К тому же она совпадала с изменением правительственных взглядов на методы управления Польшей, с отказом от сравнительно либеральных мер. В итоге, она отнюдь не подорвала благоволения властей к издателю «Московских ведомостей» и лишь упрочила его положение.

«Московские ведомости» требовали суровой расправы над восставшими, утверждая, что «истинный либерализм есть сила, а не уступчивость» (передовая № 178), что «мы не имеем права великодушничать» (передовая № 192) Газета Каткова с радостью приветствовала отправку новых войск в Польшу. «Чем больше войск, тем больше пунктов будет усмирено», — заявляла она (№ 65) Здесь же с цинизмом оправдывалась жестокость карателей, их расправы над польским населением: «Что же касается до жестокостей войск, о чем так много толкуют в Европе, то к крайнему прискорбию устранение их зависит не от русских офицеров, а исключительно от самих поляков. Прекратится восстание, прекратятся жестокости». В сообщении «Из Ломжи» (№ 73) со смаком рассказывалось об этих жестокостях, о том, как войска ворвались в одно имение, «началась сильная резня», «разгоряченные солдаты не давали никому пощады и двор скоро покрывлся трупами», «все паны были уложе-

ны на месте и начался было грабеж». Как видно, редакция не стеснялась. Она не находила даже нужным затушевывать злодеяния карателей, считая их закономерными. Катков приветствовал ожидаемые «энергические меры» (№ 96). В передовой 128 № он выражал радость по поводу осуществления этих мер, вплоть до казней. С восторгом отзывались «Московские ведомости» о деятельности Муравьева-вешателя, хваля его за публичные казни, за жестокость, за то, что он не стесняется этой жестокости. Так, в 131 № в статье П. Щебальского «Из Петербурга» приводятся выдержки из письма из Вильно. «Мы русские, — цинично заявляет его автор, — очень одобряем твердость нового генерал-губернатора. Если дошло дело до несчастной необходимости лишать жизни преступника, то делай это смело, торжественно». «Московские ведомости» призывают к суровым мерам по отношению к польскому населению, к русификации края и в особенности администрации. «Мы не имеем права великодушничать», — заявляется в передовой 192 №. В статье С. Шипова «Нечто о национальности польской» говорится о необходимости подумать о мерах, способствующих вытеснению польского языка русским (№ 70). В передовой 83 № утверждается, что чиновники-поляки не надежны. Автор ставит вопрос о необходимости замены их русскими чиновниками, не доступными влиянию польского патриотизма. Об этом же говорится в статье Щебальского «Из Петербурга» (№ 131). В заметке «Из Нижнего» (№ 153) выражается надежда, что все должности в Западном крае будут заняты русскими, православными. Автор считает, что в России много «достойных» людей, которые охотно поехали бы в Польшу, если бы были уверены в поддержке. В заметке отчетливо видно стремление части реакционеров использовать сложившуюся ситуацию для получения тепленьких местечек в усмиренном крае (сравн. с образом Ивана Степановича в «Трудном времени» Слепцова).

С реакционным русофильством, с проповедью насильственной русификации связано весьма настороженное отношение «Московских ведомостей» к всякому национальному движению в России, в частности к украинофилам. В начале 1863 г. газета Каткова печатала заявления Н. Костомарова с призывами жертвовать на издание украинских книг (№ 9). Но вскоре она начала резко нападать на украинофилов, связывать их деятельность с «польской интригой» Сбор средств на издание украинских книг, по мнению редакции «Московских ведомостей», «гораздо хуже, чем сбор на Руси добротных подаваний в пользу польского мятежа» (№ 136). Газета осуждала Костомарова и организованную им подписку, выражала сожаление, что ранее печатала объявления о ней. Подобные взгляды отстаивала редакция, печатая «Письмо к издателям» (№ 124) и «Заметку на заметку» (№ 179) А. Добротворского, а также передовую статью

191 № 5. В ответ на упреки Костомарова, высказанные в «Заметке», опубликованной в 186 № «С.-Петербургских ведомостей», что намеки «Московских ведомостей» могут привести к административным мерам против украинских изданий, что они неблагородны и недобросовестны, автор передовой цинично замечал: «какое нам дело до затруднений, которые он встречается? <. .> Мы с своей стороны ничего не находим сказать против задержек, которым подверглись задуманные г. Костомаровым издания; мы находим, что эти меры противодействия свидетельствуют только о зоркости и заботливости некоторых правительственных лиц посреди той смуты, которая нас окружает».

Резко осуждая восстание, требуя сурового подавления его, признавая значительный размах повстанческого движения, Катков в первую очередь демагогически противопоставлял восставшим народ. Уже в предшествующий период, особенно с весны 1862 г., с майских пожаров, реакционная журналистика настойчиво противопоставляла простой народ революционерам. Она изображала народ как преданную царю, религиозную, резко враждебную революционерам массу, как основную опору трона. Реакция и прежде не раз прибегала к знамени «народности», борясь с прогрессивными силами, обвиняя их в антипатриотизме, но в условиях послереволюционной ситуации 1860-х годов ее обращение к имени народа стало особенно настойчивым. О народе говорилось как о носителе высшей правды, здравомыслия, выразителе подлинного патриотизма. Взгляды извозчиков, дворников, лавочников возводились в идеал и направлялись против ненавистных «нигилистов» (напр., слухи о поджигателях). «Мнение народа» стало чуть ли не главным оружием, которое использовала реакция в борьбе с революционерами. Она стремилась натравить общественность страны на передовую, революционную интеллигенцию, противопоставить эту интеллигенцию народу. Конечно, подобная «народность» не имела ничего общего с подлинными интересами народа. Она была связана с прямой фальсификацией, с ориентацией на городские, мещанские слои населения. Но в то же время она отражала и некоторые реальные черты народа, его темноту, забитость, отсутствие ясного понимания социальных задач, недоверие к революционной интеллигенции и т. п. В условиях послереволюционной ситуации, после подавления крестьянского революционного движения, эти черты становятся особенно заметны, и многим начинает казаться, что они определяют подлинный облик народа. Реакционная литература и журналистика возводят эти черты в идеал, видят в них проявление «народной правды», всячески восхваляют народ. Демократические круги, в период на-

⁵ Аналогичные выпады в адрес Костомарова см. в № 26 «Современной летописи».

ступления реакции, краха надежд на крестьянское восстание, серьезно задумываются о своем отношении к народу. Иногда в значительной степени переосмысливают его. Прежде, в условиях нарастания революционного подъема, революционные демократы особенное внимание обращали на проявление в народе чувства социального протеста, на недовольство своим положением, готовность к борьбе, нетерпимость к порядкам «темного царства». В революционно-демократической критике того времени не замалчивались и недостатки народа, его темнота. Но акцент делался не на них. Даже тогда, когда об этих недостатках подробно говорилось (напр., в статье Чернышевского «Не начало ли перемены?»), особенно подчеркивалось, что не народ виновен в них, а условия его жизни, что народное самознание начинает пробуждаться, что народ может *скоро* изжить эти недостатки. Не случайно в статье Чернышевского изображение Н. Успенским темных сторон народа истолковывается как свидетельство возможности *близких* перемен.

В изображении демократической литературы послереволюционного периода народ предстает со всеми своими недостатками, часто с резкой акцентировкой этих недостатков. Демократические писатели стремятся разобраться в том, какие слабости народа создали возможность наступления реакции, помогли подавить революционный подъем, в чем причина таких слабостей, какие пути их уничтожения. Такое понимание было известным шагом вперед, по пути преодоления просветительской точки зрения, ее относительной абстрактности. В то же время, писатели-демократы продолжают подчеркивать, что недостатки народа — результат условий его жизни, что с изменением условий исчезнут и недостатки, что, при всей темноте, покорности, несознательности, народ стихийно враждебен существующему строю, властям, и нет никаких оснований видеть в нем силу, преданно поддерживающую самодержавие. Поэтому в рассматриваемый период демократическая литература иногда, как может показаться, изображает народ в слишком темных красках, реакционная же — всячески восхваляет его. Без учета сказанного останется непонятным многое в творчестве ряда писателей демократического лагеря (Щедрина, Слепцова и многих других).

Особенно усиливается реакционное славословие народа в 1863 г., когда восстание в Польше вызвало новую волну официального, «квасного» псевдопатриотизма, захлестнувшую часть русского общества. Издания Каткова настойчиво противопоставляли народ восстанию. При этом понятие социального заменялось понятием национального, истолкованного в шовинистическом духе. Правда, вначале затрагивался и социальный смысл событий. Так, в одной из статей, напечатанной в 38 №, утверждалось, что восстание направлено не только против рус-

ского правительства, «но и против общественного порядка и главнейших основ его», что оно имеет «не только политический, но и социальный характер»; не находят милости у восставших «не только правительственные лица, назначенные Россией, но и коренные польские землевладельцы», а руководители восстания посягают «на права собственности», отдают «крестьянам часть земель их помещиков». Вопрос о социальном характере событий в Польше ставился и в заметках, говоривших о связи восстания с «всесветной революцией». Но в целом социальный смысл восстания в «Московских ведомостях» всячески замалчивался, социальное подменялось национальным и религиозным. Подчеркивалось, что в восстании принимает участие католическое духовенство, враждебное православной вере, мятежные польские паны и чиновники, народ же осуждает восстание, не поддерживает его. «Московские ведомости» старались доказать, что крестьяне и внутренних и западных губерний России враждебны восстанию. (см., напр., в 105 № «Письмо из Киева» М. Юзефовича, в 92 № статью Кояловича о Польше, в 51 № статью Щебальского «Наши космополиты» и др.). Редакция «Московских ведомостей» пыталась выдать вражду и недоверие крестьян западных губерний к польским помещикам за верно-подданнические чувства народа и ненависть к мятежным полякам. В ряде заметок и статей рисовались сусально-фальшивые картины «всенародного подъема», вызванного восстанием. Так, в 99 № напечатано «Письмо в редакцию» Н. Турчанинова, в котором рассказывалось, как крестьяне жаждут пожертвовать все свое имущество царю, отдают нательные кресты для отливки пушек, стремятся все на военную службу. Подобного же рода материал приводится и в статье 264 №. Рассказывая о рекрутском наборе, автор утверждает, будто крестьяне рады ему, желая послужить царю и отечеству. Набор якобы сопровождается не плачем, а восклицаниями: «что ныне за служба, это не служба, а блаженство», «пойдем все, поголовно служить батюшке-царю, но не дадим умничать полякам». Слащавая фальшивость таких описаний ясна сама по себе и не нуждается в комментариях.

Свидетельством «всенародного подъема», вызванного восстанием, должны были служить и верноподданнические адреса, в таком обилии, целыми страницами, печатавшиеся в «Московских ведомостях» и сплошь и рядом написанные от имени низших слоев общества. Чувства, выраженные в этих фальсифицированных изъявлениях верноподданнических настроений, объявлялись характерными для русского народа, обязательными для всякого патриота. Каждого, кто пробовал усомниться в них, называли не только врагом правительства, существующего стоя, но и народа. При этом «Московские ведомости» довольно недвусмысленно намекали, что некоторые русские периодиче-

ские издания высказывают крамольные, враждебные народу взгляды. Антиправительственное направление в 1863 г., еще в большей степени, чем ранее, клеймилось именем антинародного, антипатриотичного.

С подчеркнутой прямолинейностью редакция «Московских ведомостей» в передовой 191 № заявляла: «мы не будем стеснять себя никакими соображениями при изобличении действий, которые считаем вредными или ложными». И, действительно, редакция не стесняла себя никакими соображениями о порядочности, элементарной этике, резко нападая на все газеты и журналы, отличающиеся от направления «квасного патриотизма». Она не останавливалась перед грубой руганью, перед прямыми доносами на негодные ей издания. Даже славянофильский «День», высказывавший по польскому вопросу весьма реакционные взгляды, осуждался «Московскими ведомостями» за стремление разобратся в причинах восстания, за сдержанное отношение к жестоким мерам его подавления («Московские ведомости», № 187, 188 и др.). Позднее Катков всячески стремился подчеркнуть, что именно его газета сразу же выступила прогив восстания, тогда как другие издания отмалчивались. Так, в передовой 187 № он напоминал о том, «какое зрелище представляла русская журналистика при начале польского восстания < . > Мы помним это печальное время, когда наш голос раздавался одиноко и когда нас упрекали в кровожадности». Мысль о том, что русская периодическая печать не выражает патриотических чувств народа, его отношения к восстанию, встречается в передовой 45 №, где утверждалось, что за граница вынуждена судить о настроениях русского народа «только по немногим представителям русского печатного слова, которые ничем не связаны с истинными интересами и мнениями нашего общества». Весьма вероятно, что автор статьи имел здесь в виду не только прогрессивную русскую журналистику, но и издания Герцена. В 212 № редакция прямо нападает на «Колокол» за его защиту польского восстания и намекает на сочувствие к Герцену петербургской журналистики. О «лондонских изданиях», о «выродках», которые «перешли открыто в лагерь врагов России», «всячески стараются пособлять польскому восстанию», говорится и в передовой 86 №. Грубо ругают «Московские ведомости» и прогрессивную периодическую печать, издающуюся в России, упоминая об изданиях (хотя и не называя их), выражающих симпатию к Польше, в которых «все размашисто < . > все и нелепо», где изображают «невинные грезы, воодушевляющие будто бы *молодую Россию*, грезы о будущем русском обществе, где не полагается ни семейства, ни религии, ни власти, но где все составляют одно стадо, имеющее одинаковый корм и одинаковые загоны» (№ 92, статья «Шестая великая держава»). В этом зломном, грубом выпаде отчётливо

видны намеки не только вообще на передовую русскую журналистику, но и конкретно на «Современник», на роман Чернышевского «Что делать», на связь прогрессивной журналистики с революционным движением. *Молодая Россия*, за симпатию к которой «Московские ведомости» осуждали прогрессивные издания, это, в прямом смысле, новые люди, демократическая молодежь. Но в то же время «*Молодая Россия*» — название одной из самых резких и решительных прокламаций 60-х гг. Намек на сочувствие ее идеям был совершенно недвусмысленным.

С бесцеремонной бранью обрушиваются «Московские ведомости» на прогрессивную газету «Очерки», поставившую под сомнение правомерность описания «жестокостей», якобы совершаемых восставшими. Автор статьи «Черты нравов», напечатанной в 30 № «Московских ведомостей», резко нападал на редакцию «Очерков», обвинял ее сотрудников в прямой поддержке восстания, намекал, что они из тех, кто «с одинаковой ловкостью приготавливает в настоящее время оружие как из стали, так и из литературных заметок»; «издатели смеются, скалят зубы < . . . > образ изувеченных и замученных русских солдат не останавливает их», слово в защиту русского человека «возбуждает в этих людях смех». Подобные пасквильные обличения выходили далеко за рамки литературной полемики, являлись прямым доносом.

Таким же доносом, в сущности, была статья Щебальского «Наши космополиты», направленная против «Современного слова» и напечатанная в 51 № «Московских ведомостей». В ней говорилось о неблагонадежности фельетона, напечатанного в 42 № газеты Писаревского (см. о нем стр. 106) Автор статьи упоминает о людях, позволяющих говорить: «чем хуже, тем лучше», и о том, что народ кидает таких «своих благожелателей в прорубь». Сочувствующие восстанию прямо связываются с пожарами 1862 г.: «у кого губы могут скривиться в улыбку при виде народных бедствий, кто мог равнодушно выслушать слова: *наших бьют! наших режут!* тех руки могут аплодировать пожарам» В статье не говорится прямо, что речь идет о сотрудниках «Современного слова», но косвенно все подобные рассуждения направлены в их адрес. Ведь именно фельетон, высмеивающий официальный патриотизм, послужил поводом для статьи о космополитах. Их ругают «пигмеями», «уродами золотушными и чахоточными», «хамями», которые «в такую-то минуту» позволяют «себе издеваться над своим народом и говорить, что восстание в Польше есть для него благодеяние!» «Московские ведомости» сумели уловить, что, по мнению фельетониста «Современного слова», интересы польских повстанцев и русского народа не только не противоречат друг другу, но и совпадают. Конечно, подобное утверждение вызвало безудержную ругань Щебальского.

События в Польше широко освещались в 1863 г. и на страницах «Русского вестника». Из номера в номер в нем помещались статьи о враждебности поляков к России, о необходимости строгого подавления восстания, о невозможности предоставить Польше какие-либо льготы. (см. статьи «Польский вопрос», № 1, «Русский вопрос», № 2; «Польша», № 3; «Общий характер притязаний польской партии», № 8 и др.). Редакция печатала материалы по истории Польши и Западных областей России, которые должны были свидетельствовать о нетерпимости поляков к другим народам, об угнетении этих народов. о междуусобицах, характерных для польского государства (см. «Народные движения в Подолии и Волыни в 1768 и 1789 годах», № 5; «Поляки на Заднепровской Украине в 18 в.», № 6, 10; «Малороссийское шляхетство в 1767 г.», № 8 и др.). Журнал резко осуждал вмешательство европейских стран в польский вопрос, старался доказать, что на всем протяжении истории это вмешательство определялось корыстными интересами, ненавистью к России, а не сочувствием к польскому народу (см. статью «Французская политика в Польше. .», № 7). Антипольские высказывания сочетались с защитой существующего порядка, принципа самодержавия, неограниченной власти. Так, в статье «Что нам делать с Польшей?» доказывалось, что Россия не может пойти навстречу польским притязаниям. Автор требовал полного слияния Польши с Россией. Он допускал, что, после подавления восстания, поляки смогут сохранить местное самоуправление, веру, язык, обычаи, но они не должны иметь никаких особых политических прав. В связи с этим автор развивал мысль о ненужности политических прав и для народов России. Он доказывал, что русский народ не нуждается в «бумажной конституции», в договорах между ним и верховной властью, между отдельными частями России, в чем-либо, похожем на федерацию. В статье подчеркивалось, что улучшение правительственной системы должно быть связано не с умалением верховной власти, а с укреплением и возвеличиванием ее. Прогрессивной силой всякого исторического развития объявлялось укрепление принципа единовластия и искоренение многовластия. Народное представительство, по утверждению автора статьи, должно лишь осуществлять связь между верховной властью и обществом, не имея и тени права издавать законы или утверждать их. Характерно, что рассматриваемая статья была с большим сочувствием отмечена обозревателем цензурного ведомства.

Помещая в «Русском вестнике» материалы о Польше, выдержанные несколько в более спокойных тонах, чем грубая брань «Московских ведомостей», но развивавшие те же мысли. Катков стремился к «теоретическому» обоснованию необходимости сурового подавления восстания.

Отклики изданий Каткова на восстание в Польше наиболее полно выражали точку зрения реакционного лагеря. Не случайно в отчете цензурного ведомства за 1863 г. «Московским ведомостям» давалась такая хвалебная оценка, какой не удостоивалась даже официальная периодическая печать, вынужденная несколько сдерживаться, тогда как Катков мог не стесняться. При этом успех катковской газеты связывался с началом польского восстания. В отчете с похвалой упоминалось о серьезной подготовке Каткова и Леонтьева к издательской деятельности, об их публицистических талантах, о многосторонней учености, о статьях «Московских ведомостей» по польскому вопросу; «своим горячим патриотизмом они возбудили к себе небывалое сочувствие в публике»,⁶ — утверждал рецензент цензурного ведомства. Он хвалил антипольские статьи, помещенные и в «Русском вестнике» (статью «Что нам делать с Польшей?»), опубликованную в 3 №).

Несколько иную позицию по вопросу о польском восстании занимала славянофильская газета «День». В целом она также резко осуждала восставших, исходя из принципов православия, самодержавия и «народности». Но в то же время точка зрения редакции «Дня» далеко не целиком совпадала со взглядами катковского лагеря, с официальной точкой зрения на польские события. В отчете цензурного ведомства за 1863 г. отмечалось: «Насколько «Московские ведомости» реальны во взгляде на истинное значение у нас народности, настолько же мнения и цели газеты «День» в этом отношении идеальны».⁷ С таким нереальным пониманием народности автор отчета связывал «все демократические тенденции «Дня»».⁸ В то же время он отмечал, что славянофильская газета — «односторонняя и полная нетерпимости в отношении к чуждым национальностям».⁹

В цензурных архивах неоднократно упоминается с осуждением о высказываниях «Дня» по польскому вопросу. Редакция славянофильской газеты сама иногда подчеркивала разницу между ее и официальными взглядами, намекала на цензурные препятствия, мешающие высказаться о событиях в Польше. Так, в передовой 5 № «Москва, 2 февраля» редакция упоминала об отсутствии в газете общих статей по польскому вопросу и заявляла, что такое отсутствие «более чем странно». «Мы надемся, однако, — говорилось далее, — что читатели наши поймут, что это молчание не есть наша прихоть < . > и что отсутствие наших передовых статей еще не значит, что их не было. Не все то можется, что хочется. .» (стр. 1). «Внешние обстоя-

⁶ ЦГИАЛ, фонд 775, опись 1, № 1, л. 111.

⁷ Там же, л. 123, 123 об.

⁸ Там же, л. 124.

⁹ Там же, л. 125 об., 126.

тельства», мешающие свободному обсуждению польского вопроса, критиковались и в 15 № (стр. 6).

Точка зрения редакции «Дня» на польский вопрос отчетливо выражена в статьях Гильфердинга, первоначально печатавшихся большей частью в «Русском инвалиде», но характерных для направления именно славянофильской газеты. Опубликование статей в «Русском инвалиде», видимо, — своего рода тактический прием, который должен был обезопасить от цензурных нападков и самого Гильфердинга и редакцию «Дня». Последняя перепечатывала статьи Гильфердинга в своей газете, полностью солидаризуясь с их положениями, называя их статьями «Нашего многоуважаемого сотрудника», помещенными в «Русском инвалиде» «по некоторым особенным соображениям и причинам» (№ 15, стр. 5). Так, в 15 № «Дня» перепечатана из 71 № «Русского инвалида» статья Гильфердинга «За что борются русские с поляками?», в 32 № — статья «В чем искать разрешения польскому вопросу?» (из 166 № «Русского инвалида»). Славянофильская точка зрения выражена также в статьях Гильфердинга «Положение и задача России в царстве польском» («Русский инвалид», №№ 254—255), в статье Ю. Самарина «Современный объем польского вопроса» («День», № 38) и др. По утверждению славянофилов, положение поляков трагично и вызывает сочувствие. Они — субъективно честны; каждый восставший поляк может ответить, что он борется за свою родину, за ее свободу; героизм поляков в этой борьбе не может не вызывать уважения (см. статью Гильфердинга в 15 №). Такие утверждения были не похожи на антипольские грубые выпады «Московских ведомостей», расходились с официальной точкой зрения. Редакция «Дня» вступила в полемику с газетой Каткова, высказывая мнение, что для России более выгодна политическая самостоятельность Польши, нежели насильственное присоединение ее (передовая 34 №). О невозможности умиротворения Польши насильственными мерами говорится и в передовой 36 №: «Ее можно усмирить, держать в покорности посредством военной диктатуры», но это — «мера паллиативная, не разрешающая, а только отсрочивающая разрешение вопроса» (стр. 2). В «Дне» неоднократно высказывается мнение, что в будущем «было бы полезно предоставить Польше полную политическую самостоятельность» (№ 36, стр. 4); тогда Польша сможет либо добровольно присоединиться к России, либо отделиться от нее. Подобные взгляды высказываются и в статье Самарина (№ 38), и в статье Гильфердинга (№ 32), и в других статьях.

Редакция «Дня» не разделяла мнения, что нужно полностью лишить Польшу всяких особых политических прав; не исключала она и опроса польского населения о том, какие порядки желательны для него (см. передовые №№ 18 и 19).

На материале событий в Польше славянофилы старались

Доказать свои излюбленные идеи об оторванности русского общества от народа, о вреде формальных бюрократических порядков, связывавшихся с засилием немцев-чиновников, о разнице между народной Россией и официально-бюрократической Русляндией. Так, в передовой 19 №, в связи с польскими делами, утверждалось, что из-за «официальной России, или, как выражаются некоторые, *Русляндиш*, выглядывает и выдвигается порою *Русь*» (стр. 1). В статье выражалась вера, что Русляндия не долго будет заслонять Русь, что последняя победит и спасет, с божьей помощью, русскую державу, как не раз уже спасала прежде. «Немецко-государственная» точка зрения на Польшу осуждалась и в передовой 34 № (стр. 4). Критика официальной Русляндии, конечно, не могла нравиться правительственным кругам, как и рассуждения о том, что в русском обществе нет русских, что нужно прежде самим обруситься, чем русифицировать поляков, что залогом решения польского вопроса является формирование свободного и независимого русского общественного мнения и т. п. (см., напр., передовую 12 №).

Но в то же время редакция «Дня» решительно осуждала борьбу поляков. Польский вопрос славянофилы рассматривали в свете своих доктрин о соотношении православия и католицизма, Славянского и Западного миров. Так, в статье Гильфердинга «За что борются русские с поляками?» говорилось, что Польша, оставаясь славянской, глубоко усвоила стихии Римско-Германского мира и хотела бы подчинить им Россию. По утверждению автора, борьба русских с поляками может быть решена лишь на почве всего вопроса о славянском мире; поляки считают, что этот мир, как и они, должен проникнуться западными стихиями: «Если западная жизнь < . > есть действительно высший идеал человечества, если Славянское племя призвано войти всем своим организмом в состав Латино-Германского мира < . >, то Польское дело есть, очевидно, дело исторически правое» (№ 15, стр. 7) Но Гильфердинг не согласен с таким решением. Он критикует Западные начала, считает, что Славянский мир должен стремиться не к подчинению им, а к внутренней самобытности, к развитию своих особых, подлинных начал, благодетельных для славянства и человечества. В статье отчётливо звучит столь излюбленная славянофилами мысль о мессианской роли православно-славянского мира. И с этой точки зрения Гильфердинг доказывает неправоту Польши, которая, борясь за слияние с Западом, «совершила историческую измену Славянскому делу» (стр. 7). Подобные же взгляды высказывает и Самарин в статье «Современный объем польского вопроса». Он рассматривает восстание как результат давней борьбы Латинства и Славянства. Самарин старается доказать, что Польша пошла на службу Латинству, что полонизм — вооруженная пропаганда Латинства, что борьба Латин-

ства и Православия определяет и отношения Польши с Россией, и внутренние противоречия Польши, в которой также идет сражение между латинской и православной стихией. Возрождение Польши Самарин видит в том, что она осознает свою историческую измену славянству, вернется к православно-славянским началам, притупя «в себе отравленное жало Латинства» (№ 38, стр. 8); решение польского вопроса «*немыслимо без коренного, духовного их (поляков — П Р) возрождения*. Нужно, чтобы Польша отреклась от своего союза с Латинством» (стр. 9). Россия же, по мнению славянофилов, должна помочь Польше в этом обновлении.

Итак, начав с признания искренности восставших, их свободолюбия и героизма, славянофилы приходили к суровому осуждению восстания с точки зрения историко-философских принципов, соотношения Славянского и Западного мира, православия и католицизма. Объективно подобная позиция вела к защите политики царизма, его расправы над восстанием, причем к защите философски аргументированной, серьезно обоснованной, что было отнюдь не менее реакционно, чем грубая брань в изданиях Каткова, но производило впечатление беспристрастности, правдивого освещения событий.

Осудив повстанцев с историко-философской точки зрения, славянофилы приходили и к социально-политическому обоснованию необходимости подавления восстания. Они говорили о притязаниях поляков на Западные губернии, на господство над другими славянскими народами, о стремлении польских панов к деспотизму, к неограниченной власти над своими рабами. Так, в статье Гильфердинга «В чем искать разрешения польскому вопросу» утверждалось, что либеральная политика русского правительства, проводимые им реформы, отмена крепостничества пришлись не по нраву польским помещикам, которые начали кричать о русском деспотизме как раз тогда, когда в России объявлена свобода. Автор видел одну из причин восстания в недовольстве польских помещиков освобождением народа; он сравнивал повстанцев с сторонниками сохранения рабства в Америке. Конечно, такая трактовка причин восстания, сопровождавшаяся восхвалением правительственных реформ, отнюдь не соответствовала действительности.

В практическом же решении вопроса о необходимых мерах славянофилы, в конечном итоге, несмотря на все их оговорки, приходили к оправданию жестокого подавления восстания. В «Дне» неоднократно повторялось, что, независимо от того, как окончательно решится польский вопрос в будущем, в настоящее время Польша — «неприятельская страна» (№ 36, стр. 4), что прежде всего нужно подавить мятеж, «употребив на то *самые действительные меры*» (№ 38, стр. 9), что ныне перед русскими стоит задача не примирения, а усмирения, и всякому

дальнейшему урегулированию «должны предшествовать не либеральные сделки или «компромиссы», а избавление страны от террора и усмирение мятежа, — и вовсе не путем примирительной политики, а путем решительной временной диктатуры» (№ 35, стр. 4). В газете резко осуждались русские, выступившие в защиту восставших. В 3-м письме из Парижа Касьянов (И. С. Аксаков) ругал Бакунина изменником, нападал на русскую молодежь, преклоняющуюся перед его авторитетом; по словам Касьянова, Герцен вступил в союз «с врагами Русской земли, — он содействует им советом и указанием < . > радуется успехам польских шаек, т. е. побииению Русских» (№ 19, стр. 7) здесь же содержатся выпады против «русских демократов из Гейдельберга» (стр. 8) В 25 № редакция поместила ответы Герцена и А. Голицына на 3-е письмо Касьянова, сопровождая их резкими нападками на Герцена, Бакунина, «Колокол». Герцен прямо обвинялся во лжи, в солидарности с авторами «подметных писем», прокламаций; утверждалось, что Герцен и Бакунин стали «в ряды противников русского народа», приняли «участие в настоящем кровопролитии» (стр. 20).

В «Дне» печатается большое число верноподданнических адресов, шовинистических заявлений. Так, в 21 № опубликовано письмо московских студентов, выражавших преданность престолу, готовность помочь правительству в борьбе с восставшими. Редакция сопроводила письмо сочувственным замечанием: «Знамя поставлено. Пусть же собирает оно вокруг себя русскую учащуюся молодежь! Кто заодно с русским народом — отзовися!» (стр. 20) Такие заявления, призывы к суровому подавлению восстания, трактовка вопроса о патриотизме и т. п., в общем, не многим отличались от того материала, который печатали издания Каткова. При всей субъективной честности редакции, объективно позиция «Дня» непосредственным образом смыкалась с самой реакционной точкой зрения на события в Польше. Но все же попытки как-то разобраться в происходящем, рассуждать о нем вызывали настороженность властей и официальной печати. Цензура часто весьма неодобительно отзывалась о выступлениях «Дня». Редакция «Русского инвалида», помещая в 71 № статью Гильфердинга «За что борются русские с поляками?», считала нужным заявить, что она «не принимает на себя ответственности за все выраженные в ней (статья — П. Р) мнения». Весьма любопытен отклик «Московских ведомостей» на статью Гильфердинга «Положение и задача России в царстве польском». В передовой 264 № Гильфердинг критикуется за рассуждения о пользе политической самостоятельности Польши, за признание честности повстанцев и т. п. Редакция подчеркивает, что такие выводы на руку врагам России, что выдержки из статьи Гильфердинга перепечатаны в иностранных, враждебных русскому правительству, изданиях.

«Московские ведомости» осуждают Гильфердинга за «метафизику», за сложное и абстрактное теоретизирование, за то, что к конечным выводам он идет через «пропасти премудрости». В то же время они признают, что Гильфердинг одержим «наилучшими намерениями», что если бы он «ограничился только тем, что написано в конце его рассуждения о польском вопросе < . . . > то вышла бы статья небольшая, но дельная». Вся беда, по мнению Каткова, заключается в том, что к правильным выводам о невозможности отделения Польши и необходимости подавить восстание Гильфердинг идет через отвлеченное умствование, усложняя и затемняя их. Катков же требовал приходиться к тем же выводам, не мудрствуя лукаво и поменьше рассуждая. Сами же выводы славянофилов не вызывали у него возражений. Характерно и замечание редакции «Московских ведомостей» о спорах с «Днем» по польскому вопросу, высказанное в передовой 195 №: читая мнения «Дня» и «Московских ведомостей» о Польше, часто приходишь к выводу, что перед тобой противники, а «на деле противники совершенно сходятся между собою, тянут в одну сторону и работают в одном смысле».

Такого рода оценки показывают, что реакционеры, отвергая либеральную фразеологию славянофилов, требуя более резкого и прямого осуждения восстания, сумели хорошо разобраться в основной сущности позиции «Дня», не расходившейся в главном с их собственной позицией.

Взгляды на польский вопрос, близкие славянофилам, отразило и почвенническое «Время». В 4-м № этого журнала напечатана статья Н. Н. Страхова «Роковой вопрос», которая была воспринята властями как пропольская, подверглась резкой критике реакционной печати и привела к запрещению «Времени».

На самом деле статья Страхова, в главном, отнюдь не противоречила точке зрения реакции. Но внешне она была выдержана в тонах, которые могли показаться оппозиционными. Страхова нельзя заподозрить в сочувствии к восставшим. Он сурово осуждал их. Но, как и славянофилы, Страхов старался разобраться в причинах польского патриотизма, взглянуть на действительность глазами своих противников, попробовать понять их, чтобы еще более убедительно опровергнуть, подвести под свое опровержение теоретическую базу. Вместо брани в адрес восставших, «Время» предлагало читателям спокойное, внешне беспристрастное и объективное исследование, в котором отдавалось должное врагам, осуждались свои собственные слабости. В статье нашли отражение и славянофильско-почвеннические теории об оторванности от народа и необходимости преодолеть этот разрыв. Но в обстановке шовинистического угара, псевдопатриотической истерии, вызванных восстанием, взгляды Страхова, в сущности, крайне реакционные, антипольские, были вос-

приняты как восхваление поляков, как выпады против России, русской культуры.

Страхов доказывал, что поляки «возбуждены против нас также как народ образованный против народа менее образованного или даже вовсе необразованного» (стр. 153). Он говорил, что поляки вправе считать себя на уровне европейского образования, что они всегда шли вместе с Европой; поэтому они думают, что на их стороне — цивилизация, а русские — варвары; и, с точки зрения поляков, они правы, думая так, гордясь своей цивилизацией; никто не вправе осуждать их за эту гордость. Восстание в Польше, по Страхову, напоминает также русским «нашу низкую ступень в ряду цивилизованных народов» (стр. 156). Сущность конфликта между Россией и Польшей, по искренним представлениям поляков и европейцев, определяется столкновением польской цивилизации с русской необразованностью. Представления эти нельзя опровергнуть никакими *видимыми* фактами, если же согласиться с ними, то окажется, что правы поляки, а не русские (подчеркнуто мною — П. Р.) Страхов, однако, не только не разделял представлений поляков и европейцев, которые он излагал довольно подробно, но всем содержанием своей статьи старался опровергнуть их. Он хотел доказать, что *видимое* не соответствует *действительному*, что в сущности «может быть мы и не варвары. Может быть в нас таится глубокий и плодотворный дух, который, хотя еще не проявился ясно и отчетливо, но уже ревниво охраняет свою самостоятельность» (стр. 159). При измерении общей европейской меркой, степенью образования, поляки, по Страхову, «будут стоять много выше нас», но по самобытности внутренней субстанции «мы станем не ниже поляков, а может быть выше» (стр. 161). В статье звучала столь любимая славянофилами мысль, что не уровень внешней цивилизации, а духовные качества народа свидетельствуют об его подлинной ценности, что такие качества характерны именно для русского народа, отличают его от народов европейских; вскоре они должны проявиться и, опровергая представления поляков и их защитников, определить особую, мировую роль России. Такого рода выводы вели к осуждению восстания и к оправданию действий русского самодержавия. Об этом писал сам Страхов, справедливо утверждая, что он хотел лишь глубже обосновать точку зрения, с которой русские должны осуждать поляков и гордиться своим народом (см. «Русский вестник», 1863, № 5, стр. 407—408).

Славянофильская и реакционная журналистика вскоре сумела уловить, что взгляды, выраженные в статье «Роковой вопрос», вовсе не враждебны правительственной точке зрения, что они — лишь не совсем удачное выражение того же официального патриотизма. Так, в статье «Современный объем польского вопроса», напечатанной в 38 № «Дня», указывалось, что

Страхов понимает вопрос о борьбе латинства и славянства так же, как Гильфердинг, Самарин. В 22 № «Дня» была опубликована редакционная «Заметка по поводу статьи в журнале «Время» (в 4 книге): «Роковой вопрос». Редакция полемизировала со Страховым, с его суждениями о достоинствах латино-польской культуры. Но полемика велась в очень вежливом тоне. В статье высказывалось уважение к Страхову, как к ошибающемуся единомышленнику. Редакция «Дня» считала, что статья «Роковой вопрос» заслуживает серьезного разбора и опровержения, а не криков негодования.

Еще характернее оценка Страхова в «Русском вестнике». В 5 № журнала напечатана неподписанная, очевидно, редакционная статья «По поводу статьи «Роковой вопрос». В ней говорилось об ошибочных, с точки зрения редакции «Русского вестника», выводах Страхова, о том негодовании, которое вызвало его выступление. Знаменательно, что и здесь, как и в оценке выступлений славянофилов, редакция «Русского вестника» осуждала абстрактность почвеннических теорий Страхова, оторванность его от практики, от современных жизненных вопросов, обращение к «далекому прошлому и будущему». По мнению «Русского вестника», нужно не философствовать о сущности русского народа, об его великом будущем, а просто, без излишних мудрствований восхвалять существовавшие в России порядки: «Мы должны ценить наш народ и любить наше отечество в их настоящем», — подчеркивал автор «Русского вестника». За отступление от этого правила он осуждал Страхова. Но в то же время он начисто отвергал обвинения Страхова в измене, отмечал «хорошие намерения» его, подчеркивал, что в статье «Роковой вопрос» Страхов «хотел заявить свое патриотическое чувство и послужить своему народу» (стр. 415—16, 400); вся же беда была в том, что он «старался глубже вникнуть в вопрос» (стр. 407). Итак, катковское издание рассматривало статью Страхова как неудачное воплощение хорошего, верноподданнического замысла.

Отклики либеральных изданий на события в Польше в сущности не отличались от оценок реакционной периодики. В отчете цензурного ведомства за 1863 г отмечалось, что газета «Голос», освещая польский вопрос, «соревновала в своем патриотизме с «Московскими ведомостями» (ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, № 1, л. 116). Правда, в либеральных изданиях, особенно в начале 1863 г., встречается критика «крайностей» реакционной журналистики. Так, во 2-м № «Отечественных записок», в «Современной хронике», с осуждением говорится о позиции по польскому вопросу «Московских ведомостей» и особенно «Вестника Юго-Западной России». Подобного рода выступления против резкости и прямолинейности «Московских ведомостей» встречаются и далее. Но одновременно редакция совершенно недвусмысленно осуж-

дает польское восстание, говорит неоднократно о миролюбии и снисходительности русских властей, о фанатизме, терроре повстанцев, о необходимости строгих мер против них. Здесь встречаются похвалы Муравьеву, восхваления «царя-освободителя», разговоры о народной войне, об адресах, которые цитируются редакцией «Отечественных записок», выпады в адрес Герцена и т. п. (см., напр., «Совр. хронику» №№ 2, 3, 6)

Совсем по-иному относились к польскому восстанию демократические издания. Русские революционные демократы горячо сочувствовали освободительному движению польского народа, считали борьбу польских патриотов с русским самодержавием борьбой против общего врага. Их точка зрения наиболее отчетливо выразилась в бесцензурных изданиях Герцена.¹⁰ В подцензурных демократических журналах и газетах, выходящих в России, конечно, не было возможности хотя бы в какой-то степени открыто высказать взгляды редакций на польский вопрос. Поэтому одним из важных способов оценки событий в Польше «Современником» и «Русским словом» было подчеркнутое молчание об этих событиях. Молчание, нарочитое нежелание говорить на тему, наиболее животрепещущую, являлось прямым осуждением действий правительства. В цензурном отчете за 1863 г. упоминалось, что такая позиция объяснялась особенным наблюдением цензуры, вследствие чего «польский вопрос и внутренние преобразования были упоминаемы в «Современнике» и в «Русском Слове» как бы вскользь».¹¹ Следует учитывать также и то, что ряд статей, как-то затрагивающих польский вопрос, был запрещен цензурой. Так, оказалась запрещена рецензия Щедрина на брошюру Мельникова «Русская правда и польская кривда», напечатанную на средства министерства внутренних дел.

Однако не следует думать, что польский вопрос вовсе не упоминался на страницах революционно-демократических изданий. Пожалуй, особенно подчеркнуто обходился он лишь в «Русском слове». За весь 1863 г. в журнале встречается лишь несколько кратких упоминаний о польском восстании. Так, в № 3 журнала, в «Домашней летописи», говорится о щекотливости польского вопроса, о том, что общественное мнение Европы осуждает действия русского правительства. Автор признает естественность того, что разделенная на куски Польша «постоянно стремилась слиться в прежнее органическое тело» (стр. 6) Он призывает к скорейшему и наиболее гуманному решению польского вопроса. Несколько раз в «Русском слове» критикуется политика европейских держав в отношении Польши, говорится, что они обману-

¹⁰ Вопрос об откликах изданий Герцена на события в Польше в достаточной степени исследован и поэтому в настоящей работе затрагиваться не будет.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, № 1, л. 141.

ли надежды восставших; особенно порицаются действия Наполеона III («Домашняя летопись» № 3; «Политика» № 7. 10). Косвенными откликами на польские события, на усиление реакции, связанное с ними, служат рассуждения о невыносимо трудном времени, о том, что ранее «клеветал и доносил один Булгарин, а теперь на каждого Белинского приходится по десятку разных Булгаринов». ¹² В этом же плане следует рассматривать выпады в адрес Каткова, «Московских ведомостей». Возможно, как-то сопоставлялись с событиями в Польше стихотворения типа «Сербских мотивов» В-ева: здесь говорилось о том, что лучше умереть, сражаясь за свободу, чем жить в неволе:

«Лучше честная могила,
Чем бесчестный, вечный гнет». ¹³

Но все же прямых и косвенных откликов на события в Польше в «Русском слове» напечатано весьма мало, и редакция имела некоторые основания, отвечая на вопрос председателя С.-Петербургского цензурного комитета, писать, что в журнале «никогда, ни одной строчки не было напечатано о Польском вопросе, в одобрительном его смысле». ¹⁴ Правда, ответ «Русского слова» сформулирован несколько двусмысленно: непонятно, чего не одобряла редакция: действий ли повстанцев или политики русского правительства в Польше. Конечно, не одобрялась на самом деле именно последняя, главным же приемом осуждения было молчание о польских делах.

Несколько по-иному реагировала на польские события редакция «Современника». Она также прибегала к приему умолчания. Однако упоминания о польском восстании в «Современнике» встречаются гораздо чаще, чем в «Русском слове». Начиная с 3 №, отклики на восстание появляются в журнале довольно регулярно. При этом, из цензурных соображений, редакция настойчиво подчеркивает, что речь не идет собственно о ходе восстания, о военных действиях, что о них читатели должны судить по официальным релициям, по «Русскому инвалиду». Об этом говорится в «Политике» и «Внутреннем обозрении» 4 №, в «Политике» 5 № и др. Так, в 5 № утверждается, что известия о восстании лучше всего черпать «из релиций, печатаемых в «Русском инвалиде» и отличающихся своею несомненною правдивостью, а не из пристрастных к польскому восстанию известий, сообщаемых почти всею европейской журналистикой и поражающих русского патриота своею неблагонамеренностью, недостоверностью и ненадежностью». ¹⁵ В этих «похвалах» отчетливо слышится скрытая ирония, подчеркнутая еще более обращением к

¹² Русское слово, № 4, Домашняя летопись, стр. 23.

¹³ Там же, № 7, стр. 128.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 2, № 80, л. 11.

¹⁵ Современник, 1863, № 5, Совр. обзор., стр. 127.

терминам, обычно употреблявшимся в то время реакционной журналистикой («русский патриот», «неблагонамеренность»). О «кратких, но правдивых известиях «Русского инвалида», противопоставляемых пространным сообщениям европейских газет, с иронией упоминается и во «Внутреннем обозрении» 4 № (стр. 346) При этом автор обозрения, Г. З. Елисеев, сразу же показывает цену подобной «правдивости»: упомянув, что, по сообщениям «Инвалида», восстание — дело ничтожной кучки революционеров, не находящих в народе никакой поддержки, Елисеев саркастически замечает: «и слабое польское восстание < . . > продолжало и продолжает держаться» (стр. 346).

В другом месте, в «Политике» 5 №, указывается, что, по реляциям «Русского инвалида», «отряд его (Лангевича — П. Р.) неоднократно бывал разбиваем и совершенно рассеваем русскими войсками», а все же, несмотря на это, представлял весьма серьезную силу (стр. 128). Но особенно отчетливо мысль о лживости официальных известий выражена во «Внутреннем обозрении» 3 №. В 46 № «Русского инвалида» была напечатана заметка, в которой выражалось негодование по поводу сообщений о польском восстании, публикуемых отдельными русскими газетами. Эти сообщения, утверждалось в заметке, почерпнуты «из революционной прессы и от органов польского мятежа < . . > Зачем же газетам распространять и поддерживать заблуждения? Если это делается неумышленно, то подобная небрежность со стороны редакций — прискорбна; если же это делается с умыслом — то оно преступно». В заметке содержался весьма прозрачный намек на то, что правительство готово рассматривать публикацию известий, почерпнутых из иностранной прессы и противоречащих официальным сообщениям, как измену. Вместо подписи в конце заметки стояло: «Сообщено». Таким образом, официальный характер предостережения не вызывал сомнений. Редакция газеты «Голос» приняла это предостережение и в свой адрес, так как печатала кое-что из иностранных известий, перечисленных в заметке «Русского инвалида», и поспешила оправдаться. В 51 № «Голоса» опубликована редакционная заметка, в которой утверждалось, что вовсе не обязательно от имени редакции опровергать каждое такое известие, что их абсурдность ясна сама по себе и пр. Елисеев приводит заметку «Голоса», но делает из нее выводы совсем иного порядка: тяга читателей к иностранным сообщениям о Польше объяснялась Елисеевым как результат справедливого недоверия «нашей публики к известиям, сообщаемым нашими газетами, в особенности официальным < . . > На публику смотрят < . . > как на нездоемое дитя, которому нельзя того сказать вполне, этого и вовсе, третьего в таком-то виде и т. д.¹⁶». По мнению Елисеева, в России «Все

¹⁶ Современник, 1863, № 3, Совр. обзор., стр. 51.

общество разделяется на две половины: одна половина старается скрыть или представить в ином виде те сведения, которые она должна передавать другой, другая старается добыть контрабандою эти сведения или в полном их количестве, или в истинном, неискаженном виде, если они полны по количеству»¹⁷ При этом те, кто искажают и скрывают истину, оправдывают свои действия «желанием общественного порядка и спокойствия»¹⁸ Прямо к событиям в Польше эти рассуждения как будто отношения не имели, речь шла о необходимости большей гласности, о том, что публика не верит известиям русских газет о восстании, так как вообще не привыкла доверять официальным сообщениям. Но в то же время автор «Современника», подчеркивая, сколь мало можно верить официальным известиям в целом, показывал тем самым, сколь мало доверия должны вызывать и вызывают правительственные репортажи о событиях в Польше. После таких рассуждений читатель, конечно, встречал с явной иронией слова о «несомненной правдивости» официальных сводок «Русского инвалида».

Останавливался «Современник» и на откликах реакционной печати по польскому вопросу, в особенности на позиции изданий Каткова. Последний высмеивается и осуждается буквально в каждом номере «Современника», и хотя такое осуждение далеко не всегда связывалось прямо с выступлениями Каткова по польскому вопросу, но читатель легко угадывал эту связь. Так, в 9 № «Свистка», приложенного к 4 № «Современника», Катков высмеивался в стихотворении «Песнь московского дервиша» Змиева-Младенцева (В. П. Буренина) При этом объяснялось, что роль дервишей заключалась «в возбуждении фанатизма «правовверных»» (стр. 71). Здесь же опубликована статья Салтыкова-Щедрина «Литературные будочники». В ней утверждалось, что именно 1863 г. внес в русскую литературу новый элемент, новые привычки: «элемент полицейский, привычки будочников». Автор резко осуждает антипольские выступления «Московских ведомостей» (№ 67) и «Нашего времени» (№ 66) хотя и не говорит прямо, что речь идет именно об антипольских выступлениях. Он обращается к сотрудникам реакционных изданий с гневным, саркастическим вопросом: «По поводу чего вы так расплясались? Рады вы, что ли, тому, что льется человеческая кровь?» (стр. 80).

О позиции «Русского вестника» упоминается и в обзоре новых книг 4 №. Здесь, между прочим, идет речь о «Заметках и отзывах», напечатанных в 1 № катковского журнала. В них говорилось о польском вопросе, о «неблаговидной» роли, которую играют в этом вопросе «мальчишки» и «нигилисты». Обозрева-

¹⁷ Современник, 1863, № 3, Совр. обозр., стр. 52.

¹⁸ Там же.

тель «Современника», Салтыков-Щедрин, высмеивал автора «Заметок», подчеркивая его связь с правительственной точкой зрения, пасквильность, официальный характер его «патриотического» негодования. При этом намекалось, что только такая точка зрения допускается и поощряется властями. По словам Щедрина, автор «Заметок» «Трогает умеючи»: «Это волнение спокойное, это гнев, так сказать, сладкий, уверенный в будущей похвале. Это идеал неподозрительного гражданского слога, посредством коего всякий благонадежный человек может выражать свои чувства со всею откровенностью» (стр. 290) Во «Внутреннем обозрении» 4 № с иронией говорится о позиции «Московских ведомостей» вообще, а затем без всяких примечаний приводится ряд антипольских выступлений катковской газеты. В «Нашей общественной жизни» того же номера ведется полемика с «Русским вестником». Щедрин иронически отмечает, что у того на все своя точка зрения, в том числе и на польский вопрос; «Современник» же не согласен с этой точкой зрения, имеет свой образ мыслей и не хочет писать под диктовку Каткова. В «Современнике» неоднократно говорится о «патриотизме» «Московских ведомостей», о разработке ими «специально» польского вопроса. При этом показывается, что в начале восстания русская журналистика, в основном, молчала о польских делах и иностранцы решили даже, «разумеется, по внушению наших врагов < . > что здесь общественное мнение расположено в пользу Польши, но что ему препятствуют высказаться в этом направлении»¹⁹, но затем газеты и журналы пошли по пути Каткова, начали появляться адреса, и с «недавнего времени русский патриотизм со всех сторон спешит заявить о себе по польскому делу»²⁰. Сотрудники «Современника» намекали и на те цензурные ограничения, которыми была связана передовая журналистика в своих высказываниях о Польше, и на сочувствие лучших русских людей восстанию, и на тот шовинистический угар, который охватил часть общества, разжигаясь реакционными и либеральными изданиями. С иронией рассказывается в «Современнике» о «патриотизме русских дам», решивших не покупать ничего иностранного, об издателе «Нового времени» Павлове, пропагандирующем их почин (см. «Внутреннее обозрение» 5 №).

В заметке Щедрина о книжке Львова «Сказание о том, что есть и что была Россия .» резко осуждается подобного рода «патриотизм». При этом Щедрин подчеркивает, что его размышления относятся собственно даже не к книге Львова, намекает, что речь идет обо всей антипольской, псевдопатриотической пропаганде. Говоря, что любовь к родине — живое и плодотворное чувство, автор считает, что «разжигать в нем (челове-

¹⁹ Современник, 1863, № 5, Совр. обозр., стр. 205.

²⁰ Там же, № 4, Совр. обозр., стр. 347.

ке — П Р.) это чувство выше той меры, которую он признает добровольно, будучи представлен самому себе, значит уже действовать не на патриотизм его, а на темное чувство исключительности и osobности»²¹ Он указывает на «неблаговонный запах», исходящий от такого рода «патриотических» воззрений. Но особенно резко о подобном «патриотизме» реакционных и либеральных изданий говорится в «Нашей общественной жизни» 5 №. Щедрин дает здесь резкий отпор Громеке, который в «Современной хронике» 3 № «Отечественных записок» выражал огорчение по поводу того, что русские издания молчат о польских событиях, и надежду на то, что, если бы они могли высказаться, то их выступления не слишком бы отличались от официального мнения. Громека как бы обращается к властям, уговаривая их смягчить цензурные ограничения, доказывая безопасность подобного смягчения. В то же время он призывает русскую журналистику к благонамеренной разработке польского вопроса, к осуждению восстания, к поддержке действий русского царизма. Щедрин опровергает выводы Громеки. Он показывает, что взгляды хроникера «Отечественных записок» могут быть и на самом деле близкими позиции Каткова, но что они вовсе не характерны для лучшей части русской журналистики. Молчание ее о польских делах, по мнению Щедрина, далеко не случайно: в нем скрыто и суровое осуждение действий русского правительства, и невозможность высказать это осуждение. Не случайно также, что говорят о польском вопросе только издания Каткова: «В самом деле, странное дело: литература молчит <. .> а какой-нибудь в скорбях зародившийся «Русский вестник» разглагольствует, а какие-нибудь сикофанством повитые «Московские ведомости» надрываются, и хоть от этой натуги распространяется по России не совсем хороший аромат, однако аромат как будто самостоятельный, или, по крайней мере, прикидывающийся таким» (стр. 235—236). Щедрин весьма отчетливо выражает сомнение в степени «самостоятельности» катковского «аромата», подчеркивая, что «столь же самостоятельно» действуют и некоторые другие издания.

Редакция подробно освещала политику европейских держав по польскому вопросу. Эта тема была значительно более безопасна в цензурном отношении. Реакционные издания резко осуждали правительства ряда стран Европы, в особенности Франции и Англии, за высказанное ими сочувствие польскому восстанию. В апреле 1863 г., когда западные державы вручили русскому правительству свои ноты по польскому вопросу, вся реакционная и либеральная журналистика резко порицала действия этих держав. Критика их была в то время, как правило, выражением официального патриотизма и благонамеренности:

²¹ Современник, 1863, № 10, Совр. обозр., стр. 318.

она не только не порицалась, но и поощрялась. Этим воспользовалась редакция «Современника», чтобы высказать свое отношение к восстанию. В «Современнике» резко осуждались взгляды западных держав по польскому вопросу, но совсем не с тех позиций, с которых осуждали их реакционные и либеральные издания. Так, в отделе «Политика» 4 № напечатана статья «Польский вопрос и европейская дипломатия». Ее можно было истолковывать как благонамеренную, напечатанную для успокоения тех, кто «опасаются вмешательства Европы в пользу поляков» (стр. 307). Автор порицал лицемерную и своекорыстную политику западных правительств, показывая, что их менее всего заботит судьба польского народа, что они лишь возбуждают в восставших надежды, не думая серьезно о реальной помощи им: «ни одна из великих европейских держав и не думает серьезно принять сторону инсургентов» (стр. 308). Подобного рода высказывания встречались в то время и в отнюдь не прогрессивной печати, но в «Современнике» они имели принципиально иной характер. В реакционных и либеральных изданиях они приводились, чтобы показать бесполезность и обреченность восстания, ненадежность «союзников» восставших, которым вообще бы не следовало вмешиваться в польский вопрос. В «Современнике» подобные высказывания проникнуты глубоким сочувствием к восставшим. Редакция осуждает европейские правительства не за то, что они вмешиваются в польские дела, а за то, что поддержка, оказываемая восставшим, недостаточна, ограничивается словами, определяется своекорыстными интересами. Подобная же оценка выражена и в «Политике» 5 №. Здесь говорится о «дипломатической комедии», разыгравшейся в связи с польскими событиями. О подлости европейских политиков, внушивших восставшим надежды, о «двусмысленности» действий западных держав рассказывается и в «Политике» 11 №. В то же время показывается, что общественное мнение большинства европейских стран сочувствует восстанию, что не следует пренебрегать этим общественным мнением (см. «Политику», «Внутреннее обозрение» 4 №, «Политику» 5 №).

Печатая обзоры зарубежных и русских известий о Польше, редакция «Современника» подчеркивала, что собственных оценок событий она не дает; «Высказывая мнения различных наших и иностранных газет по польскому вопросу, мы сами затрудняемся высказать какое-нибудь определенное свое мнение по этому предмету», — говорится во «Внутреннем обозрении» 4 № (стр. 356). Здесь же заявляется, что «чем более будет в решении его (польского вопроса — *П. Р.*) оказано любви, великодушия, терпения, тем прочнее будет его решение» (стр. 357). Такая акцентировка отсутствия собственных оценок имела двойной смысл: она в какой-то степени снижала ответственность за напечатанное и в то же время подчеркивала, что редакция жур-

нала не имеет возможности высказать свою точку зрения на польский вопрос. Так, в «Политике» 3 №, упоминая об откликах иностранной печати на польские события, автор замечал, что «иногда бывает гораздо лучше и удобнее заставлять говорить других, нежели говорить самому» (стр. 308)

С польскими событиями, по всей вероятности, связан и ряд произведений отдела «Словесности». Вне зависимости от того, в какой степени авторы таких произведений имели в виду восстание, эти произведения, опубликованные в «Современнике», приобретали вполне определенное звучание. К ним, в первую очередь, относится известное стихотворение Некрасова «Надрывается сердце от муки», напечатанное в 9 №. Правда, цензура искалечила стихотворение, выбросив строчку о барабанах, цепях, топоре. Но и после цензурных исключений читатель отлично понимал почему у поэта, слушающего в 1863 г. «в мире царящие звуки», «надрывается сердце от муки». Подобного рода стихотворений печаталось в 1863 г. в «Современнике» довольно много. К ним относятся переводы В. П. Буренина из Барбье. Так, стихотворение «Жертвы» (№ 6) почти наверняка вызывало мысли о расправе царизма над восставшими:

«Я видел стариков; с жезлами шли они,
Склонив чело и с бородой до чресел,
Подобные мужам, что в Риме в день резни
Смерть встретили среди курульных кресел;
За ними юноши, с отвагою в сердцах,
К добру и правде звавшие народы,
И, смертью прервана, в открытых их устах
Замолкла песнь священная свободы». (стр. 310)

Вряд ли не связывалось с современными событиями и стихотворение «Прогресс», напечатанное в том же номере:

«Вернулись снова к нам все ужасы былые,
Кровь полилась У матерей сердца
От страха замерли И в ночи роковые
Не умолкал дробящий стук свинца!
Злодейства старые времен бесчеловечных
Воздвигли вновь окровавленный стяг,
И все, все нам твердит, что мир в стремленьях
вечных
Вперед едва ли сделал шаг!» (стр. 312).

В 5 № опубликовано стихотворение Ф. Н. Берга «Солдатики», выдержанное в духе стилизации под народные песни. Но и оно, в определенной обстановке, могло восприниматься как

отклик на польские события, на что указывал в свое время В. Е. Евгеньев-Максимов.²²

«Там палят из пушечек, кораблики бегут.
Саблями да пулями изводят божий люд.
Кровью там все полито, телами постлано.
Очень, братцы, дело то пред господом грешно!»
(стр. 228).

Как косвенный отклик на события в Польше, на современную обстановку можно истолковать и стихотворение П. М. Ковалевского «Блажены милостивии», в котором звучит призыв к милости, осуждение «карателей преступно-бессердечных» (№ 3, стр. 624) и перевод Д. Д. Минаева из Ювенала «Древний Рим», напоминающий по тональности стихотворение Пушкина «Лицинию».

Звучала польская тема и в «Очерках старинного быта Польши» Е. П. Карновича, напечатанных в 5 и 12 номерах. Автор их совсем не затрагивал современных событий. Но сочувственная, несколько романтизированная обрисовка быта старой Польши, да и само появление очерков о Польше являлись своеобразным откликом на польское восстание. Любопытно, что один из очерков посвящен деятелю национально-освободительного польского движения конца 18 — начала 19 в., Костюшко, который изображен в весьма положительных тонах (см. № 12).

Итак, несмотря на исключительно тяжелые цензурные условия, редакция «Современника» сумела выразить довольно отчетливо и подробно свое отношение к польскому вопросу в связи с событиями 1863 г. Откликается на этот вопрос и «Искра» (см. карикатуры на Каткова, скупившего все шапки, чтобы закидать ими противника, на русских дам, отказавшихся от французских товаров, на публицистов, ждущих первого выстрела, чтобы забросать шапками и окатить квасом, на поэтов, настраивающих лиру, чтобы воспеть доблести русских войск, на дам, одушевленных любовью к квасу и т. п. №№ 18, 21, 28, 29 и др.).

Отклики «Современного слова» на польское восстание служат еще одним подтверждением демократического направления газеты Писаревского. Редакция «Современного слова» оказалась поставленной в весьма сложные условия. В обстановке разгула реакции, все более усиливающихся правительственных репрессий, она, конечно, не могла прямо высказать свое отношение к происходящему в Польше. Но не могла она, выпуская ежедневную газету, обязанную откликаться на все события дня, просто не писать о восстании, упоминать о нем лишь вскользь, как было возможно для толстых журналов.

²² В. Евгеньев-Максимов, Г. Тизенгаузен, Последние годы «Современника», 1939, стр. 241—242.

Поэтому в «Современном слове», так же как и в «Очерках», печаталось довольно большое количество материалов о Польше, имевших официальный или полуофициальный характер. Такие материалы, официальные телеграммы, сообщения систематически публиковались в «Современном слове» с начала восстания и до самого запрещения газеты, причем, по мере нарастания событий, число их даже растет. В конце апреля начинают печататься и адреса. Но, вынужденная помещать официальный материал, редакция ограничивается, как правило, этим, подчеркнуто не выражая своего отношения к событиям. Не имея возможности молчать, она отказывается истолковывать.

Так, в «Политическом обозрении» первых номеров «Современного слова», вышедших после того, как появились известия о восстании, о нем вообще ничего не говорилось. Такой же тактики редакция старалась придерживаться и в дальнейшем. Вскоре, наряду с официальными сообщениями, «Современное слово» начинает печатать отклики иностранной прессы на события в Польше. Редакция старается сразу же оградить себя от обвинений в «неблагонадежности», заявив, что, заимствуя материалы из иностранных газет, она не ручается, «впрочем, за их достоверность» (№ 23). А затем она систематически публикует такого рода материалы, которые часто весьма существенно отличались от официальных правительственных сообщений. Так, в том же 23 № говорилось, что ничего не слышно о нападениях повстанцев на частных людей, о грабежах: восставшие лишь конфискуют «казенные суммы и выдают в получении их квитанции». Здесь же рассказывалось о том, как толпа инсургентов из 40 человек повстречала двух жандармов; один из повстанцев узнал в одном из них человека, который ранее арестовывал его, и хотел убить жандармов, «но товарищи нашли бесчестным убить двоих, напавши на них толпою». В 80 №, в известиях из иностранных газет, сообщалось об убийстве повстанцами помещика Ламанского как о справедливой мере: он «был одним из сильнейших и злейших людей <. > он должен бы был быть приговоренным к вечной ссылке в Сибирь, от чего спасали его сильное влияние и громадные денежные средства». В иностранных известиях 106 № в сочувственном тоне говорилось о депутации английских рабочих, выступивших в защиту восставших поляков.

Рассказывает «Современное слово» и о поддержке восстания со стороны Гарибальди, о слухах, что он примет непосредственное участие в борьбе. Редакция продолжает давать отпор нападкам реакционной русской печати на Гарибальди (см. стр. 64). Уже сам факт сближения имени руководителя итальянского национально-освободительного движения с польскими повстанцами определял в какой-то степени и оценку польских событий редакцией «Современного слова»: ведь Гарибальди был

одним из тех людей, о которых газета Писаревского отзывалась с огромным уважением и восхищением, считая его пламенным патриотом, всегда готовым поддержать любое справедливое дело. «Современное слово» ни одним словом не намекнуло, что его положительное отношение к Гарибальди, которое так подробно выразилось в 1862 г., хотя бы в какой-то степени изменилось в 1863 г., в связи с позицией Гарибальди по польскому вопросу. Поэтому сообщения о поддержке Гарибальди польского восстания по сути дела означали признание правоты дела восставших.

С извлечениями из иностранных газет о событиях в Польше смыкались и известия об откликах на польское восстание за рубежом. Газета сообщала о парламентских прениях по польскому вопросу во Франции, Италии, Англии, Швеции, Пруссии, Австрии (Политическое обозрение 25, 29, 32, 33, 41, 42 №№ и др.). Редакция, как правило, при этом не высказывала своего мнения, ограничиваясь лишь изложением фактов. Но само изложение свидетельствовало, что общественное мнение Европы на стороне польских повстанцев, что с поддержкой их везде выступают наиболее прогрессивные депутаты парламентов, что лишь реакционные круги готовы оправдать русский царизм и поддержать его. Так, в «Политическом обозрении» 79 № говорится: «Мы должны признаться, что общественное мнение на Западе расположено в пользу Польши.» Обозреватель объяснял симпатии к восставшим теми же побуждениями, «какие руководили этим обществом во время последней итальянской войны, но к ним присоединяется еще то болезненное сознание, которое истекает из признанной всеми, не только в Европе, но и у нас < . > несправедливости раздела Польши». Отношение редакции «Современного слова» к национально-освободительной борьбе в Италии не вызывало сомнений. Поэтому ссылки на нее, выводы, что сочувствие Польше определяется теми же причинами, что оно даже еще более оправдано, явно свидетельствовали о солидарности газеты с общественным мнением Европы.

Особенно отчётливо симпатии и антипатии редакции выразились в сообщениях о враждебности к Польше Пруссии. Прусское правительство готово было заключить с Россией военную конвенцию, непосредственно помочь ей в подавлении восстания. Такая позиция, поддерживаемая правыми депутатами, осуждалась левым крылом прусского ландтага. Дело дошло до роспуска палаты депутатов. «Современное слово» довольно подробно сообщает о всех этих парламентских дебатах, общественном сочувствии к повстанцам, о том, что «в Австрии все газеты, а в Пруссии только либеральные вступают по этому (т. е. польскому — П. Р.) вопросу в оппозицию с прусским правительством» (№ 32). Еще ранее, в 1862 г., редакция весьма четко выразила свое отрицательное отношение к прусскому и

австрийскому правительству, раскрыв их реакционную, антинародную сущность. С симпатией рассказывала она о борьбе с правительством и правыми депутатами парламентской оппозиции, преувеличивая прогрессивность этой борьбы. Поэтому уже само сообщение, что с поддержкой русского самодержавия выступает прусское правительство и правые депутаты, а повстанцам сочувствует левое крыло палаты депутатов, содержало в себе уже определенного рода оценку: ведь отношение редакции к правым и левым было отлично известно читателям и не требовало особых разъяснений. Но редакция решалась иногда выразить свое мнение и более непосредственно. Так, в «Политическом обозрении» 42 № довольно открыто и прямо осуждается политика прусского правительства, именно по вопросу о Польше: последние события, по словам газеты, обнаружили в этой политике «разрозненность правительства с народом», «отрешенность правительственных побуждений от народных желаний». Здесь же мимоходом упоминается, что Фридриху II принадлежала «бедственная мысль о разделе Польши», т. е. отрицается само право русского самодержавия на польские земли.

Правительственные круги вскоре обратили внимание на опасность подобного рода иностранных известий и приняли меры к пресечению их. Об этом, в частности, косвенно свидетельствует перепечатанная в 115 № «Современного слова» заметка из 118 № «С.-Петербургских ведомостей», в которой говорилось об отказе редакции печатать недостоверные и сбивчивые сообщения иностранных газет о действиях европейских держав по польскому вопросу. Публикуя это сообщение, редакция «Современного слова» сопровождает его словами, в которых звучит и скрытое осуждение и намек на невозможность высказать это осуждение открыто: «Перепечатывая эту заметку, мы должны отказаться от всякой оговорки с нашей стороны». Свидетельством того, что власти были обеспокоены материалами о восстании, почерпнутыми из иностранных газет, служили и заметки, помещенные в 45 и 46 №№ «Русского инвалида»: в них порицалось обращение к непроверенным, часто враждебным русскому правительству, источникам. С конца мая иностранные сообщения из «Современного слова» почти исчезают.

Еще ранее, видимо, обороняясь от обвинений реакционных газет, редакция старается оправдать объективность тона своих сообщений о Польше, закономерность обращения к иностранным известиям: в «Политическом обозрении» 49 № говорилось о разрешении правительства печатать некоторые материалы из иностранных газет, о том, что, «сознавая вполне щекотливость этого вопроса, мы пользовались с особой умеренностью таким дозволением», передавая такого рода сведения «без всяких рассуждений и без всякого политического оттенка в изложении».

Но оправдания редакции не совсем соответствовали истине. Да и само подчеркивание того, что сообщения передавались «без всяких рассуждений», как бы свидетельствовало, что «рассуждения» «Современного слова» не могли бы оказаться приемлемыми для правительства: ведь не боялись «рассуждать» о Польше Катков, Павлов и прочие реакционные журналисты. Как уже отмечалось, в газете Писаревского, по необходимости, публиковался официальный и полуофициальный материал о «злодеяниях» поляков, о доблестях войск, подавлявших восстание и т. п. Но, даже печатая подобные сообщения, редакция иногда умела выразить свое отношение к ним. Так, в 41 №, говоря о действиях русских войск против повстанцев, о готовности их преодолевать трудности и т. п., редакция сопровождает свое сообщение словами: «Долг справедливости обязывает нас обратить внимание и сказать несколько слов о тех заслугах, которые оказывает в настоящее время наша армия». Отзыв в высшей степени сдержанный, резко отличающийся по своей тональности от тех восторженных криков во славу победоносного русского оружия, которые буквально заполняли страницы реакционных и либеральных газет.

В 72 № «Современного слова» перепечатано из «Очерков», что одна газета вычислила по официальным сообщениям потери русских войск и повстанцев: «Таким образом у инсургентов число убитых в сто раз больше числа убитых в русских отрядах, которые при каждой стычке средним числом теряли по одному убитому». Конечно, подобное сообщение, на первый взгляд, выражавшее радость по поводу небольших потерь русских войск, на самом деле звучало весьма иронически, указывая на полную неправдоподобность и лживость официальных сводок. Оно непосредственно перекликалось с замечаниями о «несомненной правдивости» правительственных реляций, о «кратких, но правдивых известиях» «Русского инвалида», печатавшимися в «Современнике» (см. стр. 91)

В таком же ироническом тоне выдержано и сообщение, опубликованное в 116 № «Современного слова». В нем говорилось о верноподданническом заявлении московских студентов в связи с событиями в Польше, напечатанном в 21 № «Дня». За внешними похвалами и здесь скрывалась едкая насмешка и над студентами, охваченными общим шовинистическим угаром, и над Аксаковым, издателем «Дня», опубликовавшим их письмо: «Мы с особенным удовольствием видим, что молодые люди, еще так недавно стоявшие, если так можно выразиться, не на совсем хорошем счету во мнении всех солидных и порядочных людей, мало по малу начинают входить в общую колею». «Современное слово» приводит заявление студентов и примечание к нему редакции «Дня» и делает вывод, что всё это факты, свидетельствующие, что скоро установится «порядок и спокой-

стве», «которого так нетерпеливо желали все друзья так называемого постепенного движения».

Характерно, что Салтыков-Щедрин в «Нашей общественной жизни» за сентябрь 1863 г., помещенной в «Современнике», иронически хвалил, в сущности, едко высмеивая, и позицию московских студентов, и издателей «Дня».²³

Когда правительства ряда европейских держав в апреле 1863 г. выступили с нотами по поводу событий в Польше и, казалось, что над Россией нависла угроза войны, когда все реакционные и либеральные издания буквально захлебывались, ругая восставших и тех, кто выражает им сочувствие, автор «Политического обозрения», напечатанного в 88 №, рассуждал о том, что война невыгодна не только для Европы, но и для России, говорил, что сложившееся положение дел «бедственно для нас», что «в польском вопросе < . > прискорбно все < . > нет в нем ни одной светлой стороны, ни одной утешительной случайности». Автор ссылаясь на выступления «некоторых из наших органов», которые «сочли долгом, высказывая свое убеждение насчет заблуждения восставших поляков, отдать справедливость тому самопожертвованию, с каким защищают свое дело люди, принадлежащие к партии восстания. Русские органы не забыли ни образованных юношей, выходящих с косами против русских нарезных ружей, ни жен и матерей, посылающих своих мужей и сыновей на почти верную смерть! Между тем долг велит нам действовать оружием против этого энтузиазма, конечно, революционного, незаконного и, положим, преступного, но, очевидно, искреннего и бескорыстного». Глубокое сочувствие к восставшим, понимание трагизма их положения, безрезультатности их героизма, серьезности причин, вызвавших события в Польше, определяли содержание статьи «Современного слова». Она резко отличалась по своей тональности от угроз полякам и их возможным союзникам, которые преимущественно печатались в периодике тех дней. Характерно, что в данном случае, хотя и ссылаясь на «некоторые из наших органов», сопровождая свои высказывания оговорками, предназначенными для цензуры (о «заблуждениях» поляков, о «незаконности» их действий), автор «Политического обозрения» довольно отчетливо подчеркивал свое сочувственное отношение к восставшим, свою точку зрения. Он на этот раз отступил от принятого редакцией правила не рассуждать о событиях в Польше, а лишь соответственно группировать материал. Отзывы обозревателя «Современного слова» о повстанцах внешне перекликались с оценками их действий, которые иногда появлялись в славянофильском «Дне», в почвенническом «Времени» и даже в «Русском инвалиде» (Это дало, между прочим, редакции воз-

²³ См. М. Щедрин, Полн. собр. соч. т. V, М., 1941, стр. 138—140.

возможность ссылаться на мнение «некоторых из наших органов»). Но акцент в выводах делался совершенно различный: для «Современного слова» замечания о неправоте восставших, о незаконности их революционного энтузиазма были лишь частностью, лишь данью цензуре, а главное заключалось в утверждении героизма повстанцев, в признании их самоотверженной борьбы; для славянофилов и почвенников признания искренности, храбрости восставших должны были привести к основной мысли о пагубности восстания и о необходимости расправы над ним.

Точка зрения редакции «Современного слова» на события в Польше отразилась и в высказываниях газеты о народности, патриотизме. Эта тема затрагивалась и до начала польского восстания, в 1862 г., в начале 1863 г. Основной удар наносился тогда в адрес реакции, стремившейся использовать знамя народности, патриотизма в борьбе с ненавистными «нигилистами», революционерами. Одним из излюбленных обвинений, которое реакционеры выдвигали против «нигилистов», было обвинение в отсутствии патриотизма. «Современное слово», как и другие демократические издания, едко высмеивает такой официальный «патриотизм» и «народность». Так, в «Протестах и заметках Выборгского жителя» (№ 66, 1862), написанных якобы благонамеренным обывателем, затрагивался вопрос о подобном «патриотизме». Выборгский житель считал, что патриотичны лишь безусловные похвалы порядкам России, всякое же осуждение существующего — свидетельство неблагонамеренности и отсутствия патриотизма. Обвиняя «Современное слово» в том, что оно «непатриотично», выборгский житель в качестве положительного примера приводит стихотворение Лермонтова «Родина», но при этом делает весьма существенную оговорку. Ему не нравится, что Лермонтов любит Россию «странною любовью»: «И нужно же было и тут поскромничать. Люблю, говорит, люблю отчизну я, но странною любовью. Что за скромность? Сказал бы просто: *люблю по-русски*». Автор «Современного слова» как бы подчеркивал, что подлинный патриотизм, патриотизм Лермонтова, лучших русских людей не имеет ничего общего с «любовью по-русски», с благонамеренным довольством выборгского жителя всем окружающим.

Вопрос о патриотизме затрагивался и в статье «Элегия в прозе» (№ 167 1862) в которой говорилось о детских книгах. Автор ее осуждал писателей, стремящихся к воспитанию у юношества «официальной любви к родине». Он доказывал, что чувство подлинного патриотизма вырастает лишь на основе сознательного понимания каждым человеком своего положения, положения своей страны; не громкими фразами о любви к родине, не выпренными «патриотическими» стихотворениями питается оно, а «реальными общественными отношениями»; чувство

патриотизма связано с «веками выработанными учреждениями», существующими в европейских странах. Может показаться, что автор «Современного слова» идеализирует буржуазно-демократические порядки. На самом деле речь здесь шла об ином. Похвалы европейским «учреждениям» (т. е., в первую очередь, конституционному, парламентскому образу правления) не столько отражали отношение редакции к реально существующему буржуазному строю, сколько подчеркивали неестественность, враждебность народу неограниченного самодержавного деспотизма. Вывод о том, что для подлинного патриотизма нужны иные условия, чем те, которые существуют в царской России, подводил читателей к мысли о лживости «официального патриотизма», о необходимости изменения действительности как залога возникновения настоящей любви к родине, разумной и осознанной, выросшей из понимания своих общественных прав и обязанностей. Такого рода выводы не раз повторялись в революционно-демократической критике (см., напр., статью Добролюбова «О степени участия народности в развитии русской литературы»)

В условиях же деспотизма и неограниченного произвола подлинный патриотизм, по мнению редакции, связан с отрицанием, с борьбой за изменение существующего строя.

Резкое противопоставление подлинного и ложного патриотизма, характеристика того и другого, даются в статье «Слова или дело?» (№ 11, 1863). Полемизируя с «Северной пчелой» по поводу немецких журналов, субсидируемых русским правительством, редакция подвергла резкой критике правительственный, официальный «патриотизм», стремящийся увековечить существующее, затушевать все язвы, «показать лицевую сторону товара». В статье подчеркивается, что настоящий патриотизм «ни в каком случае не требует тех громких, официальных фраз, которые так хорошо характеризуют так называемую «официальную любовь к отечеству». Точка зрения редакции «Современного слова» прямо противоположна взглядам присяжных хвалителей типа Скарятин и Каткова, которые утверждали, что «у нас все хорошо и не требует никаких изменений». «Мы принадлежим к людям, — говорится в статье, — которые не боятся обнажения общественных ран, а видят в этом одно из действительных средств для исправления». Может показаться, что подобное утверждение смыкается с позицией либералов-«обличителей». Тем более, что автор с похвалой упоминает о современных реформах. Но, учитывая общее отношение редакции к либералам-постепеновцам, к реформам, время, когда появилась статья, направленность ее против «официального патриотизма», приходишь к выводу, что слова о необходимости «обнажения общественных ран» имеют отнюдь не либеральный смысл. Не случайно статья привлекла внимание во время следствия и была отмечена

на как неблагонамеренная в отчете о направлении «Современного слова».²⁴

Вопрос о патриотизме и правде жизни затрагивался и в статье «Москва и московская журналистика» (приб. к 48 №, 1863). Автор ее полемизирует с Катковым, недовольным критическим направлением, последователями Щедрина. Он дает резкую отповедь попыткам Каткова изобразить критическое направление как антипатриотическое: ранее, дескать, из чувства патриотизма заглушали в себе чувство правды, теперь же из-за ложного стремления к правде жертвуют патриотизмом. В статье показывается, что и ныне «официальный патриотизм», о гибели которого сокрушается Катков, «здравствует благополучно», в последнее время он даже ожил и многие издания склоняются к мнению, «что от патриотизма требуется не столько доброжелательства своей стране, сколько восхваления всего того, что в ней существует». По мнению редакции, и теперь многие заглушают в себе чувство правды, особенно те, кто выступает против борьбы с общественным злом, кто считает, что оно «со временем исчезнет само собой»; на самом же деле «всякое стремление к правде безразлично прекрасно и желательно», «все пути к достижению правды одинаково законны и целесообразны». Подлинный патриотизм редакция связывает с идеями отрицания: «отрицание фальши, отрицание неправды, в какой бы то форме ни было, само по себе уже служит исходным пунктом дальнейшего, свободного развития мысли». В статье утверждается, что отрицание — необходимый момент всякого развития, что за ним всегда скрывается утверждение каких-то новых начал. В ней, правда, говорится об историческом опыте, отвергаются пути развития, поддерживаемые грубой силой. Но в качестве примера таких путей приводятся не революционные преобразования, а инквизиция, силой пытавшаяся сдержать развитие новых идей. По мнению автора, история благословила тех «заблудших», которые не подчинились деспотизму инквизиции, «стали на ложный путь к достижению истины и рядом тяжелых жертв и кровных (т. е. кровавых — П. Р.) побед завоевали свободу мысли, свободу развития именно на том ложном пути, который был предан проклятию». Читатели подводились к выводу, что именно такие люди — настоящие патриоты, а их «ложный», с точки зрения обывательского здравого смысла, путь отрицания — путь подлинного прогресса.

В 1863 г. споры о патриотизме приобретают новое звучание. Реакционные и либеральные издания соревнуются в изъяснениях своих «патриотических» чувств. Всякий, осуждающий повстанцев, одобряющий действия правительства, считает в это время долгом объявить о своем патриотизме. В таких условиях

²⁴ ЦГИАЛ, ф. 775, оп. 1, 1863, № 151.

выступления против него звучат отчетливым осуждением действий правительства, всей реакционной шумихи, поднятой в связи с восстанием. Такое осуждение слышится в фельетоне 42 №. Начиная его, автор замечает, что давно не беседовал с читателями. Он связывает прямо свое молчание с польскими событиями, намекая на возросшие цензурные препятствия. Упомянув о восстании, фельетонист «осуждает» поляков. На самом же деле он едко высмеивает реакционную, псевдопатриотическую печать, оправдывает дело восставших: «И из чего люди бьются? Право, непонятно! Ведь уж как, кажется, ясно доказал им Н. Ф. Павлов, в своих передовых статьях, что они все это пустяки затеяли! Кто их знает, не читают что ли они газету «Наше время», а если бы читали, то, верно, одумались бы». Ранее, в 1862 г., автор фельетона, под маской благонамеренного обывателя, «полемизировал» с «нигилистом», вкладывая в его уста свои собственные доводы. Теперь, в 1863 г., он «полемизирует» с «полякофилом». Тот объясняет автору, который якобы не понимает, что заставило поляков восстать, «будто бы поляки хлопчат о восстановлении национальности польской». «Возражая» «полякофилу», фельетонист замечает: «Чудное это дело, право, национальность! Из-за какого-то принципа национальности проливать кровь < . > И ведь что всего страннее, это то, что и образованные поляки толкуют тоже о национальности! Это для меня просто непостижимо. Да мало этого, по сведениям, сообщаемым в «Инвалиде», оказывается, что собственно сельские обыватели, т. е. попросту мужики и не думают о национальности, потому что не участвуют в восстании, а это все затеи какого-то центрального революционного комитета < . > Чорт знает что, совсем наоборот как у нас, русских. У нас < . > как только человек достиг известной степени развития, так, глядишь, он уж космополит < . > Ведь только И. С. Аксаков с весьма небольшою компаниею держится народного духа < . > Неужели же образованные поляки менее развиты, нежели образованные русские?» Автор «Современного слова» не только высмеивает противников восстания, официальные сообщения из «Инвалида» и т. п., он затрагивает в фельетоне чрезвычайно важный вопрос о сущности патриотизма, о различном восприятии слова «патриотизм» в разных условиях. По мысли фельетониста, принцип «национальности» для Польши в то время и в той конкретной обстановке — принцип прогрессивный, поэтому его поддерживают, за него борются лучшие, образованнейшие люди страны. Он неразрывно оказывается связан с принципом свободы. В то же время «народность», «национальность», «патриотизм», усиленно насаждавшиеся в 1863 г. правительством и рекламируемые в печати, по мысли фельетониста, глубоко чужды наиболее просвещенной части русского общества. Принцип «национальности» в таких условиях и в та-

ком понимании вел к шовинизму, к оправданию жестокого подавления восстания и, естественно, не поддерживался лучшими людьми России. Так переосмысливались в «Современном слове» правительственные сообщения о том, что народ не принимает участия в восстании. Автор фельетона еще более разъясняет свою точку зрения, полемизируя со взглядами славянофилов о разъединении общества и народа, как источнике всех «зол». Он считает, что «надо искать причин поглубже», а далее намекает, что действия правительства, официальной России для общества безразличны, а то и враждебны: «Точно будто успехи эти не наши, а чьи то чужие, посторонние». Такое положение, по мнению фельетониста, «зависит от многих причин и обстоятельств», но вина за него падает во всяком случае не на общество, не на народ; в других странах интерес к принципу национальности определяется событиями, которые «возбуждают их (народов — П. Р.) интерес к общему делу»; чем более народ «принимает сознательного участия в своей истории, тем более крепнет и развивается в нем чувство национальности». Автор намекает, что ни Крымская война, ни восстание в Польше не являются событиями, которые могут возбудить в народе «интерес к общему делу», что стремления официально-правительственные и народные не имеют между собой ничего общего, что условия, сложившиеся в самодержавной России, вовсе не способствуют активному, сознательному участию народа в своей истории. Такие рассуждения разоблачали миф, усиленно распространявшийся реакцией, о всенародном подъеме, вызванном в России событиями в Польше, об единстве народа и правительства. В них также отразились раздумья о пассивности народа, о его темноте, недостатках. Эти раздумья определялись «трудным временем» послереволюционной ситуации, являлись характерными для многих представителей демократической мысли.

Мимоходом, говоря об Австрии, фельетонист отмечает, что вообще «время стремления к великим всемирным монархиям прошло < . > Великие создатели великих монархий слишком дорого обходятся человечеству». Конечно, в период борьбы Польши за свою национальную независимость упоминания о всемирных многонациональных монархиях, об их реакционности, о необходимости дробления, федеративной децентрализации имели самое непосредственное отношение к политике русского царизма.

Резко и зло о событиях в Польше, о реакции на них русских обывателей, об их псевдопатриотизме говорится в фельетоне 89 №. В начале фельетона высмеиваются петербургские филлисты, чиновники, довольные собой мещане. Автор рассказывает об их отношении к польскому вопросу и тем самым раскрывает и свое собственное отношение, так как его ироническая оценка

филистеров не вызывает сомнения». «Петербургское филистерство взволновано, петербургское филистерство пробуждается и в ушах его раздастся уже гром оружия!» — саркастически замечает фельетонист, вспоминая такие же победные клики, раздававшиеся в начале Крымской войны: тогда тоже «все это было воодушевлено любовью к родине», все «кипело негодованием к врагам, дерзнувшим нападать на нас!»

По мнению автора, современные события очень напоминают те времена: «мы близки, очень близки к тому же пылу, к тому же восторгу»: он говорит о «воеводе Пальмерстоне», иронически советует заменить строки из ура-патриотического стихотворения периода Крымской войны («И киоски, и гаремы, И султанши, и улемы. Все под русский штык пойдет») словами более современными («И модистки, и гризетки, И цукерни, даже шведки, Все под русский штык пойдет!»)

Уже само сопоставление событий 1863 г. и Крымской войны (а оно проводилось в фельетонах «Современного слова» неоднократно) пробуждало воспоминания, весьма неприятные для русского правительства. Но еще более неприятен был намек на возможное сходство конечных результатов. Автор выразил его в форме «сомнений» «неблагонамеренного пессимиста», с которым он якобы спорил. Подобный прием хорошо знали читатели «Современного слова». Да и вообще он имел характер не столько цензурной предосторожности, сколько иронической акцентировки взглядов враждебного лагеря: «Есть не то, чтобы пессимисты, а уж чересчур осторожные люди, которые вспоминают при этом результат прошедшего пыла. Но эта боязнь совершенно неуместная. То было 9 лет назад, теперь же какая разница! Сколько мы, с тех пор, ушли вперед, сколько общих реформ, возродивших силы России, и частных преобразований и улучшений, изменивших совершенно тот порядок вещей, который был причиною всех неудач!». О всех этих реформах и преобразованиях в фельетоне говорится так серьезно, что может создаться впечатление, будто автор и на самом деле не разделяет опасений «чересчур осторожных» людей. Но в следующих строках ирония звучит уже совершенно отчетливо. Фельетонист продолжает рассказ о недоверчивых людях, которые не скажут «как тогда: шапками закидаем!». и об их противниках: «Они. Да мало ли что они. Но это ведь люди какие? Это или трусы, или неблагонамеренные! А те, в которых «отчизны голос...» Не помню как дальше; вот эти то горячие и, следовательно, сильные патриоты, они опять вострепнут, и не удержат их тем холодным резонансом, не удержат потому, что они трусы или неблагонамеренные и им всегда можно рот зажать». В фельетоне звучит отрицание реформ, насмешки над либеральными надеждами на «возрождение сил» послереформенной России, над «истинными патриотами» и их отношением к польским со-

бытиям. Фельетонист иронизирует и над славянофилами, воспевающими «всенародный подъем», над словами И. С. Аксакова о нравственной силе, более могучей, чем деньги и оружие: «Видите, это не то уже, что было 9 лет назад! Это не: шапками закидаем! А это силы нравственные призываются». Откликается автор и на сдвиг общества вправо, на измену ряда ранее прогрессивных людей своим прежним идеалам, на усиление среди определенной части молодежи ура-патриотических настроений. Он говорит, что «дети» стремятся ныне отомстить за былые поражения «отцов», что между теми и другими «примирение будет полное. «Отцы» станут восхвалять «детей»; а «дети» бросятся в объятия «отцов» <. .> Г Тургенев напишет новый роман «Отцы вместе с детьми». .» Такого рода отклики смыкаются с высказываниями Щедрина о раскаявшихся нигилистах и титулярных советниках. Не исключено, что они навеяны верноподданническим письмом московских студентов и аналогичными ему заявлениями.

В конце фельетона содержится намек, что весь этот патриотический угар может окончиться весьма неприятным похмельем: «Петербург ликует, и я ликую; Петербург поет патриотические песни, и я их пою <. .> Петербург вздумает струсить, и я струшу .»

В фельетоне 108-го номера автор возвращается к той же теме, сообщая, что обывателя обидел фельетон 89-го номера. Фельетониста обвинили, что он смеется «над священным чувством патриотизма», объявили «злокозненным космополитом, самым зловредным нигилистом, дошедшим до последних, крайних пределов нигилизма, до отрицания самого священного чувства — чувства патриотизма». Характерно, что автор, говоря о таких обвинениях, затрагивает вопрос о романе Тургенева «Отцы и дети», о тех основах, которые отрицает Базаров: «Многие говорят, что Павел Кирсанов, когда с ужасом произнес, что нигилисты отрицают даже и несколько точек, то, под одною из этих точек, разумел любовь к родине, патриотизм, и что вот я, будто бы, один из этих несчастных, отрицающих эти несколько точек». Возражая своим обвинителям, фельетонист «Современного слова» вовсе не протестует против сопоставления себя с людьми типа Базарова и не стремится доказать свое сходство с «истинными патриотами». Но он показывает, что такой «патриотизм» не имеет ничего общего с подлинными интересами народа: «Знает ли он (официальный патриот — П Р.), что ей нужно, этой родине? Страдал ли, страдает ли он, когда она страдала или страдает? <. .> Нет, нет, тысячу раз нет! Он пел: «Воеводу Пальмерстона». Он услаждал себя патриотическими карикатурами <. .> веруя, что все это патриотизм». В фельетоне с иронией рассказывается о решении московских дам не покупать ничего иностранного, которое так высмеивали и «Современник»

и «Искра». «К военным людям так и льнут, а потому, что патриотки», — саркастически замечает фельетонист и добавляет: «Теперь и московские барыни скажут, что я смеюсь над священным чувством патриотизма < . > Положим, что Александр Македонский был великий человек, но зачем же стулья-то ломать?»

Отповедь официальным патриотам дается и в редакционной статье 60-го номера «Современного слова», направленной против выступления Щебальского «Наши космополиты» (см. стр. 79). В ней прямо указывается на доносительный характер статьи Щебальского, на то, что он излагает «языком, понятным для детей, причины, по которым он полагает преступным всякий космополитизм вообще и в особенности в применении к польскому вопросу». В статье «Современного слова» говорится о двух лагерях; сторонники одного из них ищут «лучших форм общественного устройства»; сторонники другого — стараются остановить поток общественных стремлений. В прошлом второй из этих лагерей возглавлялся Булгаричым и Гречем, боровшимися со школой Белинского; «Теперь их знамя поочередно переходит из рук в руки. Его держат: известный законовед Борис Чичерин; московские публицисты Н. Ф. Павлов и Катков и, наконец, в Петербурге П. И. Мельников, г. Скарятин и г. Щебальский». В статье «Современного слова» резко критикуется весь лагерь реакционной журналистики. Редакция прямо противопоставляет себя этому лагерю, выражает солидарность со школой, родоначальником которой был Белинский. В газете называются и едко высмеиваются современные последователи Булгарина и Греча. О современных деятелях другого, враждебного им лагеря прямо ничего не говорится, но все сочувствие автора на их стороне, на стороне тех, кто не удовлетворяется существующим, ищет «лучших форм общественного устройства». Конечно, читатели хорошо понимали, что речь здесь шла о революционных демократах. Помещая отповедь Щебальскому, обвинявшему «Современное слово» в отсутствии патриотизма, редакция, вместо того, чтобы оправдываться, доказывать, что обвинения Щебальского лишены основания, подводила читателей к выводу, что подобный «патриотизм» всегда характерен для реакционеров, от Булгарина до Щебальского, что лучшие люди России, начиная с Белинского, всегда были чужды и враждебны такому «патриотизму». А отсюда следовало, что и в польском вопросе взгляды лучших людей страны должны коренным образом расходиться с позицией лагеря Каткова-Щебальского, с правительственной позицией, которую последние выражали.

В статье намекается на связь взглядов Щебальского с официальной точкой зрения, на невозможность прямо возражать ему, высказать мнение редакции по польскому вопросу: предмет спора «поставлен так, что все возражения противу него не воз-

можны, как, вероятно, знает это очень хорошо и сам г. Щебальский». Редакция зло иронизирует над Щебальским, которому «Современное слово» дало такой хороший повод написать «прекрасную диатрибу о космополитизме, о *господине народе*, не злорадно откликающемся на проливаемую им кровь < . > наконец о *государыне земле*, закипающей старинною злобой к ляхам». О доносительном характере выступления Щебальского говорится и в фельетоне того же номера. Здесь идет речь о трудности публикации фельетонов, о том, что сам редактор «Современного слова», опасаясь неприятностей, боится помещать их: ведь есть такого рода читатели, «которые следят тщательно за газетой < . > так что, при малейшей оплошности, тотчас накроют».

В фельетоне 77-го номера «Современного слова» вновь осуждается выступление Щебальского и позиция «Московских ведомостей». Фельетонист показывает, что катковское издание добровольно взяло на себя выполнение функций полиции, насмешливо замечает, что «попал под надзор .» «Московских ведомостей». Он говорит, иронизируя над призывами изданий Каткова о «сближении с народом», что хотел «сблизиться» с «Московскими ведомостями», но затем решил, что лучше прямо сблизиться с полицией, так как она — «сила ощутительная», «Московские ведомости» же и другие подобные издания «могут только содействие полиции оказывать, как то некоторые из них, редактируемые благонамеренными гражданами-патриотами, и делают. Замечу только мимоходом, что нельзя не похвалить при этом одну газету за сделанное ею объявление о том, что она будет содействие полиции оказывать, то же самое следовало бы сделать и другим, принявшим на себя эту патриотическую обязанность. Я не только не нахожу ничего дурного в таком содействии, но я похваляю его, но только с непрременным условием, чтобы о сем содействии заявлялось предварительно, и даже полезно было бы, чтобы такие благонамеренные граждане имели какое-нибудь внешнее отличие, не только для ношения на себе, но и на изданиях своих». Фельетонист выражал полную солидарность с хроникером «Нашей общественной жизни» «Современника», т. е. с Салтыковым-Щедриным, имея в виду ироническое предложение сатирика, высказанное в мартовском обзоре: Щедрин рекомендует давать благонамеренным литераторам какое-нибудь внешнее отличие (масличные ветви, шпагу либо особый шитый воротник)²⁵ «Это очень хорошо придумано —, замечает фельетонист «Современного слова», — < . > но при этом я предлагаю тем сочинителям-гражданам-патриотам, которые заявят желание содействовать полиции, дать алебарды, что означало бы, что эти сочинители не только мудрствуют и

²⁵ См. Н. Щедрин, Полн. собр. соч., т. 6, М., 1941, стр. 69.

поют, но и ограждают». О польском вопросе в фельетоне прямо не говорилось, но ведь и статья Шебальского, которую высмеивает фельетонист, и заявление редакции «Русского листка» об оказании содействия полиции, да и вообще все рвение «сочинителей-граждан-патриотов» обуславливались событиями в Польше. Поэтому фельетон следует рассматривать как еще одно выступление редакции «Современного слова» по поводу этих событий.

Восторгам «граждан-патриотов» фельетонист противопоставлял суровую, неприкрашенную правду. Он рассказывал о том, как, по призыву «Московских ведомостей», решил «сблизиться с народом». Изображая пьяного, безобразного, темного парня, автор «Современного слова» стремится показать, как не похож реальный народ на те сусально-умилительные «патриотические» описания, которые столь обильно печатались в 1863 г. во всех реакционно-либеральных изданиях. Газета подводила к выводу, что реформа не изменила судьбы народа, что положение его «все единственно», что его так же качает от водки, как прежде, и ему нет никакого дела ни до царя, ни до правительства, ни до польского восстания, ни до того «патриотического» подъема, который, по уверению реакционных изданий, охватил всю русскую землю. Не случайно во время следствия о «Современном слове» именно этот фельетон вызвал особое негодование комиссии (см. стр. 47). Но, говоря о пьянстве, темноте, покорности народа, о тех качествах, которые делали его нередко орудием в руках реакции, редакция показывала, что эти качества — результат экономических и социальных условий, в которых живет народ, что они не составляют сущности народа, что не народ нужно осуждать за эти качества: «Целые поколения сряду жили в невежестве, грязи, без сознания в себе достоинства человека, целые столетия употреблены были на притупление разума в этих поколениях; дошли, наконец, до того, до чего должны были дойти, идя по такой дороге» (заметка «Пить или не пить?», № 13, 1863). Автор заметки выражал уверенность, что, с изменением условий, народу будет легче отказаться от пьянства, чем представителям правящих классов — от самодурства. Подобные же мысли высказаны в рецензии на книгу Прыжова «Нищие на святой Руси» (№ 75, 1862), в которой с похвалой отмечается, что эта книга наводит на размышление о том, кто виновен в пороке нищенства и «какие тунеядцы, вместе с тунеядцами-нищими, эксплуатируют глупость известной среды».

Положительное отношение к этнографу-демократу Прыжову вообще характерно для «Современного слова». В рецензии № 75 его книга названа прекрасной. В № 98 (1862) высмеивая взгляды на нищенство московских реакционных и славянофильских журналистов, фельетонист «Современного слова» про-

тивопоставляет им точку зрения Прыжова. В 112 № (1862) опубликована статья Прыжова о Грановском.

В «Современном слове» высказываются мысли, отражающие взгляды на народ, народное творчество демократических этнографов и фольклористов. Так, в 106 № (1862) напечатана статья «Былины». В ней подчеркивается, что народ особенно любит те эпохи, когда он по своей воле, а не по приказу, принимал активное участие в общественной деятельности. Говоря о русских богатырях, рецензент «Современного слова» указывал на свободу их отношений к князю, на то, что, когда князь бывал несправедлив, богатыри не повиновались ему, вооружались против него. Подробно рассматриваются в статье былины о ссоре Ильи Муромца с Владимиром, о Вольге и Микуле; былина о птицах истолковывается как свидетельство растущих социальных противоречий. По мысли автора, в ней «описывается трудное положение народа, его тайное желание выйти из этого положения»; былина сложена народом, «когда стеснена была его прежняя жизнь», «когда он лишился самостоятельного участия в великом деле устройства земли и даже в устройстве своих собственных общественных дел».

В заметке об одной из хрестоматий рецензент «Современного слова» упрекал ее составителя за то, что тот приводит сказки лишь из сборника Афанасьева, не обращается к сборнику Худякова, не подчеркивает роль Ильи Муромца как крестьянина в княжеской дружине, его отношение к князю. Напомним, что И. А. Худяков — демократ-фольклорист, принимавший участие в революционном движении 60-х гг., привлеченный к следствию по каракозовскому делу, использовал произведения народного творчества в целях пропаганды революционных идей.

Высмеивает «Современное слово» и «патриотизм» славянофилов, их оценку польского восстания. В 68 номере газеты Писаревского опубликована большая статья «Ложное понимание патриотизма», направленная против писем Касьянова (И. С. Аксакова), печатавшихся в «Дне».²⁶ А ведь письма Касьянова вызваны событиями в Польше и написаны с позиций, враждебных восстанию. Иронизировало «Современное слово» и над статьями Гильфердинга о Польше. Автор «Политического обозрения» 73 номера, говоря о противниках славянофилов, включая в их число «Современник» и «Современное слово» (характерно, что здесь вновь подчеркивается солидарность этих двух изданий), критиковал Гильфердинга за то, что, вместо анализа живой, конкретной обстановки, он уходит в дебри веков и там ищет ответ на вопрос: за что борются поляки с русскими. Как говорилось выше, абстрактность, умозрительность рассуждений Гильфер-

²⁶ Ср с критикой Касьянова Щедриным в «Нашей общественной жизни» за май 1863 г.

динга осуждались и реакционными изданиями, которые были недовольны тем, что Гильфердинг слишком «мудрствует». прежде чем сделать вывод о виновности восставших и о закономерности расправы над ними. «Современное слово» осуждает Гильфердинга совсем с иных позиций, за идеализацию патриархальной России, за вражду к европейской цивилизации, а, главное, за критику восставших поляков, за попытки исторически обосновать неизбежность столкновения с ними, вражды русского и польского народов: «А поляк что делает у него? Поляк с самого начала изменил славянскому призванию, славянской цивилизации и т. д. Начав изменою, он должен был кончить мятежом — это ясно». Такого рода критика Гильфердинга самым непосредственным образом перекликалась с осуждением славянофильской точки зрения по польскому вопросу, выраженным в «Современнике».

Все приведенные материалы ясно показывают, что редакция «Современного слова» полностью разделяла мнения русской демократической печати о событиях в Польше, что, несмотря на чрезвычайно трудные условия, она сумела довольно широко отразить свои взгляды на страницах газеты. Отклики «Современного слова» на польское восстание служат еще одним веским доказательством близости газеты лагерю «Современника». Они, как и все выступления «Современного слова» по основным проблемам русской действительности, неопровержимо свидетельствуют о принадлежности его к изданиям демократического лагеря. Газета Писаревского, несправедливо забытая исследователями, должна занять достойное место в истории русской журналистики 1860-х годов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
1. Борьба газеты «Современное слово» с правительственной реакцией послереформенного периода	5
2. Отклики в русской периодической печати на восстание в Польше 1863 г. и газета «Современное слово»	71

Тартуский государственный университет
Тарту, ул. Юликооли, 18

П. С. Рейфман

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
«СОВРЕМЕННОЕ СЛОВО»

На русском языке

Редактор Ю. Лотман

Корректор З. Минц

Технический редактор Э. Выханду

Сдано в набор 28. II 1962. Подписано к печати
30. VI 1962. Бумага 60×92, 1/16. Печатных листов
7,25. Тираж 500 экз. МВ-05283. Заказ № 2185.
Типография им. Ханса Хейдеманна, ЭССР,
г. Тарту, ул. Юликооли 17/19. I.

Цена 44 коп.